

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

СКАТЕЛЬ

6

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

И

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

6

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1978

СОДЕРЖАНИЕ

Александр КУЧЕРЕНКО — А на Кавказе шли бои	2
Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ — Запретная зона .	39
Эдуард ХЛЫСТАЛОВ — Запах коньяка . .	113
Жорж СИМЕНОН — Мегрэ в мебелирован- ных комнатах	127

№ 108

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

А НА КАВКАЗЕ ШЛИ БОИ

Повесть

ГЛАВА I

9 августа 1942 года. День.. Черная «эмка» стремительно, не снижая скорости, влетела в поспешно распахнутые автоматчиками охраны ворота и, коротко взвизгнув, остановилась у крыльца. Командующий фронтом грузно поднялся на крыльцо, остановился и, достав из кармана запыленных галцифе носовой платок, приложил его к распаренному, багрово-красному лицу. Было жарко.

Спустя мгновение выскочил адъютант. Не глядя на него, глубоко задумавшись, генерал коротко приказал:

— Начальника тыла ко мне.

Собравшиеся в приемной офицеры и генералы, молча вытянувшись, приветствовали командующего, но никто не решился заговорить. Грузная фи-

гура генерала армии словно уменьшилась в эти трудные дни, согнутая тревогами и заботами.

— Попозже с делами, — обронил командующий, закрывая за собой дверь кабинета.

Он только что вернулся с передовой. На Кавказе по всей линии фронта шли тяжелые бои с превосходящими силами противника. Войска отступали. Но как? Генерал не мог припомнить за всю свою длинную и богатую боевую жизнь такого ожесточения, такой стойкости и мужества. Каждый оставленный метр родной земли был щедро полит кровью сотен, нет, тысяч героев. Он ощущал, что отступление должно вот-вот прекратиться. Все медленнее и медленнее продвигались фашисты, словно сжимая до отказа гигантскую пружину противостоящего фронта. Чувствовалось: еще немного, и наступит тот предел, когда она неизбежно распрявится. И тогда...

Но пока генерал гнал от себя эти мысли о том, что будет тогда. День ото дня все категоричней Ставка Верховного Главнокомандования требовала — прекратить отступление. Во что бы то ни стало. И сейчас он то и дело невольно поглядывал на аппарат ВЧ, ожидая звонка.

Чем остановить? Вражеские войска превосходили наши во всех видах вооружения, гораздо лучше снабжались боеприпасами. А он позавчера отдал приказ сократить до минимума расход снарядов на контрбатареиную борьбу. Каждый на счету... Да разве только снаряды... Чем заменить исковерканные орудие, танк, пулемет, истлевшую пару солдатского белья, изорванную гимнастерку. Особенно не хватало горючего... Фашисты отрезали его фронт от остальной страны. Единственная транспортная нить, питающая фронт, — Закаспийская железная дорога через Оренбург, Узбекистан, пески Туркмении. Одноколейка, она задыхалась от напряжения. Сдерживал поток грузов и Каспий. На его восточном берегу, в Красноводске, приходилось переваливать вооружение, боеприпасы, продовольствие на суда.

Единственная нить. И потому уязвимая. Если враг сможет вывести ее хоть на сутки... Эта мысль холодом обдавала сердце.

Командующий поднял глаза. Начальник тыла уже с минуту переминался с ноги на ногу, не решаясь напомнить о себе.

— Садись, — сказал генерал устало. — Давай сводки. Чему радуешься?

Но тут сам увидел — за минувшую неделю поставки горючего выросли на четверть.

— Новый способ транспортировки, — пояснил начальник тыла. — Железнодорожные цистерны теперь не разгружаем, а спускаем в Красноводске прямо в море и буксируем в Баку.

— Инициаторов представить к боевым наградам, — распорядился командующий и погрузился в чтение сводки.

* * *

9 августа 1942 года. Ночь...

Гул моторов возник на западе. Слабый и едва слышный. Словно звук не мог пробиться сквозь тонкий слой перистых «слоеных» облаков, подсвеченных звездами. Невидимый самолет был еще далеко и шел на большой высоте.

До этого мгновения чабан спал спокойно. Он устроился на

после у подножия большого бархана, круто убегающего ввысь мелкими сглаженными песчаными волнами. Здесь было тихо и уютно. От бархана тянулся до горизонта обширный, ровный, как высохшее соленое озеро, глинистый такыр*, прскаленный солнцем. После недолгих весенних дождей он теперь напоминал гигантское мозаичное панно из неплотно пригнанных, твердых, как кирпич, плиток красноватой глины. Укрытием чабану служил кусок легкого выгоревшего брезента, накинутый на два прута, глубоко воткнутых в песок. Нехитрое это сооружение прикрывало его от гулявшего поверху северного ветра.

Неподалеку багрово тлел костерок из саксаулсовых сучьев, уже подернутый белесовато-сизым пеплом. Рядом с ним высилась конусообразная, черная от копоти жестяная тунча — походный чайник, — позабытая у огня сморенным усталостью чабаном.

Он крепко спал, вытянувшись во весь рост на тонкой потертой кошме, неудобно запрокинув за голову левую, здоровую руку.

Но, услышав гул моторов, спугнувший чуткую тишину пустыни, он заворочался. Задышал часто, с хрипом, слабо рванул ворот выцветшей гимнастерки свободной рукой, так и не проснувшись. Снилось страшное...

...Машина, тяжело раскачиваясь, сползла с берега на лед. Раздался тихий ползущий треск, и он инстинктивно ухватился уцелевшими пальцами за скамеечную доску. Резкая боль волной прокатилась вверх по раненой руке, и он, не выдержав, застонал, не разжимая стиснутых зубов.

— Ты что? — склонившись к нему, участливо спросил сосед, обдав горьковато знакомым запахом. Его издавала невообразимая смесь малой толики табака и сушеных осенних листьев, которую курили в блокадном Ленинграде. «Наша марка из вашего парка», — невесело шутили бойцы. Шинель соседа-сержанта с двумя треугольниками в петлицах насквозь пропиталась этим запахом, вызывающим в памяти дымные уличные костры, шварк дворничьих метел по мокрому асфальту. Шапки у сержанта не было, ее заменяла огромная чалма из грязновато-белых бинтов, словно у ходжи, совершившего паломничество в Мекку.

— Держись, — сказал сержант. — Живы будем — не померем. Табачком не богат?

Он отрицательно мотнул головой. Мергены-охотники никогда не курят. Запах табачного дыма в пустыне зверь чует далеко.

— Жаль. Поскребу по карманам, — безнадежно протянул сержант.

Минуту-другую он молча сопел, ерзая на скамейке, обшаривая карманы шинели. Затем принялся за гимнастерку и галифе. Машина шла бойко, кузов часто встряхивало на ледяных застругах, и тогда порой слышался тихий стон. Раненые сидели, тесно прижавшись, согревая друг друга.

— Нету ничего, — вздохнул сержант, выпростав наконец руки из карманов и отряхивая пыль с ладоней. — Придется потерпеть. Ничего, на том берегу настоящим табачком разживемся. Слышь, браток, тебя как зовут?

— Абдулла, — ответил он негромко и попытался улыбнуться

* Т а к ы р — ровная глинистая площадка среди барханов.

непослушными, задубевшими от мороза губами. Словоохотливый сержант ему нравился. Веяло от него какой-то внутренней, глубокой уверенностью, падежностью.

— Из Казахстана будешь?

— Из Туркмении.

— Молчи ты, браток. Каждое слово из тебя клещами тянешь. Мена вон, к примеру, Василнем кличут...

Сержант вдруг замолчал, прислушиваясь. Полное, налитое нездоровым лихорадочным румянцем лицо его стало бледнеть.

— Ш-ш-ш... — прошептал он.

И сквозь шум мотора Абдулла явственно различил нарастающий треск, стелющийся за машиной. В кузове смолкли разговоры, раненые замерли вслушиваясь.

— Лед не выдерживает, — пояснил сержант тем же тревожным шепотом, словно боясь, что громкий голос усилит опасность. Он привстал и зашарил правой рукой по шинели, нащупывая и расстегивая пуговицы, чтобы разом сбросить ее в случае чего.

Полуторка уже едва ползла, рыская из стороны в сторону. Задние колеса, бешено вращаясь, погружались в проступившую на льду воду, тяжелые, обжигающие брызги залетали в кузов. Сердце чуяло густой холод зимней воды, сжимаясь в тугой комок смертной тоски. Абдулла закрыл глаза, откинулся, прислонившись спиной к зыбкому брезенту тента. Плавать он не умел и воды боялся с детства, а там, под колесами, глубина...

— Ты что, умирать собрался, браток? — Мощная рука сержанта цепко ухватила за воротник. — Вставай, приготовься. Не один ты здесь, поможем в случае чего.

Но тут полуторка резко рванула вперед, словно отцепившись от чего-то, и вновь понеслась по льду.

— Уф, кажется, пронесло, — облегченно вздохнул сержант. — Живы будем — не помрем. Так — нет, браток?

Абдулла судорожно улыбаясь задеревеневшими губами, запахнул на груди полурасстегнутую шинель.

— Не застегивайся, — посоветовал сержант. — Мало ли что, ехать еще долго. Где воевал?

Абдулла не успел ответить. Полуторка резко тормознула и, поскользив немного вперед, остановилась. Послышался самолетный гул.

— Немцы! — крикнул сержант. — «Юнкерсы»!

Задний борт полуторки с грохотом отвалился. Последним на лед неловко прыгнул Абдулла и побежал в сторону от машины. Страшный нарастающий гул висел над ним, заставляя сгибаться. Морозный воздух обжигающей болью рвал легкие. Споткнувшись о плотный снежный заструг, Абдулла упал на раненую руку и чуть не закричал от ослепляющей боли, но сознания не потерял.

Прямо перед ним темнела вода, по льду змеялась трещина метра в два, и он понял, почему остановилась машина. От ноющего гула моторов отделился нарастающий свист. Он буравил мозг, мучительной тошнотой подкатывал к горлу, и Абдулла закрыл глаза, вобрав голову в плечи, приник к жесткому сукну рукава.

Грохот разрыва, казалось, ударил совсем рядом, осколки льда стегнули по спине, и стало тихо. Мир смолк, исчезли все звуки. Абдулла открыл глаза, увидел впереди столб воды, вы-

росший прямо изо льда, метрах в ста от него. Затем другой, третий. Бомбежка продолжалась, и он понял, что оглох. Между опадающими фонтанами воды бежал солдат в завязанной под подбородком ушанке. Бежал во весь рост, не таясь, словно в атаку, с длинной широкой доской в руках. Солдат не добежал до трещины метров десять и, словно споткнувшись на бегу, рухнул на лед.

Был он первым. За ним появилась целая группа солдат с досками. Не пригибаясь, они бежали к трещине и, казалось, не замечали пляшущих разрывов, свистящих осколков льда и металла. Окрасилось кровью лицо одного. Он уронил тяжелую ношу, закрыв голову брезентовыми рукавицами, и медленно осел на лед. Упал другой. Но остальные были у трещины, перебрасывали через нее доски, рубили лед топорами, ладя импровизированный мост.

Распоряжался всем пожилой старшина с морщинистым, красным, обветренным лицом, на котором выделялись заиндевевшие брови и усы. Мост был уже почти готов, когда старшина схватился за бок, неловко присел, но продолжал что-то кричать товарищам...

* * *

...Ветер хлопнул брезентом, сыпанул песком по лицу, и Абдулла проснулся. Разлепил веки — в глаза ударила бездонная темная пропасть неба. Яркие, словно отмытые, звезды почему-то дрожали, раздвигаясь, кружились. Потом постепенно успокоились, замерли. Только сердце продолжало биться глухо и больно, и было трудно дышать. То ли сон, то ли явь...

Костерок дышал теплом, тускло краснели сквозь пепел угольки. Минуту-другую Абдулла сосредоточенно смотрел на них, унимая разбушевавшееся сердце. Откуда-то из глубины души поднималась ликующая радость — жив! Жив! А в ушах, не затихая, стоял грохот разрывов, свист бомб, и он пока не различал самолетного гула, что нарастал, приближался в темном небе. Слышал, но не отличал от того, в облачном холодном небе над Ладогой.

Звезды мерцали успокаивающе. «Как там, на фронте?» — с привычной, неубывающей тревогой подумал Абдулла. С этой мыслью он просыпался вот уже второй месяц, с тех пор, как вернулся в родное село после госпиталей.

— Все, солдат, отвоевался, — сказал председатель медицинской комиссии, ставя на справке размашистую подпись. — Получай документы и отбывай в родные края. Кем до войны работал?

— Трактористом.

— Н-да... — протянул председатель, глянув на изувеченную ладонь руки, из которой страшно торчал розовый обрубок единственного уцелевшего пальца. — Придется тебе профессию сменить. И с легкими у тебя тоже не в порядке. Постарайся найти работу на свежем воздухе.

Абдулла улыбнулся. Дед и отец его были чабанами. И, не приди в село первый трактор, он также водил бы отару.

«Как там на фронте?» Весть в пустыне — редкий гость, особенно здесь, на дальних отгонных пастбищах. Через неделю он выйдет к южным колодцам, там должны быть газеты.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Гул усиливался, и Абдулла наконец прислушался. Моторы надсадно выли над его головой в глубине ночного неба. Нет, это не сон. Он даже тряхнул головой, провел ладонью по лицу, ощутив враз похолодевшую влажную кожу. Сердце забилося глухими толчками. Этот звук он не мог спутать ни с каким другим. От него дребезжали заклеенные крест-накрест узкими бумажными полосками стекла в ленинградской школе, оборудованной под госпиталь. Так выли моторы тяжелых «юнкерсов», заходивших на бомбежку.

Абдулла замер, до боли в глазах вглядываясь в небо, огромное и пустынное. Но ничего не увидел. Казалось, это мерно, угрожающе, до звона в ушах гудят звезды.

Гул удалялся. Туда, где бесконечные гряды барханов убежали за горизонт, к далекой Амударье.

Сунув ноги в чокoi из грубой сыромятной кожи собственной выделки, Абдулла, неловко опираясь на левую руку, поднялся. Искалеченная кисть правой еще мозжила, и он инстинктивно берег ее, боясь потревожить тихо ноющую боль.

Гул тяжелого «юнкерса» жег мозг, и Абдулла торопливо и неловко начал скатывать кошму. Толстый войлок не желал слушаться, топорщился, гнулся на истертых местах, и чабан в сердцах бросил кошму. Сдернул с колышка брезент, но не стал складывать его, принявшись спешно затапывать костер, опасно поглядывая на небо.

Теперь гул удалялся, медленно растворяясь в ночном небе. «Что делать?» — впервые осознанно и четко всплыл вопрос, вытеснив все остальные мысли. В том, что это вражеский самолет, Абдулла не усомнился ни на миг. Война, на полгода отодвинувшись от него, вновь встала рядом.

«Что делать?» И, ничего не придумав, растоптал последнюю тлеющую головешку, подхватил с земли берданку и побежал по такыру, вслед за невидимым самолетом. Туда, где на горизонте темнела массивная барханная гряда, песчаный горный хребет с «пиками» высотой с десятиэтажный дом, провалами-седловинами, густо поросшими саксаулом.

ГЛАВА II

Бежал Абдулла трудно, задыхаясь. Воздух с клетотом вырывался из больных легких, горячий липкий пот заливал глаза, разбедая их до жгучей рези, и некогда было остановиться, передохнуть, отереть лицо. Берданка тупо и больно била по лопаткам, но он не решался бросить ее, свою единственную защиту от расплотившихся поджарых каракумских волков. Только на ходу сдернул с плеча и понес в здоровой руке, плотно охватив цевье длинными сильными пальцами.

Он добежал до гряды, когда самолетный гул был едва слышен, и, не останавливаясь, стал взбираться на самый высокий бархан. Ноги скользили, проваливаясь в мягкий осыпающийся песок, и Абдулла снова забросил берданку за плечо, цепляясь здоровой рукой за прутья редких колючих кустиков, которые росли и здесь, на голом песке, добираясь до влаги многометровыми корнями. Колючки впивались в загрубевшую ладонь, и он вырывал их зубами, чтобы вновь ухватиться за следующий куст.

Добравшись до вершины бархана, Абдулла окончательно выбился из сил и присел на кромку плотно сбитого ветром песка.

Перед ним до самого горизонта простиралась мертвая песчаная зыбь, испещренная белесоватыми пятнами солончаков.

— Коюнлы, — прошептал он запекшимися губами, по давней чабанской привычке разговаривая вслух с самим собой.

Это было самое гиблое место в Заунгузье, где горько-соленые подпочвенные воды, выходя на поверхность, убивали даже неприхотливую пустынную растительность. Зверь и птица обходили Коюнлы стороной, а человеку и подавно здесь было делать нечего. В его ауле ходили легенды о смельчаках, рискнувших забраться сюда в поисках древнего города и не вернувшихся назад.

— Коюнлы, Коюнлы, — машинально шептал Абдулла, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Он прищурил глаза, вглядываясь в пространство между небом и землей.

Звезды здесь, казалось, светились ярче, быть может, оттого, что воздух был чище. Мелкую песчаную пыль, постоянно висящую над барханами, осаживали озерца с прозрачной соленой водой. Из-за облачка выплыла луна. И в ее колеблющемся свете Абдулла увидел три сгустка черноты, три темных пятна с размытыми очертаниями, что медленно проплыли над самой кромкой горизонта. И исчезли за ней один за другим.

Абдулла встал всматриваясь. Но больше ничего не увидел. Пошатнувшись от усталости, закрыл заслезившиеся глаза. Поплыли, наслаиваясь, радужные круги, ноющая боль тугим обручем стиснула контуженую голову. Круги росли, пульсировали в такт головной боли. И вдруг перед ним возникло румяное лицо молодого бойца в летном шлеме на фоне нарядного парашютного купола. И надпись: «Вступайте в Осоавиахим!»

Плакат, засиженный мухами, висел на серой, давно не беленной стене аульного сельсовета. Старый чабан Кичи-ага, вернувшись с отгонных пастбищ, долго рассматривал его, удивленно цокая языком. Завидев Абдуллу, позвал:

— Иди сюда, сынок. Ты в Ашхабаде учился, Расскажи, зачем это?

Абдулла рассказал.

— На все воля аллаха, — удовлетворенно сказал Кичи-ага. — Надо же, придумали. С неба спускаться, как ангелы.

«Парашютисты», — вяло подумал Абдулла, снова присаживаясь. Боль не отступала, не проходила свинцовая усталость.

«Парашютисты», — польхнуло в воспаленном мозгу. И он вспомнил: недели три назад на южные колodцы приезжал лейтенант из НКВД. Собирая чабанов, проводил беседу о бдительности. Он еще подумал тогда: «Что в пустыне может случиться?» Фронт грохотал в сотнях километров отсюда. У Сталинграда, на Кавказе...

«Зачем они здесь?» — размышлял Абдулла. Радужные круги перед глазами завертелись, раздвигаясь, путая мысли, и он открыл глаза. Пустыня молчала, ничего не изменилось вокруг. Может, это все привиделось, послышалось. В песках всякое бывает. Особенно в таких местах, как Коюнлы. Он сам однажды, как наяву, видел безбрежное озеро, лодки на нем. Но то было днем, жара тогда стояла страшная. А сейчас ночь.

Может, это сон, один из тех, тяжелых, что приходят к нему почти каждую ночь? И надо только проснуться? Пустыня молчала. Молнией метнулся вниз варан. Ночь — время охоты.

«Что им надо в песках?» — мучительно думал Абдулла и не находил ответа. Порой он впадал в полузабытье, закрывая глаза. Усталость проходила медленно, клонило ко сну. И, словно во сне, проносились обрывочные картины.

Глухой полустанок в Каракумах, где несколько часов простоял на запасном пути их санитарный поезд. А мимо, грохоча, пронеслись на запад, к Каспию, и дальше на Кавказ эшелоны. Платформы, покрытые брезентом, под которым угадывались орудия, танки, автомобили.

Голос учителя на уроке географии: «Через Туркмению проходит единственная железная дорога, связывающая Среднюю Азию с Кавказом».

Абдулла закончил семь классов, курсы трактористов в Ашхабаде и считался в ауле образованным человеком. Таких пока было немного. «Железная дорога, — догадывался он. — А может, железнодорожный мост в Чарджоу, единственный на Амударье. Отсюда по прямой километров триста. Знали, где высаживаться: Коюнлы — место безлюднейшее».

Он сам пошел сюда, в окрестности Коюнлы, без спроса, вспомнив совет отца: «Если в Ак-су трава плохая, идти надо на север до Коюнлы, а там сворачивать к колодцу Порсы. Воды в нем немного, но на отару хватит. Зато трава всегда, даже в сухой, есть».

«Делать-то что?» — билась безвыходно мысль. Время шло. Абдулла почти физически ощущал его неумолимый бег. Серело небо на востоке, предвещая утреннюю зарю, а он все сидел на бархане, поджав ноги, неотрывно глядя в одну точку на горизонте. Туда, где увидел парашютистов.

Одиночество, которое никогда не угнетало его, древнее и привычное, как сама профессия чабана, теперь становилось нестерпимым. Люди были далеко.

Первое желание — предупредить. Бросить все и, не мешкая, не теряя ни минуты, идти. Но куда? До аула, на границе песков, там, где был телефон, километров двести. Ему и в неделю не добраться. До южных колодцев, где можно застать транспорт — полуторку с продуктами из района, или, на худой конец, разжиться конем у верблюжатников, идти не менее трех суток. И то без отары...

«Делать-то что?»

В иссушенном быстрым бегом горле першило. И Абдулла потянулся к фляге, висевшей на поясе в чехле, скроенном матерью из обрывка старого шинельного сукна. Помятая, исцарапанная солдатская алюминиевая фляга напоминала ему недавние фронтовые дни. Ее он сберег, привез с собой.

Отвинтил крышку, поднес ко рту. Весомо болтулась вода. Но пить не стал, передумал, придя наконец к окончательному решению. Он пойдет за парашютистами. Будет преследовать их, не выпуская из виду. А там... Дальше пока не виделось и не придумывалось.

Бережно вложив флягу в чехол, Абдулла, притормаживая пятками, съехал с бархана и быстро зашагал по такыру.

Свою отару чабан догнал на рассвете. Над дальней барханной грядой показалось солнце, брызнув ослепительными, сразу жаркими лучами, залил пространство пустыни устойчивым светом. Темно-серый песок зажелтел, глаза невольно сощурились, и Абдулла сбежал с наветренной, открытой стороны гряды в распадок. Здесь идти было труднее, но невесомые, почти прозрачные тени причудливо изогнутых саксауловых деревьев создавали ощущение прохлады. Теперь солнечные лучи били ему в спину, жгли даже через плотную, задубевшую от соли ткань гимнастерки. И Абдулла невольно подумал, что в такой одежде ему не выдержать долгого пути по пустыне.

Перевалив через сглаженный ветром бархан, голый, как череп святого, он увидел отару. Овцы разбрелись по кустарнику, лениво пощипывали редкие щетинистые кустики пожухлой, выгоревшей до пшеничной желтизны травы. Поскрипывали под овечьими копытами сухие шары верблюжьей колючки.

Из-под раскидистого саксаула, ветви которого почти стелились по песку, молча выметнулся огромный серо-грязный пес, с разбегу ткнулся в колени, чуть не сбив с ног. Абдулла присел, запустил руку в лохматую шерсть на собачьей голове, потрепал. Пес взвизгнул от неожиданной ласки, лизнув рукав гимнастерки. Соскучился.

Абдулла поднялся. Мелькнула мысль: а не взять ли Эльбарса с собой? Нет, не выдержит собака того, что ему предстоит. Позвал:

— Реджеп!

— Я здесь, дядя Абдулла.

Паришка неслышно подошел сзади. Стоял, опершись на толстый, суковатый, отполированный десятками зарубелых ладоней до блеска чабанский посох. В полудетских руках он выглядел тяжелым и большим. В агатово-черных глубоких глазах подростка застыло недоуменное удивление: Абдулла выглядел так, как будто за ним гнались. Не было на чабане привычного снаряжения — кошмы, брезента, посоха.

— Овец поил? — строго спросил Абдулла.

— Да, — звонко откликнулся чолук*.

Абдулла посмотрел на своего помощника, и теплое чувство шевельнулось в груди. Небольшого росточка, ладно сбитый, с широкими плечами и сухими узкими бедрами, Реджеп в свои четырнадцать лет был истинным кумли — человеком песков. Три года, проведенные в пустыне, научили паришку не бояться ее. Он не заблудится, по мельчайшим приметам найдет дорогу. Степенен, выдержан. Спросить ведь хочет: что случилось? Весь любопытством светится, а молчит как камень.

— Костер ночью жег?

— Нет, к колодцу спустил, чтобы до утра напоить. Как договорились.

— Молодец.

Почему он молодец, Реджеп не понял, но спросить опять не решился. Надо будет, дядя Абдулла скажет. Сила мужчины в выдержке. Во всем.

* Ч о л у к — подпасок.

— Поставь чай. Только смотри разведи костер без дыма, как я учил.

И опять немой вопрос в глазах у парнишки остался без ответа. Абдулла разыскал старого ишака у колодца. Осел стоял, понуро опустив голову. Реджеп разнуздal его, но выюков — двух мешков с продовольствием и одеждой снять еще не успел. Чабан развязал мешки. Стянул с себя гимнастерку, надел вместо нее легкую вязевую рубашку, завязал у горла тесемки. Затем достал из выюка отцовский старый домотканый халат — серый со светлыми полосами. Накинул на себя. Теперь он будет служить ему и палаткой, и постелью, и одеялом. Расстелил на песке платок-кушак, потянулся к мешку с продуктами. Что взять с собой? Наломал небольшими кусками черствую лепешку, полосой выложил на платке. Достал крошечный кулек с колотым сахаром, развернул. Поколебавшись, отсыпал треть себе, остальное положил на место. Реджепу расти — сахар детскому организму нужен.

Скатал платок в кушак, здоровой рукой затянул потуже узел на животе.

— Готово, дядя Абдулла.

Чолук осторожно поставил перед ним закопченную тунчу с кипятком, вынул пиалу.

— Садись.

Порывшись в кармане галифе, чабан вынул бумажный пакетик, сделанный из газетной бумаги, величиной с половину спичечного коробка. Осторожно развернул его.

Реджеп напряженно следил за его руками. На бумаге крохотной горкой высился чай. Настоящая заварка, сухие зеленовато-черные скрученные листочки. Давно, уже с год, не видел парнишка такого богатства. Заваривали кипятком чем попало, только не настоящим чаем.

Абдулла взял шепочку, бросил в тунчу. Чаинки на поверхности кипятка вспенились, потянуло тончайшим ароматом зеленого чая. Реджеп не выдержал, с шумом потянул ноздрями воздух.

— В Куйбышеве на базаре случайно купил, — сказал Абдулла. — Там зеленый не пьют.

Свернул пакетик, протянул парнишке.

— Держи, будешь в дороге пить. Сил прибавляет.

— А ты куда? — не выдержал в конце концов Реджеп.

— Я? Слушай, ты уже мужчина...

Абдулла рассказал о том, что произошло, прилебявая разведенную в чае каурму*, набираясь сил. Чолук слушал внимательно, с широко раскрытыми глазами, затав дыхание. По лицу его пробегали тени то гнева, то испуга. Ладонь самопроизвольно сжалась в кулак, так, что белели костяшки пальцев. Перебивать старшего нельзя, но тут такое дело.

— У них автоматы?

— Наверное, — просто ответил чабан. — Я не видел. Слушай, времени мало. Ты с отарой пойдешь через Порсы к Узун-куи. Дорогу помнишь?

— Да, — сдавленно ответил парнишка, сглатывая подкативший к горлу комок.

* Каурма — мелкие кусочки бараньего мяса, обжаренные и залитые жиром.

— Завтра к утру доберешься туда. Овец обязательно в Порсы напон, иначе могут не выдержать. Больше нигде не останавливайся. Днем сильно отару не гони, овцы вес сбросят, помни, бойцам на фронте мясо нужно. Особенно в Ленинграде..

Абдулла немного помолчал.

— Мы с тобой слово дали — каждую по сорок килограммов сдавать, помни.

— Помню, — эхом отозвался чолук.

— Возле Узун-куи пасет овец Кичи-ага. Расскажешь ему все, оставь отару яшули* и иди к южным колодцам. Туда Аман-ага должен с продуктами приехать.

Седобородого Амана-агу недавно избрали председателем колхоза вместо ушедшего на фронт Муратберды Овезова, первого колхозного агронома.

Абдулла обнял Реджепа за плечи здоровой рукой, притянул к себе, заглянул в глаза.

— Дойдешь? — спросил.

— Дойду, — шепотом ответил чолук. — Все сделаю, дядя Абдулла.

— Если потеряешь дорогу к Узун-куи, иди прямо к Узбою. Запомнил?

— Да.

— А теперь смотри. — Абдулла разгладил ладонью песок, стал чертить прутиком. — Вот Коюнлы. Я обойду его с юга, выйду к могиле Мямиш-ишана. Где-то там они должны пройти. Другого пути на юг, к железной дороге, у них нет. А потом... — Он помолчал немного. — Ладно.

Что будет потом, он пока и сам не знал.

— Мне пора.

Абдулла сполоснул пиалу кипятком, перевернул ее вверх дном. Смахнул рукавом пот со лба, поднялся. Подтянул кушак, нагнувшись потянул шапку. Чолук подал берданку...

— Саг бол**, Реджеп.

— Саг бол.

Парнишка смотрел ему в спину, пока Абдулла не скрылся за барханом. И тогда у него на глазах всплыли слезы, крупными прозрачными каплями падая на песок. Он был мужчина, но еще совсем маленький...

ГЛАВА III

Полуденный зной Абдулла переждал в тени полуразрушенного мазара*** Он прилег под мощной глинобитной стеной, но заснуть никак не мог. Страх не было, пустыню он знал, как закоулки родного дома. Особенно эти места, где прошло его детство.

«Есть ли у них автоматы?» — улыбнулся про себя, вспомнив наивный вопрос Реджепа. Есть ли, нет — сейчас это мало беспокойло. Пусть попробуют достать его здесь, где с детства зна-

* Я шу ли — старый уважаемый человек.

** Саг бол — до свидания (турки).

*** М а з а р — могила мусульманского святого в виде небольшого мавзолея с круглым куполом.

ком каждый бархан, взгорок, кустик. В Каракумах он научился видеть осторожнейшего пустынного волка за полкилометра раньше, чем тот обнаружит, почует его, охотника. Родная земля укроет. Да и ноги еще, слава аллаху, целы и здоровы. Он-то сам от любой бы погони ушел, растворился, затерялся бы в бескрайних песках, полных надежных укрытий, таких, как этот забытый всеми мазар. Но теперь он сам бросился догонять парашютистов, слабый и практически безоружный, с одной рукой. Удастся ли что-нибудь сделать, помешать диверсантам? Собственная беспомощность угнетала...

Абдулла достал из кармана два патрона для берданки. Всего два, больше у него не было. Даже по одному на диверсанта и то не хватит. Внимательно осмотрел доньшки гильз — тусклая красная медь капсюлей была ровной и чистой. Не подведут. Берданка лежала на коленях. Истертый до серебристого блеска ствол, ложа из простого дерева, ободранная, шершавая, лопнувшая вдоль и скрепленная проволокой.

В детстве, загулявшись, он вбегал в дом и сразу смотрел на стену. Если берданка висела там, значит, приехал из пустыни отец. И он бежал во двор искать его. Находил и прижимался к сухому, пахнущему солнцем, травой и овцами халату, снизу заглядывая в морщинистое, пропаленное солнцем до кирпичной багровости лицо. Отец трепал его по обритой головке и спрашивал:

— Скоро каникулы? А то скучно мне без тебя в песках. Эльбарс тоже тебя ждет. — Все псы отца были Эльбарсами. Из поколения в поколение.

* * *

Домой со станции после госпиталя добирался Абдулла пешком, за семьдесят километров. Машины к ним не ходили, аул был маленький и далекий, у самых песков. Над оазисом висело темно-серое, набухшее влагой весеннее небо. Изредка срывался холодный дождь, но Абдулла не замечал его. На душе было легко и радостно.

Он шагал проселком, посреди вспаханных, пряно пахнущих разбуженной землей полей, и вполголоса тянул по привычке бесконечную чабанскую песню. На полях работали женщины. В цветастых узорчатых платьях и ярких платках. Они украдкой поглядывали на него, тут же отводя глаза, и долго смотрели вслед, порой всхлипывая, не в силах удержать внезапно нахлынувших слез. Вернутся ли их сыновья, мужья, братья?

Он не видел их скорбных лиц, но радостное настроение почему-то постепенно угасало, безотчетная тревога проникала в сердце. За весь день он так и не встретил ни одного мужчины, и только раз услышал далекий родной гул трактора. Абдулла видел этих сельских трудяг на фронте, где они, отчаянно пытаясь, таскали тяжелые гаубицы.

Переночевал он в районной гостинице, отсюда до аула было рукой подать, километров тридцать. И еще до рассвета пустился в путь, чтобы попасть в родной дом засветло. Последний километр уже не шел, почти бежал. И так, запыхавшись, толкнул маленькую узкую дверь в потрескавшейся, осыпавшейся глино-

битной стене. Берданка висела на привычном месте. Радостно екнуло сердце — отец дома, застал все-таки.

Но тут из темного угла, за небольшим подслеповатым окошком, вышла мать. И он сразу заметил, как она осунулась, постарела. Подошла, уткнувшись в гимнастерку, заплакала. Он боялся обидеть ее, но не выдержал, оторвал от себя, заглянул в лицо, крикнул:

— Где отец?

В пустых отрешенных глазах матери прочел горе.

— Умер?

Она горестно и отрицательно покачала головой, тихо сказала:

— Погиб.

Писем он почти не получал, так уж нескладно сложилась его фронтовая судьба. Сначала ранение, затем госпитали — армейские, пересыльные, поездные, тыловые.

«Погиб», — звоном отозвалось в голове. Как же так, его не должны были призвать, пятьдесят минуло. И тут же понял — не в годах дело. Не мог бывший байский батрак, три года не слезавший с коня в гражданскую, усидеть дома, когда шла война за его жизнь, за жизнь его детей.

Мать, мелко семеня, подошла к расписному сундуку, достала письмо.

Он читал закапанные слезами, расплывшиеся строки, а она, плача, рассказывала:

— Через три дня после твоего отъезда вернулся из пустыни отец. Узнал о войне, оставил отару на чолука и приехал. Никого не спросил, не посоветовался, а сразу сказал: «Собирай меня сейчас же». Я едва успела чурек испечь, а он уже был готов в дорогу. Достал свою саблю наградную, помнишь, и в тот же вечер уехал в Ашхабад...

Абдулла читал письмо, и строки двоились в набрякших глазах. «Ваш муж одним из первых ворвался на вражеские позиции, зарубил нескольких гитлеровцев, но и сам пал смертью героя. Мы, боевые товарищи Вашего мужа, никогда не забудем его. Отомстим за его смерть. Политрук эскадрона Георгий Букаров».

Дочитал, скрипнул зубами от невыносимой муки. Темное, ослепляющее чувство ненависти и гнева поднялось из глубины души. Рванулся к двери.

— Ты куда? — испуганно вскрикнула мать.

Куда? Бить, стрелять, уничтожать. Но, схватившись за ручку двери, опомнился. Действительно, куда бежать? Фронт далеко, туда не попадешь. Даже если сильно захочешь. Обидно, что он, за двести шагов попадающий пулей в голую тонкую ветку, так и не сделал ни одного выстрела.

Закружилась голова, из груди вырвался хриплый стон. Мать подхватила под руку. Быстро расстелила кошму, бережно уложила, стянув с ног тяжелые запыленные сапоги.

Вечером пришел Аман-ага, новый председатель колхоза. Сбросил разношенные галоши у порога, присел на кошму рядом. Поговорили. Помянули добрым словом отца Абдуллы. Аман-ага долго молчал, сопя, пил заваренный сухими листьями солодки чай, затем спросил:

— Болеешь?

Зажав в кулак остренькую редкую седую бороду, смотрел сочувственно и ожидающе. Абдулла понял его.

— Работать могу, — ответил, натужно улыбувшись. — Только не на тракторе. У кого мой СТЗ?

— У Курбангуль Овезовой. Старательная девушка. По три нормы пашет. Мужчине не угнаться.

Остро шевельнулось тоскливо-печальное чувство, словно потерял что-то очень дорогое. Никогда ему больше не сесть за рычаги трактора.

— Я понимаю, тебе отдохнуть надо... — начал и не закончил старый председатель, принявшись за десятую, исходящую паром пиалу. Сосредоточенно дул на слабо окрашенный кипяток, не глядя на Абдулла.

— Отдыхать сейчас некогда, — ответил. — Если дадите отару отца, хоть завтра пойду в пески.

— Спасибо тебе, — тихо и просто сказал Аман-ага, тяжело поднимаясь. — Бери отцовскую, лучше нет. Завтра на колодцы машина пойдет из района. Газеты захвати, расскажешь там о войне. Первый ты у нас вернулся...

Утром Абдулла снял со стены берданку, запустил руку в козровую сумку, вытащил два патрона.

— Больше нет, — сказала мать. — Последние. Береги.

* * *

Он держал теперь в руке эти два патрона, которые берег на крайний случай. Абдулла тщательно протер патроны полкой халата и снова спрятал. Горячая волна ненависти поднялась из глубины души, смыла все сомнения и страхи. Он должен найти парашютистов...

Раскаленный полуденным солнцем воздух почти зримо струился перед прищуренными глазами, все живое забилось в норы, под редкие кусты, зарылось в песок, ни звуком, ни движением не выдавая себя. Над песками легла абсолютная тишина, какую не сыщешь нигде в мире. Кажется, даже ветру лень было шевельнуться в такую жару.

Абдулла устроился поудобнее, прикрыл лицо шапкой и, отрешившись от мыслей и воспоминаний, наконец погрузился в тяжелую душную дрему — полусон-полузабытье.

Проснулся, как и намечал, — солнце висело низко над горизонтом. Дышалось легче и свободней. Плотный халат и шапка сберегли влагу в теле, и ему почти не хотелось пить. Полежав минуту-другую неподвижно, он напряженно вслушивался в окружающий его мир, но тишина стояла плотно и недвижно.

Отдохнув, шел Абдулла легко и экономно, как ходят лишь люди песков. Излишняя торопливость в летней пустыне вела к быстрой потере воды и сил, которые восстанавливались трудно и долго.

Переваливая через очередную гряду барханов, Абдулла, прикрывшись ветвистым кустом, внимательно и осторожно оглядывал простирающуюся внизу песчаную равнину, или такыр. И после этого пускался в путь, не спуская глаз с северной стороны, где за горизонтом раскинулись Коюнлы. Скорее инстинктивно, ибо был уверен, что те трое уже ушли из тех гиблых мест. Задерживаться там им не было смысла и времени.

Маршрут диверсантам должна диктовать летняя пустыня, где жизнь измерялась количеством воды, припасенной странником, пустившимся в путешествие по здешним местам. Диверсанты могли взять с собой двух-трехдневный запас влаги, больше не унести тропи при всем желании. А ведь при них и другой груз есть.

Значит, рано или поздно они должны выйти к колодезю, чтобы наполнить свои фляги и продолжить путь. Вряд ли они пойдут к известным большим колодезям, где днем и ночью можно встретить людей и которые связаны между собой оживленными чабанскими тропами.

Скорее всего они будут искать колодези давно заброшенные, на бедных пастбищах, дающие в сутки несколько ведер воды. Их в песках было немало, небольших, полуобвалившихся, вырытых в давние времена бедолагами чабанами, согнанными с богатых пастбищ всеильными баями. Скудной той влаги при жесточайшей бережливости хватало на то, чтобы напоить десяток-другой бедняцких овец. Располагались колодези эти вдали от дорог, и люди не бывали на них годами. Помнили о них немногие, главным образом, потомственные чабаны. Помнили на всякий случай, мало ли что бывает в пустыне. События иногда чабан с пути в непогоду или в поисках разметанных горячим ветром овец — заброшенный колодез вырчит, напоит. И путник в долгу не останется — в меру своих сил подравняет стенки, заменит истлевший от времени кусок веревки, подправит прохудившееся ведро.

Когда-то отец, готовя Абдулла к профессии чабана, рассказывал ему об этих колодезах, заставляя запоминать их названия, места. Детская память восприимчива, уроки даром не пропали.

Сейчас он вспоминал на ходу: Нарзы-кую, Бяшим-кую, Великую и другие колодези, расположенные к югу от Кююкы, сохранившие на десятилетия имена своих основателей-чабанов. В одних еще была вода, другие давно пересохли. Вспоминал подходы к ним, обходные и кратчайшие, с севера и востока, — все могло пригодиться. Но глаза по-прежнему зорко обшаривали окрестности.

У могилы Мямнш-ишана Абдулла впервые за всю дорогу приложился к фляге с полуостывшим зеленым чаем, сделал несколько скупых медленных глотков. Живительная влага смыла сухость в горле, немного взбодрила. Есть пока не хотелось, и он прилег в косо́й предвечерней тени, отбрасываемой небольшим шатровым куполом могилы. Как ни гнали его вперед тревога и ненависть, силы надо было беречь — таков суровый закон пустыни, выработанный веками кочевий, доказанный сотнями трагических смертей заблудившихся, забывчивых, торопящихся.

Прикрыв воспаленные от ослепительно яркого солнечного света глаза, он пытался представить себе тех троих, но ничего не получалось. В памяти возникали сытые белые рожи с бессмысленными глазами в серо-зеленых френчах с закатанными рукавами. Он вдоволь рассмотрелся на них в киносорниках, которые без конца крутили по вечерам в госпиталях. Таким здесь, в пустыне, делать нечего — это Абдулла понимал. Тут другие, обученные, тренированные, готовые к любым невзгодам и неожидан-

ностям, какие только можно предусмотреть, вооруженные до зубов.

То, что ему с ними не справиться, Абдулле тоже было ясно. Ни в открытую, ни другими способами. Но в пустыне диверсанты пока были безвредны, и достаточно найти их и не потерять из виду дня три-четыре. К концу недели Реджеп выйдет к людям, расскажет.

А что, если не дойдет, заблудится? Неожиданная эта мысль резанула по сердцу, перехватила на миг дыхание. Как мог успокоил себя: парнишка умел делать в пустыне практически все и соображал не хуже взрослого. Но совсем успокоиться так и не смог, тревога за подростка занозой засела в сердце, чуть шевельни — и больно.

...От могилы святого, отдохнув и слегка подкрепившись, Абдулла двигался еще осторожней, часто останавливаясь и вглядываясь в песок. Пустыня была полна следов, незаметных и непонятных стороннему взгляду, но ясных и приметных ему. Он любил разгадывать тайны песков по едва заметным бороздкам и углублениям в рассыпчатом песке, на твердой глади такыров. По двум-трем капелькам-пятнышкам засохшей крови, едва различимым шерстинкам домысливал-восстанавливал извечную звериную драму, утверждающую право сильного и голодного.

В подсвеченных легкой синью ранних сумерках хорошо выдилось, но лучистый диск солнца уже касался горизонта, разливаясь по нему багровой каймой. И Абдулла затропился, прибавил шагу, впервые по-настоящему беспокоившись, что не сумеет найти до ночи следов группы. Может, диверсантов совсем не интересует железная дорога и путь у них иной? На север, в Казахстан, или на запад, к челекенским нефтепромыслам?

Холодом обдало от таких догадок, даже остановился. Но усилием воли стряхнул внезапное оцепенение, пошел дальше. Сработала охотничья привычка к долготерпению: нет долго удачи — не отчаивайся, не сдавайся, ищи, пока хватит сил.

Когда впервые мелькнула мысль повернуть назад, проверить себя, Абдулла увидел нечеткий лисий след. Пустынный корсак, бравший размеренно и размашисто к какой-то далекой, ведомой только ему цели, вдруг остановился, потоптался и со всех ног рванулся в обратную сторону. Что-то сильно напугало лиса. Даже волк бы так не смог. Обошел бы его лис по широкой дуге, не повернул бы вспять.

Колотнулось сердце в предчувствии — значит, на людей ненароком наткнулся хитрый и осторожный зверек. Там, где явно не ожидал. Еще прибавил шагу Абдулла, не заботясь уже о самочувствии, ибо начало темнеть, и быстро, буквально на глазах, как всегда на больших открытых пространствах. Когда воздух сгустился до сплошной синевы, наконец увидел: по склону бархана наискосок вились следы, глубокие, с осыпавшимися краями. Шли диверсанты след в след. Измученный больше сомнениями, чем трудной дорогой, Абдулла едва поверил в удачу. Полез по склону, чуть ли не носом тыкаясь в каждую вмятину.

Встал, отряхивая с ладони песок. Подумал: тяжело нагрузились, поэтому и идут медленно, ему это на руку, можно не спешить, и передохнуть время будет. Башмаки у них крепкие, из добротной кожи, на толстой подошве с закраинами. В самый

раз по пескам ходить, не проваливаются. Новые — запах кожи учуял.

Присел. Закружилась голова, в груди разлилась тихая ноющая боль. Шел в напряжении, не чувствовал. Сейчас при виде следов развезло. Но теперь он далеко их не отпустит. Передохнет и пойдет дальше.

ГЛАВА IV

Под утро Абдулла уже не шел, а брел на едва сгибающихся, ватных ногах. Отдыхать подолгу не мог — боялся отстать от диверсантов, которых еще не видел и не знал, насколько они обогнали его. По следам в сухом песке не определишь, когда прошел зверь или человек. Лишь по ширине шагов он догадывался, что идут диверсанты не быстрее его.

Поэтому Абдулла заставлял себя подниматься, досчитав до пятисот. Часов у него не было, а усталость, стоило только прилечь на прохладный песок, незаметно скрадывала время. Приходилось отмерять его размеренным отсчетом. Вставал и упрямо шел вперед, порой спотыкаясь о невидимые в темноте низкие кусты, тяжело проваливаясь в мягкий песок на склонах барханов. Мелкая песчаная пыль скрипела на зубах, иссушила рот и горло, сухой одеревеневший язык неприятно драл небо.

Рука все чаще притрагивалась к фляге на поясе, мучительно хотелось сделать хоть один глоток, но недремлющий мозг мгновенно просыпался, четко и ясно всплывала мысль: «Нельзя». Незвестно было, когда вновь придется наполнить ее: через сутки ли, через двое.

За пазухой, почти у живота, лежала у Абдуллы тщательно закупоренная бутылка с водой. О ней он старался забыть начисто. Это был его последний шанс, последние десять глотков.

Проведя в песках половину жизни, он научился сдерживать жажду, обманывать ее, подавлять, обходиться минимальным количеством воды. Но все же наступал момент, когда обезвоженный организм катастрофически начинал терять силы, кружилась голова, и перед глазами плыли радужные круги. Тогда Абдулла присаживался на корточки, отвинчивал крышку и вливал в рот тоненькую струйку, стараясь растянуть два-три глотка как можно дольше. По телу морозцем пробегала короткая сладостная судорога, становилось легче дышать, возвращалась ясность глазам. Через минуту-другую он мог встать на ноги и идти дальше.

Сбережению его мизерных запасов помогала прохладная ночь. Днем под палящими лучами солнца фляга истечет за два-три часа, и тогда... Об этом он старался не думать.

Близился рассвет, и с каждой минутой таяла надежда, что он догонит диверсантов этой ночью. Каждый шаг давался все труднее, хотя Абдулла старался избегать песчаных наносов и склонов, шел по наветренным сторонам барханных гряд и, заведя такыр, сворачивал на него, делая небольшие крюки. Ходьба напрямик по песку отнимала слишком много сил.

С тревогой прислушивался к клекоту в груди. Пожевав, он собрал во рту немного вязкой соленой влаги, сплюнул на ладонь. Это была кровь, легким не хватало кислорода.

Присев в очередной раз, Абдулла внезапно завалился на спи-

ну и уже не смог встать. Закружились, свиваясь огромными кольцами-жгутами звезды, потемнело до могильной черноты небо, сонная мягкая одурь заполнила голову, смежила веки, и он начал проваливаться в вязкую приятную бездонность. Не было и желания сопротивляться этому.

Но уже на краю сознания полыхнуло белым пламенем в мозгу, открылся безбрежный лед Ладоги и разодранное в крике лицо старшины. Абдулла открыл глаза, дотянулся до фляги, протасил ее по животу, прислонил ко рту.

Отдышавшись, встал, подставил лицо свежему предутреннему ветру, что дул с юга. Насторожился. И, еще не веря себе, принюхался, широко раздувая ноздри. Сомнения исчезли — тянуло едва уловимым запахом табачного дыма. Диверсанты были там, за очередной темнеющей за горизонтом барханной грядой, метрах в трехстах-четырехстах от него. Он почти достиг их.

Но сил преодолеть эти метры у Абдуллы уже не было. Он едва добрался до густого раскидистого куста гребенчука, приподнял ветки и заполз в темное нутро. Неба над собой не увидел, значит, ветки надежно укроют его от лучей солнца. Абдулла разгреб здоровой рукой песок, устроив неглубокое ложе, улегся головой к комлю, придавив пятками низенькие разлапистые ветки. Теперь его можно было обнаружить, лишь раздвинув куст...

* * *

Абдулла проснулся и не сразу сообразил, где он и что с ним. Мелкие иссушенные листки заporошили лицо, неприятно кололи разгоряченную кожу.

Несколько минут он лежал неподвижно и, лишь заслышав шорох пробежавшей ящерицы, осторожно и беззвучно раздвинул ветки.

День кончился; спал он долго, часов десять. Зато чувствовал себя сейчас отдохнувшим и посвежевшим, готовым к дальней дороге. Готовился к ней Абдулла основательно и не торопясь. Разделив хлеб и сахар, съел половину, заливая остывшим чаем из фляги. Когда она полностью опустела, перелил туда воду из бутылки. Повертел бутылку в руке, но выбросить не решился: всякое может случиться. Сунул ее под рубаху, затаил кушак. Подумав, осмотрел берданку, продул ствол, протер мушку и прицел. Достал из кармана один патрон и, зарядив винтовку, оставил на боевом взводе.

Не торопился Абдулла, зная, что диверсанты далеко уйти не могли. Даже новичку в пустыне не придет в голову шагать под палящими лучами солнца. Он дождался в тени, пока солнце коснется горизонта, и тогда вылез из-под куста, беззвучно отряхнулся. Даже простой хлопок ладонью был слышен чуть ли не за полкилометра, рисковать не стоило.

Через полчаса Абдулла вышел к заброшенному агилу*, сплетенному из ветвей кустарника. Изгородь кое-где пообветшала, но местами стояла прочно, занесенная снаружи песком, способная еще надежно укрыть от солнца и песчаной бури. Протиснувшись в узкий пролом, Абдулла проник внутрь агила и сра-

* Агил — огороженный забором из сплетенных прутьев загон для овец.

зу наткнулся на следы дневки диверсантов: тщательно затоптанный костер, взрыхленный песок под изгородью. Приложил руку к месту кострища — глина была горячей до нестерпимости, значит, ушли совсем недавно, тронулись, пожалуй, одновременно с ним. Раскидав носком чокоя песок, обнаружил две пустые плоские консервные банки из-под тушеного мяса. Этикеток на них не было. Закапывали наслах, скорее по привычке. Видимо, не боялись, были уверены, что в этих местах людей нет, и никто на их следы не наткнется.

От отца Абдулла знал, что пастбища на юг от Коюнлы заброшены. Травостой здесь совсем оскудел, и без того маловодные колоды совершенно обмелели, воды в них за сутки набиралось путнику напиться, не больше. В 1928 году, спасаясь от преследования, забралась сюда басмаческая шайка Назар-батыра, но здесь ее окружили отдельный кавалерийский дивизион ОГПУ и два добровольческих отряда. После короткого боя банду разгромили и пленили. Прорвать цепь окружения удалось лишь нескольким нукерам во главе с Назар-батыром. Они ушли за рубеж. Отец воевал здесь. Абдулла до мельчайших подробностей помнил те редкие вечера, когда вся семья собиралась пить чай во дворе под сенью раскидистого урюка.

На топчане расстилали цветистые кошмы, мать ставила на очаг самый большой медный чайник, доставшийся еще от деда, расставляла самые красивые пиалы, которые берегли вот для таких случаев да для самых дорогих гостей.

Отец, выпив три-четыре пиалы, заметно мягчел, улыбался, разглаживались суровые складки у рта. Распустив кушак, оглядывал детей своих — Абдуллу и сестренку. Они со жгучим нетерпением ожидали очередного рассказа. Особенно любил он вспоминать о своем последнем бое.

— Отряд наш за Ата-кую поставили. Командир говорит: «Смотрите, чтобы ни одна живая душа мимо вас не прорвалась». Вскоре выстрелы раздались, пулемет заработал. А мы на месте стоим, даже кони от нетерпения пляшут. Вдруг смотрим, скачут на нас всадники, человек десять. Впереди Назар-батыр. Я его хорошо знал — сын нашего бая Карры. Прозвище ему недаром дали — высокий, широкоплечий. В борьбе гореш* ему равных в ауле не было. И приезжих батыров на землю кидал. Красивый был, только на щеке шрам от большой пендинки** лицо портил. Скачет он во весь опор, рвет уздой губы коню, в правой руке маузер. Я ему навстречу вынесся, рубанул с маху, Назар-батыр увернуться не успел. Да неудачно вышло, клинок плашмя по голове его ударил. Проскочил он мимо меня, обернулся, выстрелил. Прямо в бабку моему гнедому попал, захромал конь. А так бы не ушел от меня, — чуть хвастливо добавлял отец, разглаживая начинающую сесть бороду. — Сгнулся где-то, больше о нем не слышал.

«Отец», — залилось сердце тоской и ненавистью к врагам. Шел и вспоминал. Рядом с отцом всплывали в памяти лица погибшего лейтенанта Сплицына, сержанта Василия Копытина,

* Гореш — национальная борьба.

** Пендинка — долго не заживающие, мокнущие язвы. После выздоровления остаются большие бугристые пятна-шрамы.

умершего рядом с ним в госпитале от воспаления мозга. Попутчик по Ледовой дороге стал его лучшим другом. Старшина на льду, солдаты, бегущие с досками...

Закипала ярость в душе, комком подступала к горлу, подталкивала, торопила, холодила кровь. Здоровая рука машинально сжала рукоять узкого острого чабанского ножа. Хотелось очертя голову броситься вперед, передуть этих троих голыми руками. Зацепило нечаянно за куст израненную кисть, и Абдулла, стиснув зубы, переждал пронзившую руку боль. Кровь отхлынула от лица. Пошел медленнее, сдерживая себя. Собственная беспомощность угнетала.

Пустыня взбурлилась большими пологими лессовыми холмами, намытыми здесь древней Амударьей. Он пересек ее высохшее несколько веков назад русло, часто дыша, забрался на ближний холм и наконец увидел диверсантов. Они шли гуськом по длинной глинистой равнине, залитой ровным лунным светом, горбясь под раздутыми рюкзаками. Лишь у замыкающего на спине был прилажен плоский объемистый предмет, закрывавший полголовы. «Канистра с водой на всех, — догадался Абдулла. — Литров тридцать-сорок».

Отсюда он не различал одежду, вооружения, видел только облитые неверным светом темные движущиеся силуэты. Шли диверсанты размеренным, ровным, средним шагом. Берегли силы.

Абдулла подождал, отдыхая, пока они скроются из виду, и только потом двинулся вперед. Равнина простиралась километров на пятнадцать, и надо было увеличить расстояние, чтобы его не заметили.

Диверсанты расположились на привал в уютном, заросшем высоким саксаульником распадке. Развели небольшой бездымный костерок, уселись вокруг него. Видимо, разогревали консервы, кипятили чай. Блики огня плясали на причудливо изогнутых корявых стволах саксаула. Рюкзак лежали поодаль. Рядом высилась канистра со свисающими широкими ляжками.

Абдулла лежал под кустом на бархане метрах в трехстах и, чуть раздвинув ветки, наблюдал за тремя тенями у костра. Волнами подступала жажда, но он не решался тронуть флягу с последними глотками воды. Она на последний случай, когда не будет иного выхода, когда уже почти конец. О фляге надо забыть.

Сухие, воспаленные глаза Абдуллы невольно тянулись к канистре с водой, выделяя ее из всех предметов. Прикинуть бы к ней и пить, пить не открываясь, пока все тело не переполнится влагой.

Положение его становилось с каждой минутой все отчаяннее. Вода практически кончилась. До ближайшего колодца — Нарзыкую, где была вода, часов шесть-семь ходу. Причем самым быстрым шагом.

Он спасет свою жизнь, но наверняка потеряет диверсантов. Полсуток ему не навестать, дальше пойдут тяжелые пески, где они, сильные, здоровые, сразу получают преимущество в ходе перед ним. Да и куда они пойдут, он не знает, — то ли на восток к железнодорожному мосту, то ли затаятся в пустыне, где-нибудь у забытого колодца, чтобы выждать время, а потом заняться своим черным делом.

Абдулла сухо сглотнул. Отчаяние грызло душу. Он шел бы за ними до самой своей смерти, но что из этого толку? Даже если он два раза не промахнется, останется третий — схватку с ними ему не выдержать. Был бы третий патрон. Всего один патрон. Сейчас он отдал бы за него все, что у него есть, полжизни. За один-единственный патрон.

Время шло, а Абдулла не мог ничего придумать. Бешено колотилось сердце, лихорадочно пронеслись мысли, он уже почти решился стрелять и положиться на судьбу в поединке с третьим. Еще оставался нож и здоровая рука. Может, удастся сойтись вплотную, и там повезет. Хотя понимал — не повезет.

Абдулла проверил нож. Достал второй патрон, положил перед собой. И вздрогнул от неожиданности — мимо глаз молнией метнулась ящерица, догоняя какое-то насекомое. Ящерица отвлекла от приготовлений. Вспомнилось, как они зарываются в песок, скрываясь от преследования. Несколько мгновений, и поверхность чиста. Песок пористый, воздух сквозь него проходит, дышать можно.

А глаза неотрывно смотрели на канистру. Лишить бы воды диверсантов, тогда они у него в руках. Но как?

Неожиданная мысль обожгла мозг. А что, если? Нет, не сумеет. Но ящерица выдерживает.

Колебался Абдулла недолго, но другого выхода не было. Этот, пожалуй, единственный. Отложив берданку, он начал разгребать рассыпчатый песок, поглядывая время от времени на

стоянку диверсантов. Только бы успеть, только бы успеть, пока не снимутся они.

Накопец продолговатая яма была готова. Справа над головой нависала небольшая песчаная глыба. Абдулла боялся на неедохнуть, чтобы не свалилась раньше намеченного времени.

Присев, он забросал толстым слоем песка ноги. Улегся на живот, здоровой рукой стал сдвигать выброшенный песок на спину, пока не ощутил на себе достаточную тяжесть. Теперь из-под песка торчали только голова, руки и ствол берданки. Абдулла положил шапку под подбородок, осторожно выдвинул берданку, приставил приклад к плечу, прицелился. Мушка легла на капристру. Он повел ее вниз к нижнему обрезу сосуда, чтобы вода вытекла из него полностью.

Подождал немного, унимая сердце, дрожь волнения в руках. Мушка замерла неподвижно, и тогда Абдулла плавно нажал на спуск.

Раскатом грома ударил в тишине выстрел. Абдулла почувствовал, что попал. Диверсанты вскинули головы, вскочили.

Он втянул винтовку под живот и резким движением подрезал полураскрытой горстью песчаную глыбу. Она мягко обрушилась на голову и, растекаясь, укрыла его полностью. И сразу над ним глухо ударила автоматная очередь. Одна, другая. Потом выстрелы смолкли...

ГЛАВА V

Дышать стало трудно. Абдулла держал нос и рот в полости шапки, с трудом втягивая в себя душный, пропитанный потом, вязкий воздух. Забилося, часто застучало сердце, кровь бешено колотилась в висках, легкие казались маленькими, рвались из груди. Хотелось сбросить с себя невыносимую тяжесть, вскинуть голову, глотнуть свежего воздуха. Но Абдулла невероятным усилием воли сдержался, приноровился дышать часто и мелко, обманывая раздражаемые болью легкие.

Хорошо, если диверсанты испугались и ушли. А если нет? Если, разделившись, ищут его в окрестностях. По следам не найдут. Он шел шаг в шаг за ними, ступая в выемки, оставленные крепкими башмаками. Словно чувствовал, что рано или поздно это пригодится. Да и опасался, вдруг диверсанты повернут назад, на свои следы, заплутав или еще по какой причине; заметят, что их кто-то преследует. Тогда несдобровать ему. Предусмотрительность выручила. Далеко искать тоже вряд ли будут. Забудутся в бесконечном разливе барханов проще простого, они это знают. На их месте он, Абдулла, постарался бы уйти как можно быстрее, оторвавшись от преследования, воспользовавшись ночной темнотой. Они ведь на чужой земле.

Абдулла гасил в себе почти неодолимое желание высунуться хоть немного, вздохнуть, глянуть, что делается внизу. Нельзя, надо терпеть, пока есть хоть немного сил и можно, густь с огромным трудом, дышать.

Порой, сам не замечая этого, он терял сознание, но разбуженный болью в легких, мозг вновь незаметно «включал» его, и прерванная мысль продолжала свой бег. Ощущение времени Абдулла потерял, ватная глухая тишина песчаной могилы поглотила его. Но чувствовал, как с каждой минутой слабеет все,

больше. Кислорода измученному телу не хватало, кровь постепенно отравлялась, и ему казалось, что у него растет, разбухает голова, становится огромным пустым шаром, заполнившим все пространство, в котором, переливаясь, играли солнечные блики.

И, понимая, что через мгновение он полностью потеряет контроль над собой, Абдулла последним усилием воли пробил головой слой песка, втянул в себя воздух жадно и глубоко. Голова закружилась, и он вновь, теперь ненадолго, потерял сознание.

Когда очнулся, звезды на небе уже погасли, развиднелось. Внизу никого не было. Ни диверсантов, ни рюкзаков, ни канистры. «Неужели промахнулся, — с горечью подумал Абдулла. — Нет, не может быть». Тлел незагоптаннный костерок, над ним вился едва различимый белесоватый дымок. Ушли? А вдруг засада?

Он долго еще лежал, не шевелясь, сдерживая желание подняться, размять затекшее одеревеневшее тело, глотнуть воды. Слушал пустыню обостренным до предела слухом чабана, способным различить сотни шорохов и звуков вплоть до едва уловимых. Раздувая ноздри, глубоко вдыхал утренний воздух, пытаясь поймать незнакомый запах в бедных ароматах песках. Травы и кустарники, прокаленные солнцем, почти не пахнут. В стерильно чистом пустынном воздухе посторонние запахи, даже тонкие, обнажались, усиливались. Но пустыня отвечала ему знакомыми и привычными звуками, приятной свежестью не замутненного ничем посторонним утреннего воздуха, и постепенно таяла сверхпредельная, обостренная осторожность.

Опираясь на здоровую руку, Абдулла с трудом стряхнул со спины тяжелый, слежавшийся слой песка, медленно встал во весь рост, напрягшись, зябко поеживаясь в невольном ожидании выстрела. Мгновенно крутанул голову, оглядевшись вокруг. Но пустыня не обманула его тихим своим спокойствием. Диверсанты действительно ушли.

Абдулла высыпал из ствола берданки насыпавшийся туда песок, продул его, протер затвор. Вложил в патронник свой последний патрон и стал спускаться с бархана вниз, в распадок к привалу диверсантов.

Нетронутый костер еще тлел, открытые банки с консервами были полны. Поодаль блеснули рассыпанные стреляные гильзы. Но все это пока не интересовало Абдуллу, он торопился туда, где лежали раньше рюкзаки и канистра, с тревожной надеждой глядяваясь в плотный песок.

Вздохнул с облегчением, улыбнулся. Под мощным искривленным стволом саксаула расплылось большое мокрое пятно.

«Попал, — подумал Абдулла удовлетворенно. — Но где же канистра? Наверное, прихватили с собой, надеются где-нибудь наполнить. Но где?»

Диверсанты искали его, он заметил следы, разбежавшиеся во все стороны по склонам. Но поиски длились недолго, сработал инстинкт самосохранения.

Абдулла потянулся было к открытой консервной банке, но брезгливость пересилила. У него еще оставался чурек и сахар. Да и надо было спешить вслед за диверсантами, попытаться узнать, куда они пойдут.

Если раньше он был осторожен, то теперь утратил бдитель-

ность, останавливаясь и прислушиваясь через сотню шагов: на очередной гряде надолго залегал, напряженно всматриваясь в открывающийся простор. Вдруг диверсанты вздумали проверить, не идет ли кто за ними, оторвались ли они от преследования?

Они могли это сделать двумя способами, рассуждал Абдулла. Или внезапно повернуть назад, все вместе, или оставить в засаде одного из группы. В том, что они это сделают, Абдулла не сомневался, весь вопрос — когда и где. Потеряй он бдительность хоть на одно мгновение — и конец.

Абдулла был почти уверен, что парашютистов ведет по пустыне человек, хорошо знающий эти места. Ибо ни по одной карте не пройдешь так уверенно. Проводник безошибочно нашел лучший выход из Коюнлы, отыскал для дневки заброшенный агил, расположенный чуть в стороне от естественной дороги на юг. О существовании этого агила Абдулла и не подозревал. И теперь тот быстро вел группу к колодцу Ата-куи. Абдулла уже догадался и теперь только хотел окончательно убедиться в этом.

«Пройду еще немного», — решил, лежа на животе и пристально рассматривая противоположный бархан с голой, не внушающей опасений вершиной. Он намеревался встать, но скосил глаза влево, к небольшой седловинке, набитой доверху сухими шарами верблужьей колючки, занесенными туда ветром. Ему показалось, что верхний крайний шар слегка шевельнулся. Отчего? Стояло абсолютное безветрие. Может, под собственным весом осыпался песок, и шевельнулся шар. А может...

Рисковать Абдулла не стал, бесшумно начал сползать вниз. Идут диверсанты к Ата-кую, свернув с намеченной дороги. Надеясь там пополнить запасы воды, — теперь это ясно.

Впервые Абдулле улыбнулась удача. В Ата-кую воды не было. Колодец окончательно пересох года три назад. Иссяк небольшой водоносный пласт. Но проводник диверсантов, видимо, не знал об этом и вел их туда. Придут они к колодцу только к вечеру, не раньше. «Придут, убедятся, что воды нет. Что будут тогда делать?» — мысленно задал себе вопрос Абдулла, присев на корточки под раскидистым кустом и давая отдых усталым ногам.

Додумать не успел. Сверху раздался шорох осыпающегося песка, тяжелое прерывистое дыхание. Бархан с другой стороны круто обрывался, и взобраться на него было нелегко.

Абдулла затаился, сжался в комок, не шевелясь, не дыша и даже не думая. Только отрывисто и тонко билось в висках: «Видит или не видит, пойдет дальше или нет? Вот, кажется, и все».

Но диверсант на вершине бархана не двигался, дышал все ровнее и спокойнее. Только единственный этот шелестящий звук выдавал его.

Абдулла сидел неудобно, спиной к вершине, зажав берданку между колен. Хоть и заряжена, но встать, обернуться и вскинуть винтовку он не успеет. За это время его можно трижды уложить на месте.

Положение безвыходное. Он ясно представил себе, как, отдышавшись, диверсант начнет спускаться по пологому склону и,

миновал невысокий песчаный заструг, увидит его, Абдуллу, сквозь просветы нижних концов ветвей, на которых не было листьев. Время сорвалось, побежало в такт бешено колотящемуся сердцу. Сколько еще мгновений, секунд, минут отпущено ему судьбой?

Но первый, обжигающий прилив страха прошел. Опасность до предела обострила чувства, бессмысленно и безвольно ждать решения своей участи Абдулла не стал. Раздвинув колени, повел ствол берданки вниз, влево, оторвал тяжелый приклад от земли, поднял винтовку на уровень груди, собирая волю, все свои душевные силы в кулак, чтобы разом, вмиг подняться под пули. Может, он успеет первым...

Прислушался в последний раз перед тем, как вскинуться, и до ушей явственно донеслось тихое ругательство на чистейшем туркменском языке. Три слова, брошенных в сердцах.

Дыхание смолкло, раздался дальний шорох песка. «Уходит назад, — догадка облила с ног до головы облегчающей радостью. — Или боится от своих оторваться, или поверил, что никого нет». Ноги подкосились от нахлынувшей внезапно слабости, Абдулла тяжело привалился к кусту. Пружинящие ветки поддались, но не позволили упасть. Встать не хотелось.

Диверсант был опытен и страшен. Значит, это он лежал за шарами верблюжьей колючки и выдал себя неосторожным движением. Но его, Абдуллу, на вершине бархана не увидел. Просто надоело лежать, решил выйти навстречу, проверить. Десятка два шагов всего и разделяло их.

В ушах стоял тихий голос диверсанта. Так ругались только в его, Абдуллы, краях, на севере пустыни, где жили потомки древних скотоводов и охотников. Уже южнее подобного сочетания слов не услышишь. «Неужели туркмен?» — впервые мелькнула мысль. Понятной становилась теперь осведомленность проводника: в песках все меняется медленно. Но о том, что колодец Ата-кую сух и занесен песком, он явно не знал, значит, давно не бывал в этих краях, еще с довоенной поры.

Солнце припекало все явственней, и пора было решать, что делать дальше, куда идти. Сейчас, когда Абдулла «узнал» одного из своих противников, легче стало предугадывать дальнейший ход событий.

«Убедившись, что воды в Ата-кую нет, он поведет их к Нарзы-кую», — рассуждал он. В этом колодце вода была, хоть и не очень много.

И Абдулла решил, не теряя времени, двигаться к Нарзы-кую. Если путь диверсантов через Ата-кую к колодцу с водой напоминал огромную тридцатикилометровую дугу, то он напрямик, по чабанской тропе должен выйти к Нарзы-кую часа через три-четыре. «Может, встречу кого по дороге», — подумал Абдулла. Кончились продукты, воды в бутылке оставалось всего два-три глотка. Вышел из укрытия не таясь: вряд ли диверсанты вернутся сюда. Отсутствие воды, страх перед неизбежной смертью от жажды гонят их сейчас вперед. К колодцу. Даже если они не будут днеть, все равно у него преимущество часов в шесть-семь.

ГЛАВА VI

Пора было сворачивать с широкой, утрамбованной тысячами овечьих копытцев тропы. Нарзы-кую стоял далеко в стороне от нее. Абдулла с тающей надеждой посмотрел вдаль, но темная лента испещренного лунками песка, убегающая за горизонт, была пустынной.

«Не время, — подумал он. — В такую жару кто погонит овец». Слепящее солнце донимало даже сквозь плотную ткань халата, горячий песок чувствовался через подошвы чокоев. И Абдулла, сам того не замечая, приплясывал на месте, не решаясь пока тронуться в путь по крутым барханам, что начинались прямо у тропы. Жажда становилась невыносимой, а до колодца, вокруг которого паслись овцы соседнего колхоза «Кизыл кошун», рукой подать, час пути по найденной тропе. Там и людей можно встретить, пойти вместе на диверсантов. А вдруг у колодца никого нет? Да и водят сейчас отары старики и дети — подмога неважная против троих вооруженных до зубов диверсантов.

Отгнав соблазнительные мысли, Абдулла полез на бархан, хватая открытым ртом горячий, обжигающий воздух. Вскоре тропа пропала из виду, кругом расстились невысокие барханы, густо поросшие мелким саксаульником, приглаженными ветром кустарничками.

Вверх-вниз, вверх-вниз в горячем полусне. Голова опущена — кажется, что слепящие солнечные лучи бьют отовсюду, жгут беспощадно. Пот, выступая, мгновенно высыхает. Язык распух, одеревенел, дышать трудно и больно. Воздух царапает саднящее горло, с клекотом вырывается из легких. Боль отступает перед жадой — она непереносима. За глоток живительной влаги он отдал бы все. Туманится горячей дымкой сознание.

Ноги слабеют, хочется присесть, лечь в призрачную тень куста. Но тогда уже не подняться, солнце убьет. Жара страшнее самого сильного мороза. В холод спасает движение, под пальцами лучами на открытом пространстве выбора нет, жизнь поддерживает только вода. А ее у Абдуллы не было.

Поднявшись на очередную песчаную горку, он с надеждой взглядывался вперед. У колодца Нарзы-кую должна быть примета — высохший ствол саксаула на высоком бархане с привязанной к вершине белой тряпкой. Но приметы не было. Абдулла протирает глаза, но и это не помогало.

Изредка поглядывал на солнце. Оно словно прикипело к зениту, не двигалось. Время тянулось медленно. Порой Абдулла почти терял сознание, но казалось ему, что он просто закрывал на несколько мгновений глаза. Даже не чувствуя себя, он шел, чуть отдыхая на ровных местах, цепляясь за кусты на склонах.

Возник страх — неужели заблудился, оставил приметку в стороне? Но он уже не мог вернуться назад, ему не дойти даже до чабанской тропы, не хватит сил... А впереди брезжила еще крохотная надежда, и Абдулла давил отчаяние этой надеждой — должен в конце концов открыться ствол саксаула. Все дело в том, чтобы не упасть, не сломаться, дойти до него...

Абдулла так и не увидел приметы. Летний гармсиль* сдул голую вершину бархана и вместе с ней ствол саксаула с развевающейся на ветру тряпкой. Но вышел к колодцу довольно точно, придерживаясь, как когда-то советовал отец, солнечной стороны. Колодец стоял на краю длинного узкого такыра, стиснутого барханными грядами. Оплетенное гибкими прутьями «изголь» Нарзы-кую едва возвышалось над глинистой почвой. Добравшись до него, Абдулла заглянул в темное нутро. Оттуда пахло свежестью, блеснула ровная поверхность воды.

Он дрожащей рукой нащупал веревку, изо всех сил потянул на себя. Плеснулось утопленное в воде ведро. Абдулла вытащил его, поставил на оплетенный край колодца, приник иссохшими, потрескавшимися, покрытыми кровавой коркой губами к воде. Пил нежадно — медленно, мелкими скупыми глотками, но все равно мгновенно вспотел, покрылся приятной освежающей испариной. С каждым глотком в измученное до предела тело вливалась жизнь, заструилась в сосудах кровь, тукнулась в висках. Задохнувшись, Абдулла наконец оторвался от ведра, осторожно огляделся по сторонам.

Вокруг заброшенного колодца царило спокойствие. Солнце стояло довольно высоко над горизонтом. Диверсанты доберутся сюда только поздним вечером, и то если нигде не будут останавливаться. Времени для того, чтобы выполнить задуманное, у Абдуллы было предостаточно.

Он нашел у колодца полную емкую тунчу и уже было собирался вскипятить чаю, но передумал. Сполоснув, отложил ее в сторону. Принялся изучать колодец. Нарзы-кую относился к такырным неглубоким колодцам. До воды от поверхности — метров семь-восемь. Особенно полноводным он был после весенних дождей, когда небесная влага, просачиваясь, наполняла водоносный горизонт. К середине лета воды на дне накапливалось все меньше, водоносный пласт истощался чуть ли не до конца. Сочась, вода буквально каплями стекала по глинистым стенкам. За сутки набиралось ведро-два.

Сейчас воды было довольно много. Накопилось, значит, сюда давно никто не заглядывал. Но обилие влаги не обманывало Абдуллу, он хорошо знал особенности Нарзы-кую.

Передохнув часок, принялся за осуществление задуманного. Бросил ведро в колодец, мотнул веревку, чтобы набралось полнее, потащил на себя. Одной рукой делать это было несподручно, и Абдулла наловчился зажимать выбранную часть веревки коленями, немного передыхая. Затем отнес ведро подальше по такыру, насколько позволяла длина веревки. Поддерживая край искалеченной кистью, веером выплеснул воду. Подождал. Мокрое пятно испарилось буквально в минуту, перед глазами вновь расстилалась сухая ровная поверхность глины.

Абдулла вновь пошел к колодцу, проделал всю операцию с начала до конца. Он совершал настоящее святотатство, страшнейшее из преступлений — выливал в пустыню воду на землю. Застань его за этим занятием кто-либо из знакомых чабанов, то самое меньшее, что предположил бы, — Абдулла сошел с ума.

Тратить воду таким образом — значит, возможно, лишить жизни соседа, друга, брата, отца — всякого, кто попал бы сюда, в

* Гармсиль — горячий ветер пустыни.

эти края, с пустой флягой или бурдюком, с отарой овец или один.

Но сейчас выбирать не приходилось — к колодцу шел враг. «Приду с Реджепом, восстановлю колодец. Еще лучше сделаю», — думал Абдулла, чуть ли не с содроганием выливая на такыр очередное ведро. Ему, знавшему ни в чем не выразимую ценность глотка воды в песках, делать все это было очень и очень трудно.

В двадцатый раз опустив ведро в колодец, Абдулла почувствовал дно. Наполовину пустое ведро вытащилось легко. Пора было позаботиться и о себе. Он наполнил водой найденную тунчу, флягу, бутылку, напилсь до тошноты сам. Живот вздулся и отяжелел, появилась одышка.

Управившись, он снял халат, шапку и работал в одной рубашке, обдуваемый легким горячим ветерком. К вечеру, когда в воздухе ощутимо почувствовалась прохлада, дело пошло веселей. Поднимая очередное ведро, он даже начал шепотком напевать шутивную песенку о влюбленном чабане.

Ведро стало приходиться почти пустым. Кто-то прицепил эту оцинкованную круглую штуку вместо старинного чабанского плоского ведра из толстой кожи, которым можно вычерпать воду без остатка. А тут, как он ни старался, вода все равно покрывала дно колодца тонким слоем.

Окончательно убившись, что больше ни капли не достать, Абдулла отвязал ведро, смотал веревку, аккуратно отцепил ее от колодца, поискал глазами, куда бы спрятать. Подходящего места не нашлось, и он отправился по такыру, пока не нашел вдали от колодца пышный разросшийся куст черкеза. Сунул веревку под него, накрыл ветками. Вряд ли кому в голову придет искать ее здесь. Осмотрел куст со всех сторон — не видно.

Теперь предстояла другая, более тяжелая часть работы. Выбрав подходящий склон вблизи от колодца, Абдулла пошел к нему. Осторожно нагреб в ведро сухого песка. Тяжело сгибаясь, донес его, высыпал в колодец. Вновь пошел к бархану за очередной порцией песка.

Не отдохнувшее после дальнего перехода тело наливалось свинцовой тяжестью. Здоровая рука ныла от бесчисленных однообразных движений. Кисть вздулась и побагровела. Раза три дужка ведра едва не вырывалась из онемевших пальцев, и Абдулла был вынужден останавливаться, отдыхать. А время торопило.

Диск солнца увеличивался, багровел, скатываясь к горизонту, и он все беспокойнее поглядывал на него, прикидывая, сколько времени осталось до заката.

Подбирая песок снизу бархана широкой полосой, он постепенно образовал песчаный, нависший над почвой выступ. И когда последний раз пришел, выступ рухнул, ровно осыпался, закрыв следы выработки. Теперь даже при самом тщательном осмотре нельзя было ничего обнаружить. На это Абдулла и рассчитывал. Диверсанты должны были подумать, что колодец выкопан сам и давно занесен песком.

Теперь можно было уходить. Абдулла оделся, пристегнул флягу к брючному поясу под халатом, сунул за пазуху бутылку. Поставил тунчу с водой в ведро и, забросив берданку на левое

плечо, подхватил его здоровой рукой. Теперь он шел по такыру навстречу диверсантам. Путь его был продолжением цепочки следов на барханах, которые он оставил, когда шел к Нарзы-кую в полдень. Чтобы сбить с толку возможных преследователей, Абдулла иногда заходил на песчаную кромку у края такыра и шел по ней, оставляя четкие следы. А затем опять сворачивал на твердую глинистую поверхность, где его разлапистые чокон не оставляли ни пятнышка. Только собака могла бы взять здесь его след.

Такыр, постепенно расширяясь, далеко уходил к востоку. Пройдя с километр, Абдулла заметил слева небольшую ложбинку, забитую плотным слежавшимся песком. По ней стекал дождевой поток, и поверхность песка здесь была тверже асфальта. Осторожно ступая по ней и оглядываясь, не наследил ли, двинулся в барханы.

Солнце наполовину утонуло за линией горизонта, когда Абдулла вновь повернул назад и пошел параллельно такыру, скрытому от него несколькими барханными грядами. Песчаную гору для наблюдения за колодцем он облюбовал, еще таская воду, и теперь шел к ней, не теряя из виду жесткую гребенку кустов на вершине. Там Абдулла намеревался устроиться и дожидаться прихода диверсантов.

Задыхаясь, он наконец взобрался на бархан и обессиленно свалился на песок. Впервые за день Абдулла получил возможность отдохнуть, вытянулся во весь рост. Раздвинув ветки, он увидел вдали колодец и часть такыра, освещенные слабым лунным светом. Пока там никого не было.

Лихорадочно работая у колодца, усталый, разбитый, он забыл о еде, и только сейчас почувствовал острый приступ голода. Спокойно развернул кушак, достал два последних небольших куска чурека и крохотный, в ноготь величиной, кусочек сахара. Жевал долго, катая во рту перетертую массу, пытаясь обмануть желудок. Съел все, но голод не исчез, только ненадолго при- тушился.

Теперь хотелось спать. Уронить голову на приятно теплый песок, закрыть глаза и провалиться в забытие. Абдулла отчаянно боролся с внезапно подступившей сонливостью, тер глаза, смачивал их водой. Но все равно порой забывался чуткой настроженной дремотой. Очнувшись, впиался глазами в колодец, но такыр был по-прежнему пуст. Лишь однажды клубком прокатился по нему заяц-толай и мгновенно скрылся из виду.

Сколько времени прошло, Абдулла не знал. Звезды разгорались все ярче, небо темнело. Посвежело. Прохладный ветер гулял поверху, песок быстро остывал, и Абдулла слегка замерз; подоткнул под себя полы халата. Разгоряченное тело тоже остывало, покрываясь гусиной кожей. Хотелось встать, немного размяться, согреться движением. Но Абдулла лежал неподвижно, боясь пропустить диверсантов. Закрадывалось сомнение: придут ли? Но он отгонял эту мысль. Нарзы-кую был единственным источником воды на десятки километров вокруг. Если не считать глубокого полноводного Ак-кую, но там поят тысячи овец, всегда можно наткнуться на людей. Туда диверсанты вряд ли сунутся. Только сверхкрайняя необходимость может заставить их рискнуть.

ГЛАВА VII

Ожидал Абдулла, а все же вздрогнул от неожиданности, когда на видную ему часть такыра вышел первый диверсант. Шел он медленно, едва переставляя ноги. Издали Абдулла смутно различал лицо, но это был явно не туркмен. Ширококостный, с большими глазами, округлой физиономией. Одет в советскую армейскую солдатскую форму без погон. На голове фуражка с плоским длинным козырьком. У правого бедра болтается «шмайссер» со сложенным прикладом. Огонь диверсант мог открыть в мгновение ока, от бедра.

Рюкзака на нем не было. «Выдохлись, — обрадованно подумал Абдулла. — Сил больше нет, бросил где-нибудь».

Только через несколько минут появился второй. Шел он еще медленней, уронив голову на грудь и не глядя по сторонам. Кургузый пиджачок застегнут на все пуговицы, брюки заправлены в сапоги. На макушке кепчонка-восьмиклинка. Встретишь на улице, не обратишь внимания, мужичок как мужичок. Только под узким пиджачком угадывались сильные плечи. На спине у него висел похудевший раз в пять, сморщенный до размеров солдатского «сидора» с парой белья и пачкой махорки рюкзак. Оружия не было видно. Или прятал под пиджаком, или не имел его вовсе.

Последним вышел на такыр высокий худощавый туркмен — это Абдулла определил сразу. Характерный разрез глаз, удлиненное темное лицо. На щеке белесоватое пятно, чем-то разъедена кожа. Абдулла чуть не вскрикнул от удивления. Неужели Назар-батыр, знаменитый басмач, о котором рассказывал отец? Короткий халат, туго перепоясанный кушаком, суженные книзу брюки, напоминавшие шаровары, на ногах чокон. Чабан, потерявший отару, да и только. За плечами высилась знакомая канистра.

«Назар-батыр», — убеждался Абдулла, вспомнив говор, который он ни с каким не мог спутать. Шрам от пендинки на щеке, высокий, ладный. Слишком многое совпадало, сомнения исчезли. «Не пропал, вернулся в родные края. Но на сей раз не уйдешь», — колыхнулся разбуженный гнев.

Предатель. Он привел на родную землю врагов. Не было страшнее преступления испокон веков среди туркмен. Абдулла инстинктивно сжал цефье берданки. Четко обрисовалась в лунном свете фигура Назар-батыра, велик соблазн взять на мушку, спустить курок. Одним предателем на земле станет меньше. Те, двое, без него в песках пропадут.

Но Абдулла сдержался. Если засекут вспышку выстрела — не уйти. Вон как тревожно по сторонам озираются, первый автомат в руки взял. Напуганы, осторожны до крайности. Уже не чувствуют себя в безопасности.

Назар-батыр, сбросив канистру, подошел к колодцу, заглянул внутрь, но, видимо, ничего не рассмотрел — темно. Зашарил по «изголовью» ладонями, обошел колодец в поисках веревки, недоуменно посмотрел на «товарищей». Развел растерянно руками — веревки не было. Наклонился, отковырнул кусочек такыр-ной глины, бросил в колодец, долго, гораздо дольше, чем требо-

валось, прислушивался. Двое диверсантов, стоя за его спиной, терпеливо ждали. Наконец Назар-батыр поднялся, обернулся, что-то сказал. Видимо, о том, что воды в колоде нет. Звук голосов Абдулла почти не слышал, ветер доносил невнятные скомканые обрывки слов.

Один из диверсантов судорожно вскинул автомат, упер ствол в грудь Назар-батыру с явным намерением нажать на спуск. «Мужичок» вынул из-под пиджака пистолет с длинным тонким стволом, но не поднял, держал в опущенной руке, ожидая, видимо, чем это кончится.

Абдулла напряженно, до звона в ушах вслушивался, но все равно не мог разобрать ни слова.

Старый басмач стоял молча, не шевелясь. Одно неверное движение, и автоматная очередь, пожалуй, вспорола бы ему грудь. Диверсант был рассержен не на шутку и явно подозревал Назар-батыра в предательстве.

«Мужичок» вдруг сунул руку под халат басмачу, вытащил объемистую флягу. Болтнул ею возле уха, бросил под ноги. Видимо, фляга была пуста. Но на этом «мужичок» не успокоился. Спрятав пистолет, обшарил ладонями всего Назар-батыра, вынул из-под кушака у него пистолет, положил себе в карман. Больше ничего на старом басмаче не обнаружил. Искал, по всей вероятности, запасную, потайную, флягу, доказательство предательства. Не нашел и выпрямился безучастно, облизывая пересохшие губы.

И тогда заговорил Назар-батыр, медленно, с расстановкой. Словно выталкивая из себя слова. И это, по-видимому, убеждало. Только старый басмач понимал по-настоящему, до конца, чем грозило им отсутствие воды. Первую, острую жажду еще можно пережить. Они ее перенесли, дождавшись ночи. Утром, когда солнце поднимется высоко, обезвоженный, исчерпавший все свои ресурсы организм не сможет сопротивляться беспощадному светилу. Теперь, догадался Абдулла, Назар-батыр втолковывал эту истину диверсантам. И то, что им без него не обойтись.

Диверсант, поколебавшись, опустил «шмайссер». Видно, вспышка злобного подозрения у него прошла. «Мужичок» протянул Назар-батыру пистолет. Тот, не глядя, сунул его за кушак и продолжал что-то говорить, показывая на колодец. Диверсанты согласно кивали головами. Тот, кого Абдулла называл «солдатом», снял через голову автомат, положил на край колодца и принялся отстегивать ремень. Второй диверсант, скинув рюкзак, шустро полез по склону бархана, туда, откуда пришел к Нарзы-кую Абдулла. На разведку.

Хоть предполагал это Абдулла, а все же сжался, напрягся в ожидании. «Мужичок» пропал из виду, скрывшись за барханами, но через несколько минут показался вновь, быстро скатившись вниз, крикнул что-то. «Ги, га», — донеслось до Абдуллы. «Нашел все-таки след», — подумал встревоженно.

Теперь уже Назар-батыр полез вверх. «Солдат» вновь взял автомат в руки, испуганно оглядываясь. Показался Назар-батыр. Ничего не объясняя, он осмотрел землю возле колодца и пошел по такыру. Не спеша, глядя себе под ноги. Скрылся из виду.

Абдулла заерзал. Старый басмач, судя по всему, неплохой

следопыт. Неужели заметит место, где он свернул в бархан. Не заметит, ночь, успокаивал себя, поверил, что ушел по такыру на запад. А если увидит? Тревога не проходила. Наоборот, усиливалась. Внимание раздвоилось — теперь нужно было следить одновременно за оставшимися у колодца диверсантами и за собственным тылом, откуда мог с минуты на минуту появиться старый басмач. Ходить бесшумно он умеет, Абдулла уже убедился в этом.

Наиболее опасным сейчас был Назар-батыр, и Абдулла придвинул к себе берданку, лежавшую рядом, положил ее на гиб локтя раненой руки, повернулся на животе в сторону, откуда пришел сюда. Если Назар-батыр обнаружил след, тогда не уйти, придется стрелять, а потом попытаться оторваться от диверсантов, завести в пески поглубже, чтобы им не было пути назад.

С холодной решимостью приготовился к самому худшему, напругся, слушая тишину, вглядываясь прищуренными глазами в россыпь заросших кустарником барханов, откуда мог появиться старый басмач. «Работали» только зрение и слух. Все остальное, что могло отвлечь: раздумья, чувства, усталость, боль в легких и голове, — он отключил, подавил усилием воли.

Кажется, треснула ветка? Или нет, показалось. Зашелестел песок под неосторожной ступней? — то в перенапряженном мозгу рождались шорохи и звуки, стучала кровь в висках, пугающе обмирало сердце. Надо было успокоиться, но не знал как.

Порыв ветра донес звуки голоса, и Абдулла мгновенно обернулся. К колодцу негоропливо шел Назар-батыр. Еще на ходу он успокаивающе махнул рукой на запад, ушел, дескать, туда путник, бояться нечего. Пронесло. Абдулла занял прежнюю позицию, отложил берданку. Диверсанты, недолго поговорив, вновь принялись за работу. «Солдат» наконец отцепил ремень от автомата, Назар-батыр снял кушак, третий диверсант выдернул брючный ремень. Затем они вывернули на землю содержимое рюкзака, отрезали от него лямки. «Веревку делают, — догадался Абдулла. — Хотя в колодец спуститься».

Через полчаса импровизированная веревка, составленная из ремней, лямок, разрезанного на узкие полосы рюкзака, была готова. Расстелив на такыре, Назар-батыр внимательно осмотрел ее, заставив спутников натянуть ее с двух концов. Это напоминало перетягивание каната. Победил невысокий в кепке. Он словно врос в такыр, метр за метром подтягивая к себе «солдата». «Силен», — отметил Абдулла. Веревка уцелела, не порвалась. Назар-батыр пристегнул ее к поясу, забрался на край колодца, спустил ноги внутрь, и постепенно исчез в глубине. «Солдат» с «мужичком», упираясь изо всех сил ногами, понемногу травили веревку. Старый басмач весил немало, и удерживать его на весу ослабевшим от жажды диверсантам было явно нелегко.

Копался Назар-батыр на дне колодца довольно долго. Спутники его, усевшись на краю колодца, отдыхали. «Солдат» достал из нагрудного кармана пачку папирос, протянул невысокому. Тот отрицательно мотнул головой. Вспыхнул и скрылся в ладонях огонек зажигалки. Абдулла уловил острый запах табачного дыма.

Наконец диверсанты встrepенулись, потянули веревку. Но вместо Назар-батыра Абдулла увидел его халат, набитый песком. «Солдат» развязал его, высыпая содержимое и снова забросил халат в колодец. Время от времени диверсанты переговаривались с Назар-батыром.

«Раскапывает колодец, — думал Абдулла. — Видимо, нащупал влажный песок. Жаль, не удалось до конца вычерпать воду».

Улыбнулся. Не скоро в колодце появится влага. Придется диверсантам денек подождать, пока на очищенное дно накапает со стенок с полведра. К этому времени они дышать перестанут. Он подождет. Спешить некуда, воды ему еще на сутки хватит, а голод перебороть можно.

Событий никаких не происходило. Назар-батыр копался на дне колодца, диверсанты таскали наверх халат с песком. Часа на три им работы хватит, решил Абдулла. Песка он высыпал в Нарзы-кую порядочно. Незаметно для себя, сморенный усталостью, чабан задремал.

* * *

Проснулся Абдулла как от толчка. Потеряв во сне ощущение времени, тревожно посмотрел вниз. Кого-то из диверсантов у колодца не было, исчезла пустая канистра с ляжками. Наверху лишь сидел «солдат», держа в руках конец веревки. Потом потянул его, вытащил халат.

«Кто ушел, когда, куда? — завертелось в голове. — Сколько времени прошло? Что делать?» Абдулла с тоской посмотрел на небо. Звезды мерцали ясно и спокойно. За полночь.

Раз канистры нет на месте, значит, по всей вероятности, одного отправили за водой. Куда? Ближайший колодец — Ак-кую. Другой — километрах в двадцати пяти к югу. Третий — еще дальше на востоке. Значит, не понадеялись на Нарзы-кую. Поняли, что могут не докопаться до воды к утру.

Абдулла скатился к подножию бархана. Решил проверить направление на Ак-кую. И полкилометра не прошел — заняли ноги, вернулась дневная усталость. Пошел медленнее, потом вспомнил — на колодце могут быть люди. Дети. Чабанские сыновья, заменившие отцов при отарах. Вспомнил Реджепа — детское чистое лицо, блестящие, наполненные влагой глаза — острая тревога пронзила сердце. Диверсант не помилует, убьет и старого и малого, любого, кто станет свидетелем его появления у колодца. Нужно спешить. И Абдулла прибавил шаг, сворачивая к старому своему следу. Пересек его и почти сразу наткнулся на след диверсанта. Нагнулся на ходу, рассматривая, — вмятина длинная и широкая, с ровной поверхностью. Впереди шел Назар-батыр. Напряжик к Ак-кую. Шаг мелкий — устал, когда, скорчившись, нагребал песок в колодец. Послали его, он один знал дорогу к чабанской тропе. Всем идти не имело смысла — неизвестно было, удастся ли разжиться водой. Может, у колодца охрана, много людей. Рискнули старым басмачом — это становилось ясным.

Шел Назар-батыр неосторожно, наступая на сухие ветки, след

вилял, его шатало от усталости. Но и Абдулла брел на пределе своих сил. Он торопился, жгла, подгоняла мысль об опасности, грозящей людям, но ускорить шаг уже не мог. Поднимаясь на бархан, тяжело зависал на кустах, не в силах с ходу преодолеть крутизну, подтягивался с огромным напряжением. От этих усилий темнело в глазах, кружилась голова. И единственное, чего хотелось, — это упасть на песок и уже не двигаться.

Время от времени Абдулла взбадривал себя большим глотком воды, растирая несколько капель по груди. Это немного помогало, но ненадолго. Останавливаясь на секунду-другую, он надеялся услышать впереди треск сломанной ветки или еще какой-нибудь звук, чтобы определить расстояние до Назар-батыра. Но кругом стояла мертвая тишина, и он снова пускался в путь.

Выбрался на чабанскую тропу, залитую лунным светом. Назар-батыра впереди не было. Отставал Абдулла немного. «Что же делать?» — вертелась одна-единственная мысль.

Тропа круто вильнула в сторону, за поворотом открылась невысокая, в рост человека, наметенная ветром песчаная грядка, перегородившая дорогу. За ней скрывался Ак-кую. Оставалось совсем немного, сотня-другая шагов, из тысяч, отмеренных этой бесконечной ночью.

Небо быстро светлело, гасли звезды, померкла, истаяла луна. Над Каракумами занимался новый день.

Абдулла уже не дышал — хрипел. Дикая боль раздирала грудь. Он рванул ворот рубахи, из последних сил взобрался на песчаный заструг, поднялся во весь рост, вскинул берданку.

...К выложенному узловатыми саксауловыми стволами сруб колодца прижимались два подростка. В широко раскрытых глазах застыл страх. Назар-батыр стоял перед ними с пистолетом в руках.

— Назар! — хрипло и страшно крикнул Абдулла.

Старый басмач инстинктивно обернулся. Мгновения хватило чабану, чтобы прицельться. Грохнул выстрел. Берданка вышала из внезапно ослабевших рук. Крутанулся в глазах колодец, побелевшие детские лица. И Абдулла, схватившись здоровой рукой за горло, упал лицом в мягкий песок.

— Дядя Абдулла! — вспорол тишину отчаянный детский вскрик. И все смолкло ..

ГЛАВА VIII

Майор НКВД Шаджанов закрыл сейф, присел за письменный стол, уронил голову на скрещенные руки.

За окном густела темная ашхабадская ночь. Устал. День выдался нелегкий. Но отдыхать некогда. Потянулся к телефону, но трубку не снял. До госпиталя было недалеко, всего два квартала. Пройтись, размяться сейчас не мешало.

Дежурная сестра встала из-за столика в темном вестибюле. Шаджанов снял фуражку, представился.

— Где лежит Абдулла Довлетов? — спросил.

Девушка, забрав под белую косынку выбившуюся русую

прядь волос, молча повела его по длинному коридору, открыла предпоследнюю дверь.

— Не задерживайтесь, — попросила тихо, пропуская майора вперед.

На крайней койке у раскрытого окна лежал Абдулла. Чабан спал. Омывая исхудавшее, посеревшее лицо его, волнами плыл в палату свежий ночной воздух.

Шаджанов осторожно прошел между тесно сдвинутыми койками, стараясь не загромоздить ненароком чем-нибудь. Будить Абдуллу не стал, тихо присел в ногах, глядя на впалые щеки, истончившийся чуть ли не до прозрачности нос больного.

Горячее щемящее чувство признательности к этому худенькому израненному парню, годившемуся ему в сыновья, постепенно заполняло майора.

«Сколько же он прошел по пескам? — подумал Шаджанов. — Не меньше сотни километров. С двумя патронами против группы диверсантов».

Уходить не хотелось. Глядя на Абдуллу, Шаджанов вспоминал события последних дней.

...Фашистский самолет засекил над Астраханью, но не успели перехватить. Сбили «юнкерс» уже на обратном пути, но экипаж погиб. В такие полеты штурманам и летчикам парашютов не выдавали. Предполагаемая цель полета — выброска группы диверсантов.

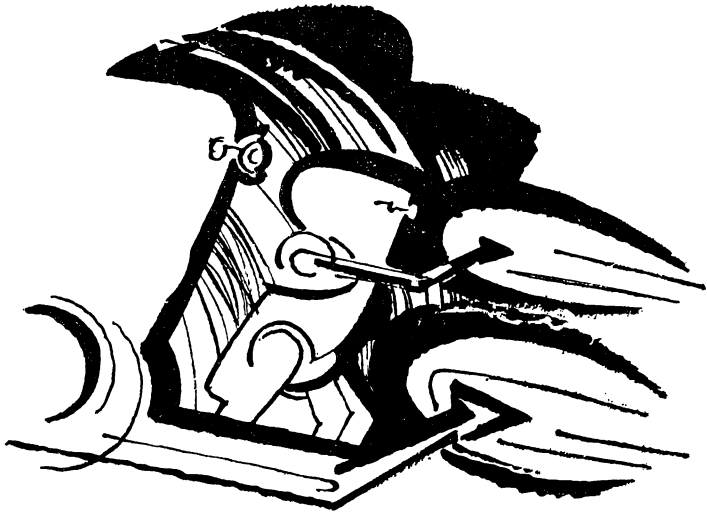
По тревоге подняли пограничников, части НКВД. Были надежды перекрыть подходы к городам, железной дороге, мосту через Амударью. В пески отправились поисковые отряды, охватывая район высадки диверсантов. В воздух поднялись У-2. Не ушли бы диверсанты. Но бед могли натворить немало, розыск их в пустыне требовал времени.

Одним из поисковых отрядов командовал сам Шаджанов. В полдень они вышли к Ак-кую, застав там плачущих ребятишек у бесчувственного тела Абдуллы. Уложив чабана в тени, они поливали его колодезной водой. Но Абдулла не раскрывал глаз. Лишь когда пограничник поднял его на руки, Абдулла очнулся, прошептал: «Они у Нарзы-кую. Надо идти...»

Там и взяли диверсантов. А Назар-батыру уже ничего не могло помочь. Пуля, посланная мергеном, не знающим промаха, попала точно в сердце, оборвав жизнь предателя.

Шаджанов поднялся, положил пакет с половиной своего пайка на подоконник. «Завтра узнает», — подумал уходя. Только что пришло известие, что Абдуллу Довлетова наградили орденом Красного Знамени.

В коридоре тихо говорило радио. Тревожно, как все последние дни. На Кавказе, не прекращаясь, шли тяжелые бои.

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Фантастическая повесть

I

Планета называлась Эланой. Третья группа, отсутствие биосферы, сорок парсеков от базы, для человека безопасна. Глеб захлопнул люцию и включил обзорный локатор. Он не понимал, для чего нужны здесь дежурства у главного пульта корабля. Очередной параграф какой-то инструкции предусматривал дежурства на любой чужой планете, и никому не было дела до того, что дежурный должен томиться от безделья и скуки целых четыре часа. Координатор был большим поклонником инструкций. Глеб не удивился бы, узнав, что Рент знает наизусть все три тома космических уставов.

Почувствовав, как поднимается глухое раздражение, Танаев вспомнил о принятом решении и немного успокоился. Это его последняя экспедиция, давно пора подыскать более достойное занятие. Чего он, собственно, ждал? Чего все они искали за миллионы километров от родной планеты? Новых жизненных пространств? Запасов сырья? Все это космос уже предоставил земным колониям с лихвой. Понадобятся столетия, чтобы освоить открытые богатства. Кому теперь нужна служба дальней разведки? Что они, в сущности, находят? Немного другие камни, немного другой воздух. Иная гравитация, иные циклы времени. И все это уже не удивляло, не будоражило воображения. Чего-то они так и не нашли среди звезд. Чего-то важного, такого, без чего терялся смысл во всем этом гигантском космическом предприятии, затеянном человечеством. Во всяком случае, для себя лично он больше не находил ничего привлекательного в однообразных исследовательских полетах. Годы жизни, унесенные анабиозом, щемящее чувство волнения перед очередной посадкой и разочарование, словно его обманули... А потом долгие недели и месяцы, заполненные однообразной, надоевшей работой. Значит, все. Пора домой. Там найдется дело по вкусу.

Щелкнул аппарат связи, и сухой желчный голос координатора попросил доложить обстановку.

«Слово-то какое замшелое — «доложить», — все еще не в силах справиться с раздражением, подумал Глеб. Однако привычка к дисциплине не позволила ему выдать своего недовольства даже в тоне ответа. Он перечислил номера групп и количество людей, покинувших корабль два часа назад, и монотонно, чтобы хоть чем-то досадить координатору, стал перечислять квадраты работ отдельно для каждой группы.

— Послушайте, Танаев, эти цифры вы сообщите мне как-нибудь на досуге, а сейчас вызовите на корабль всех руководителей групп.

Координатор отключился.

— Это еще что за новости? — спросил Глеб у мигающего зрачка автомата связи.

Автомат, как и следовало ожидать, не ответил. Вызов руководителей групп в разгар работ не такое уж простое и заурядное дело. Вряд ли они согласятся без дополнительных объяснений покинуть участки работ. Глеб потянулся к интеркому, чтобы вызвать координатора. Но в это время где-то в глубинных недрах корабля возник басовитый, уплывающий за пределы слуха звук, от которого мелко задрожали переборки. В машинном началась продувка главного реактора. После этого у Глеба пропало всякое желание медлить и задавать координатору дополнительные вопросы. Произошло нечто чрезвычайное, потому что запуск главного реактора на планетах вообще не был предусмотрен. Почти сразу же на информационном табло появилось объявление об экстренном сборе корабельного совета. Это еще больше усилило тревогу. Сдав вахту, Танаев поспешил в кают-компанию.

Совет уже начался. Видимо, Кирилину только что пред-

оставили слово, и он, как обычно, мялся, не зная, с чего начинать. Всегда с ним так, если приходилось выступать перед многочисленной аудиторией, все знали эту его слабость и терпеливо ждали. Длинные руки Кирилина беспокойно бегали по столу, словно искали что-то, а большие добрые глаза, искаженные толстыми стеклами очков, казались печальными и чуть удивленными.

— Здесь много специалистов, и я, видимо, должен объяснить подробно... — Кирилин закашлялся, вытер блестящую, как шар, голову. Казалось, он чувствует какую-то свою личную вину за происшедшее.

— Все дело в кристаллокондах. Ими задается программа любого автомата. Вам не раз приходилось иметь с ними дело, когда во время работ вы сменяли один кристаллоконд на другой, чтобы дать кибу новое задание. Кристаллоконды, как вы знаете, представляют собой чрезвычайно сложную и твердую кристаллическую структуру. Ее нельзя изменить. Ее можно сломать, заменить новой, но ее нельзя частично изменить. В этом суть всей проблемы. Кристаллическая структура кондов раз и навсегда задается во время отливки на земных заводах в специальных матрицах...

Наконец кто-то не выдержал:

— Может, вы объясните, что, собственно, произошло?!

— Вот я и говорю, что кристаллоконды представляют собой сложную структуру, раз и навсегда заданную при изготовлении. Кристаллоконды двух автоматов в группе Кленова оказались измененными, в их структуре произошли некоторые сдвиги, и вместо стандартного отбора образцов кибы покинули квадрат работ, самостоятельно переместились в группу энергетического резерва и там...

Послышался смех, кто-то спрашивал у Кленова, чем он насолил своим кибам, кто-то интересовался у энергетиков, зачем они сманивают чужих роботов. Координатор постучал по столу и поднялся.

— Очевидно, не все понимают серьезности происшедшего. Эти два кристаллоконда кем-то были специально изменены таким образом, что кибы получили новое, неизвестное нам задание, которое они и выполняли в течение нескольких часов. Мы не знаем характера этих изменений, мы не знаем, кем, а самое главное — для чего это было сделано.

Несколько секунд в кают-компании было тихо.

— Может быть, перепутали конды? Кто-нибудь из команды...

— Исключено. На них остались те же самые заводские номера. Кроме того, конды непонятным образом разрушились, как только мы начали исследования.

— Разрушились? Отчего?

— Мы хотели рассмотреть их структуру под нейтринным микроскопом, чтобы определить характер изменений, но сразу же, как только включился нейтринный поток, конды распались, превратились в пыль. Я прошу экипаж со всей серьезностью отнестись к сложившейся ситуации. Создать такую сложную структуру, как конд, непростая задача. И цель, ради которой это было сделано, может оказаться весьма

серьезной. Прошу самым тщательным образом проверить всю автоматическую аппаратуру корабля. Представьте себе несколько неуправляемых автоматов в машинном отделении или пару таких блоков в центральном навигаторском...

«Да, это серьезно... — подумал Глеб. — Тут действительно не до шуток. Но к чему клонит Рент? Неужели он предполагает, что кто-то на Земле заранее изготовил эти блоки, а кто-то из членов команды умышленно их подменил?..»

— Лонга и Танаева прошу остаться. Остальные свободны.

Лонг возглавлял научный отдел корабля, вместе с координатором и Глебом они составляли руководящую тройку всей экспедиции. Едва все вышли, координатор приступил к делу:

— Надо решать, как действовать дальше. Выбор у нас небольшой. Мы можем игнорировать случившееся и продолжать работы либо, учитывая обстановку, вернуться домой. Более того, если скрупулезно соблюдать инструкции, мы просто обязаны вернуться. Однако в данном конкретном случае я не настаиваю на соблюдении инструкции и оставляю за нами право на решение. Мы должны учесть все особенности обстановки, а также и то, сколько стоит наша экспедиция на таком расстоянии от базы.

— Да, вернуться, не выполнив задание... Такое нечасто бывает. — Лонг озабоченно потер подбородок.

— Есть еще один выход. Подождать, — заметил Глеб.

— Подождать чего? — резко спросил координатор.

Глеб, сделав вид, что не заметил его резкости, спокойно пояснил:

— Подождать, пока этот таинственный фактор, изменяющий настройку наших автоматов, вновь себя проявит. Вряд ли он ограничится только двумя автоматами.

— Да, но сроки, отпущенные нам на разведку планеты, будут сорваны. Тут нужно кардинальное решение.

— Насколько я понимаю, вы за то, чтобы продолжать работы с нормальным графиком? — уточнил Лонг.

Координатор поморщился.

— Сначала я хотел бы услышать ваше мнение или хотя бы предположение, гипотезу о характере происшествия, о том, кто это мог сделать.

— А почему вы убеждены, что это чья-то злая воля? Скорее всего автоматы попали под неизвестное нам излучение природного происхождения. Например, мощный гамма-поток мог сместить внутренние структуры кондов и ослабить молекулярные связи. Достаточно было небольшого толчка в виде нейтринного излучения нашего микроскопа, чтобы они разрушились.

— Это, пожалуй, кое-что объясняет. — Координатор удовлетворенно качнул головой, а Глеб иронически усмехнулся.

— Скажите, — спросил он Лонга как мог спокойнее, — сколько именно энергии нужно для такого изменения кристаллокондов, иными словами, какова была мощность этого «природного» потока?

Он сразу же увидел, что попал в точку, в самое слабое место лонговской гипотезы.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Нужны специальные исследования.

— Однако горячие зоны наших реакторов, в которых работает не один десяток автоматов, дают что-нибудь порядка двух тысяч рентген на квадратный миллиметр. И я не слышал, чтобы хоть один конд вышел из строя. Вы знаете природное излучение, которое может дать большую мощность?

— Такие изменения могут накапливаться постепенно. В течение нескольких лет и потом резко, скачком проявить себя.

Казалось, координатор не слушает объяснений Лонга. Нахмурившись, он что-то чертил кончиком визофона на столе.

— Ты пойми меня правильно, Глеб. Нам надо дело делать. Я не могу позволить увлечь себя в дебри научных дискуссий. Планета отнесена к третьему классу. У тебя есть объективные данные, чтобы эту оценку изменить?

У него не было таких данных. У него не было ничего, кроме зловещего предчувствия, что на этот раз они поплатятся за свою беспечность, за свою древнюю привычку все делать по заранее расписанным листочкам бумаги, даже в тех случаях, когда обстоятельства не укладываются в рамки предписаний.

Каждое новое утро на Элане похоже на предыдущее. Отсутствии атмосферы лишает их разнообразия. В шесть часов раскаленный гладкий шар солнца появляется на безликом от черноты небосклоне. Мириады звезд, не притушенные атмосферой, торчат на небе весь день, и, наверное от этого, планета кажется гигантской рубкой космического корабля.

Запакованный в герметические скафандры отряд геологов из двенадцати человек едва разместился в трех карах. Кары бесшумно плыли над поверхностью планеты. Странное чувство, словно он исполняет чужую надоевшую роль, не покидало Глеба с того самого момента, когда совет поддержал решение координатора. Пятый день работы шли по нормальному графику, и до сих пор все как будто говорило о том, что его опасения безосновательны, а происшествие с киберами всего лишь нелепая случайность.

В первый день он дважды осмотрел карьер, в котором последний раз велись работы. Никто не мог точно сказать, где именно кибы перестали выполнять свою основную программу. Ничего удивительного. Автоматы работали на приличном расстоянии друг от друга, и людям трудно было контролировать весь участок. Осмотр ничего не дал. Базальт. Редкие выходы пегматитовых жил с крупными кристаллами слюды и золотистых пиритов. Отсутствие ветра и водной эрозии делали изломы скал неестественно свежими, сверкающими всеми гранями, как образцы в геологическом музее.

Еще двадцать дней. Потом работы будут закончены, и,

если ничего не случится, они улетят домой. На базе никто и не вспомнит об этом незначительном происшествии.

Кары остановились у черного разлома скал. Обычный рабочий день вступил в свои права и часа на полтора занял все внимание Глеба. Он плохо разбирался в геологии и попросился в группу Кленова только из-за этого проклятого разлома, от которого сбежали роботы. Вот он перед ним. Всегда одинаковый, с черными оспинами обсидиана, с шероховатыми плоскостями гранита. От резких теней все здесь казалось чуть мрачноватым. Много тысячелетий назад подземный толчок выдавил на поверхность эти скалы, раздробил камень причудливыми сколами. Обломками завалил глубокие трещины. Все так и осталось нетронутым на тысячи лет.

Сверху сорвался небольшой камень. Глеб вздрогнул и резко обернулся. Над ним, в просвете между каменными обломками, появилась башенка охранного киберга. Координатор расщедрился и выделил на каждую рабочую группу по два киба. Это была еще одна причина, почему Танаев оказался в группе Кленова. Слишком хорошо он знал потенциальные возможности этих боевых машин. Ему не давала покоя одна простейшая мыслишка: «Что будет, если вдруг у них тоже самопроизвольно изменится основная программа?.. Почему не может повториться то, что уже случилось здесь однажды?» Но Рент в ответ на его опасения лишь пожал плечами.

— Тогда нам вообще нечего делать в космосе. Без автоматов мы здесь шагу не ступим.

Глеб поднялся наверх и стал рядом с трехметровым стальным гигантом. Решетчатая башенка локатора на его макушке непрерывно вращалась, Глеб попросил вызвать центральный автомат корабля.

Но еще до того, как пришел ответ, в шлемофоне раздался голос Кленова:

— Глеб, ты не мог бы спуститься в третий сектор?

— А что случилось?

— Отказал нитридный взрыватель. Нам нужно было убрать небольшую стенку, взрыватель отказал, и я не могу понять причины. Спустишься посмотри.

— Хорошо. Я сейчас.

— Вызов центрального автомата отменить? — спросил робот.

— Нет. Наоборот, соедини меня с ним.

Через секунду хриловатый знакомый голос сообщил о том, что один из каналов центрального автомата переключен на его рацию. Глеб запросил информаторий и через несколько секунд уже знал ответ, который предвидел с самого начала.

Спуск требовал внимания. Широкие подошвы скафандра, упруго пружиня под ногой, вдавливали свои многочисленные мелкие шипы в неровности скал. Один неверный шаг на такой крутизне мог ему дорого обойтись. Зачем, собственно, понадобилось ему лезть наверх, к кибу? Ведь он мог вызвать его снизу, со дна разлома. Нелепость? Ну да,

всего лишь нелепость... Некие незапрограммированные действия, как у тех автоматов... Он почувствовал легкое головокружение, незнакомую раньше боль... Если его догадка верна, то все так и должно быть, теперь очередь за людьми.

Внизу двое наладчиков уже разбирали нейтринную горную мину. Механизм выглядел безупречно. А боек почему-то не доходил до капсулы, словно что-то в системе спускового механизма изменилось, исчезла какая-то важная деталь, нарушился заданный людьми порядок, и вот механизм не сработал...

Глеб долго вертел в руках металлическую коробку. Боль ушла и больше не возвращалась. Но он был уверен, что это не единственный случай такого вот необъяснимого кратковременного недомогания, что не он первый и этими мелочами дело не кончится...

Ему понадобятся самые подробные данные обо всех незначительных поломках, разладках и мелких неисправностях механизмов во всех квадратах, где велись работы. Он знал, что поломки, которые не выбивают из графика основные работы, не заносят в журналы и нигде не фиксируют. Значит, придется поговорить со всеми кибернетиками и наладчиками. Потом ему предстоит обработать эти данные на машине. Он не сомневался в результате, но для предстоящего разговора с координатором нужна была серьезная подготовка. Этот человек верил только фактам.

На сбор исходных данных у Танаева ушел целый день. После этого часа четыре он обрабатывал данные на малом расчетчике и наконец поздно вечером, закончив работу, подошел к столу с лавсановой пленкой графического анализа в руках. Это и был результат. Весь лист разделяла на квадраты бледная сетка координат. Более четко выделялись жирные линии абсцисс. Они обозначали одинаковое количество отказов, взятых в определенном временном масштабе. Абсциссы не везде смыкались. В этой части планеты работы велись неравномерно, и ему не хватало данных, но общая картина все равно получалась достаточно ясной: количество поломок, отказов, легких недомоганий людей, ведущих работы снаружи, — все это совершенно явно нарастало вокруг одного определенного участка на карте планеты.

II

Закрыв за собой дверь личной каюты, координатор Рент почувствовал, как он устал.

Бывают планеты, на которых неприятные случайности собираются словно в фокусе, но Элана побила все рекорды. Хуже всего с энергией. Без конца обнаруживались непредвиденные утечки, и повышенный расход сопутствовал каждому выходу наружу. Словно у него на складе неограниченные запасы актана! Все аккумуляторы вдвое увеличили саморазряд даже на холостом ходу. Научная группа объяс-

няет это повышенным фоном гамма-излучений, хотя, похоже, Лонг в это не очень верит. С чего бы вдруг все внутренние аккумуляторы и накопители отреагировали на этот фон! Им не раз приходилось сталкиваться с гораздо более сильными излучениями, и ничего подобного не было! Придется сокращать и так уже урезанный график работ. Слишком дорого обходятся исследования на этой планете. Ему нелегко будет отчитаться перед базой. Еще одна авария с генератором, как та, что случилась при подходе к Элане, и они не дотянут до Земли... Израсходовано шестьдесят процентов резервного топлива. Генераторы корабля работали на любой материи, и запасы инертных материалов, использовавшихся в качестве горючего, они уже полностью возобновили на Элане, но это топливо годилось только для ходовых генераторов. Все планетные работы, посадки и взлеты на малой тяге производились на актане. Только он годился для мощных автономных аккумуляторов, приводивших в действие основные системы корабля и всех кибов. Без актана они станут совершенно беспомощны. Взлет придется делать на главных двигателях, заразив радиацией немалую площадь планеты, несмотря на строжайший запрет...

Если бы только это! Участились болезни среди членов экипажа. Это было бы понятно на планете с биосферой, но как объяснить вспышки гриппа и различных инфекционных недомоганий, когда каждый выход наружу сопровождается полным комплексом дезинфекционных облучений, а в защитных скафандрах люди вообще не контактируют с планетой?! А эта история с роботами?

Танаев наверняка при возвращении напишет рапорт в комиссию и будет по-своему прав. Получится, что Рент не уделил должного внимания такому невероятному событию, как выход из строя пары роботов. Черт бы их побрал вместе с Танаевым!

Тревожные мысли наплывали одна на другую, мешали расслабиться, не давали отдохнуть. Рент потянулся к изголовью и включил мент. Первые раскаты похожей на морской прибой мелодии затопили сознание, перед глазами встали рыжие скалы, и песчаные дюны легли вокруг, словно застывшие волны океана. Но видение тут же исчезло. Резкий звук зуммера — срочного вызова — разрушил иллюзию.

Рент сидел за столом подтянутый, в застегнутой до самого горла куртке, с прямой, как палка, спиной. Ничто в его облике не выдавало недавней усталости. Глеб молча развернул на столе лист лавсана. И только когда координатор вопросительно уставился на него, сделал самые необходимые пояснения и снова надолго замолчал, ожидая, пока Рент усвоит новую информацию и примет решение. А Рент не спешил, и где-то в уголках его глаз чуть заметно дрожал огонек обиды.

Ну почему, почему они приходят к нему, словно он часть центрального автомата корабля? Почему в трудных ситуа-

циях от него ждут однозначного безапелляционного решения, в принятии которого никто не хочет помочь ему, словно они не знают, что никогда не бывает однозначных безапелляционных решений, не несущих в себе зародыша будущих неприятностей...

Вдруг Рент внутренне содрогнулся. До него только теперь дошел весь грозный смысл открытия, сделанного Танаевым. На планете существовала некая зона, площадью примерно в двести квадратных километров, в которой все неприятности, преследовавшие их с момента посадки, словно бы сгущались. В это было трудно поверить, но цифры, подсчитанные вычислителем, казались безупречными. Случайное совпадение почти исключалось. Слишком обширный материал собрал и обработал Глеб. Что же там такое? Неизвестные излучения? Нет таких излучений, которые оставили бы без внимания корабельные индикаторы. В конце концов возьят же они с собой пятнадцать человек не самых худших ученых! Один Лонг стоит десятерых. Пусть думает тоже. Рент набрал на селекторе код вызова.

Лонг поднес график к самому лицу, ощупал его и даже посмотрел на просвет.

— Это слишком невероятно для случайного совпадения. Придется проверить.

Координатор резким жестом остановил его.

— Интересно, каким образом вы собираетесь проверять? Вам знаком дефицит с актаном?

— Да. Но работа в центр этой зоны придется посылать.

— Одного робота?

— Не торгуйтесь, Рент. Вам все равно этого так не оставить. Пошлете сколько понадобится, а пока одного. И желательно не «А» класса.

— Почему?

— У меня такое впечатление, что чем проще будет механизм, тем дольше он там продержится.

— Ну хорошо. «Жук» вас устроит?

— Да... Пожалуй. Только пусть с него снимут блоки автономного управления, а двигатели переключат на релейные радиокоманды.

— Я сам все проверю. — Глеб поднялся. — Через пару часов можно будет выпускать.

— Не забудьте добавить резервные блоки анализаторов и по четыре передатчика в инокамерах с каждой стороны. Так, чтобы в случае гибели автомата мы могли получить информацию.

— Значит, обратно мне его не ждать? — Рент вопросительно поднял брови, разглядывая сморщенное лицо руководителя научной группы.

— Не знаю, Рент. Мы столкнулись здесь с чем-то таким... — Лонг пощелкал в воздухе пальцами. — Ну, в общем, по сравнению с этим цена одного автомата может оказаться ничтожной.

Внешне «Жук» напоминал подсолнечное семечко, увеличенное до размеров моторной лодки. Матовые металлические грани, сходящиеся к носу, создавали впечатление надежности. Лобовая броня «Жука» способна была отразить прямой удар лазерного луча. Наружу не выступало ни единого механизма. Не было видно даже швов. «Жук» представлял собой транспортное устройство, использовавшееся в особо сложных условиях.

На экране рубки управления виден был почти весь ангар, в котором располагался «Жук». Все было готово к пуску. В рубке вместе с Глебом сидели только Лонг и координатор.

Как только «Жук» съехал с пандуса, Рент увеличил мощность двигателя, и сразу же изображение на экране смазлось от волны раскаленных газов. Следящий автомат тут же переключился на более высокий ярус, и теперь на экране стала видна значительная часть заваленной скальными обломками поверхности планеты. Над всем этим первозданным хаосом, почти сливаясь с ним по цвету, медленно ползло металлическое семечко.

— Ты не хочешь вернуть людей на корабль? — спросил Лонг, словно ему передалась тревога, которую испытывал Глеб с того самого момента, как вернулся из карьера и начал собирать первые данные для вычислителя.

— Зачем? Мы всего лишь послали транспортный автомат в один из секторов планеты. Ты хочешь, чтобы я каждый раз из-за такого пустяка останавливал работы? Или у тебя есть более определенные соображения?

— Нет. — Лонг сморщил свое и без того изъеденное морщинами лицо. — Я не думаю, что это опасно. Но это достаточно необычно. Мы не знаем, как себя проявит то, что скрыто в этой зоне. Ведь что-то там есть?

— Вы даже в этом не уверены. И вообще, позвольте мне самому решить, что здесь опасно, а что нет! — вдруг отрезал Рент.

Теперь они молча смотрели, как «Жук» неторопливо плыл над скалами, напоминающими ледяные торосы. Казалось, в этом месте по поверхности планеты с размаху бил огромный молот. Но скалы постепенно понижались. Все чаще между ними появлялись проходы, словно кто-то вылизывал среди камней огромным шершавым языком широкие прогалины. Рент увеличил скорость и направил машину в одну из таких прогалин. Развернувшись на ровном месте, «Жук» вздрогнул и рванулся вперед.

Взглянув на показатель скорости, Глеб заметил, что стрелка далеко еще не доходит до средней отметки. Мало того, она медленно катилась назад. Видимо, координатор тоже заметил это, потому что резко, до отказа, передвинул тумблер, управляющий мощностью двигателя, и включил форсаж. Машина снова рванулась вперед. Стрелка прыгнула почти в самый конец шкалы. На экране, показывающем местность с бортовых передатчиков, мелькнула знакомая стена ущелья. Теперь «Жук» вошел в зону, в которой до сих пор еще не бывали ни люди, ни их машины. Всего

двадцать километров отделяло его от центра таинственного пятна, вычерченного Глебом на карте планеты. Вдруг изображение, транслируемое бортовыми передатчиками «Жука», потеряло четкость. Глеб крутанул настройку, но стало еще хуже.

— Что там такое?! — сразу же рассвирепел Рент. — Вы что, не можете держать настройку?

— Настройка здесь ни при чем!

— Тогда что же?

— Откуда я знаю! — огрызнулся Глеб. — Я не связист! Вы слишком засекретили наш эксперимент. Здесь могут понадобиться разные специалисты.

— Хорошо, — неожиданно согласился Рент. — Пригласите всех, кого считаете нужным. И увеличьте мощность управляющих передатчиков, машина нечетко выполняет команды. Если не хватит энергии, я запущу главный реактор, — сквозь зубы добавил координатор.

«Кажется, он начинает забывать про экономию», — пробормотал Лонг.

Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить вошедшим в рубку специалистам создавшуюся ситуацию. За это время «Жук» заметно потерял ход. Стрелка скорости, несмотря на полностью выжатый форсаж, болталась где-то посреди шкалы.

— Ну, так что там с передатчиками? — нетерпеливо спросил Рент. — Машина почти выходит из-под контроля. Что это, наводки? Эcran?

— Нет. И то и другое наши приборы сразу же определяют, — уверенно ответил главный инженер. — У меня такое впечатление, что дело в самой машине.

— Да, — подтвердил связист. — Похоже, начали разрушаться телеобъективы на «Жуке». Смотрите: рябь на экране имеет характерную структуру.

— Почему же молчат бортовые анализаторы? Они должны реагировать на любое внешнее воздействие! Все поля в норме, даже радиоактивный фон не увеличился!

— Попробуйте взять левее, — вдруг вмешался молчавший до сих пор Лонг.

— Но там же скалы!

— Именно поэтому. Мне кажется, местность в остальных местах что-то уж слишком выровнялась.

«Жук» покатился в левый угол центрального экрана. На бортовых экранах замелькали нечеткие, изломанные вершины. Временами изображение исчезало вовсе. Лонг согнулся над самым экраном, что-то стараясь там рассмотреть. Он то и дело включал увеличение и фиксаторы, словно забыл, что изображение автоматически записывается центральным автоматом. Глеб хотел сказать ему об этом, но не успел.

Скалы неожиданно кончились. На какое-то время изображение на экране стало почти резким. Впереди, насколько позволяли объективы, виднелась ровная песчаная плешь. Лонг стремительно нагнулся и включил максимальное увеличение. Песок приблизился, заполнил собой экран. Глеб не

сразу понял, что его так поразило. И вдруг вспомнил, что на планете нет атмосферы и, значит, не может быть ни воздушной, ни водной эрозий. Какая же сила превратила здесь скалы в песок?

— Похоже на пыль, — пробормотал Лонг. — Нет определенной формы. Я не могу рассмотреть отдельных песчинок, не хватает резкости. Да сделайте же что-нибудь!

— Все! — сказал Рент. — Аппарат неуправляем.

На обзорном экране было видно, как «Жук», вздрогнув, остановился и вдруг стал медленно разваливаться на части. Потрясенный Глеб видел, как массивная обшивка из силиконовой брони треснула, как яичная скорлупа, и стала разъезжаться по швам. Из нее вывалились какие-то детали, словно внутренности раненого животного. «Жук» в последний раз дернулся. Потом от него отделилась вся корма вместе с ходовой частью, и изображение на экранах исчезло. Они видели только общий план скал, среди которых совсем недавно скрылся «Жук». Это работали автоматические трансляторы геологов, установленные на самом обрыве. Но оттуда было слишком далеко до места катастрофы.

Глеб почувствовал острую досаду на себя за то, что не догадался одновременно с «Жуком» перевести на нужную орбиту один из спутников наблюдения. Теперь, прежде чем они получат нужный квадрат в секторе обзора, пройдет не меньше часа.

Увидев, что он начинает набирать на пульте Центавра код поправок, координатор остановил его.

— Спутник нам не поможет. С высоты все равно ничего не видно, а если опустить его ниже, с ним скорее всего случится то же, что с «Жуком». Здесь нужны танки высшей защиты. Что вы об этом думаете?

Лонг пожал плечами.

— Я не факир и гадать не умею. Чтобы вам ответить, мне нужны обломки «Жука» и хорошо бы немного этого песка. Но с танками я не стал бы торопиться.

— Это еще почему?

— Потому что, если в однородной среде имеет место совершенно явная флуктуация, характер которой нам неизвестен, лучше всего собрать дополнительные данные, прежде чем вторгаться в саму структуру.

— Иными словами, не стоит дразнить гусей, — подсказал главный инженер. — Что же, я, пожалуй, с вами согласен.

— А я нет! — решительно вмешался Глеб. — Теперь мы просто обязаны узнать, что там такое. Наблюдения со стороны ничего нового не дадут; а если последовать вашей рекомендации, мы попросту не успеем ничего выяснить. Вторую неделю только тем и занимаемся, что наблюдаем со стороны, выполняем график работ. Но иногда стоит вспомнить о том, что поисковая служба создавалась на Земле вовсе не для подсчета запасов полезных ископаемых на чужих планетах.

— Для чего же, Глеб? — спросил координатор, с интере-

сом рассматривая своего первого пилота, словно видел его впервые.

— Для того, чтобы искать и хоть иногда находить что-то новое! Неизвестное человечеству! Вот такое, например! — Танаев зло постучал по погасшему экрану.

Несколько секунд все молчали.

— Готовьте танки, — приказал координатор. — Всех людей возвратить на корабль! Аврал по стартовому расписанию первой срочности.

За бортом корабля шла срочная погрузка. Со всех сторон тянулись длинные цепочки транспортных автоматов. Их суставчатые лапы с присосками на концах легко преодолевали рытвины и неровности первозданной поверхности планеты, лицо которой еще не бороздили ленты дорог. Казалось, сотни термитов возвращаются домой с добычей.

Чтобы видеть погрузку со стороны, Глеб переключил часть экранов на локаторы подходивших автоматов. Четырехгранная пирамида корабля, расширявшаяся книзу, со стороны производила впечатление колоссальной мощи. Так оно и было. Земля располагала всего тремя кораблями такого класса. Они использовались лишь для самых дальних разведок, в особо трудных условиях. Полная автономия, резервы топлива, достаточные для того, чтобы противостоять чудовищным гравитационным полям. Мощнейшая защита нейтринных полей, лазерные пушки, генераторы антиматерии. Казалось, ничто в космосе не могло противостоять этому стальному исполину. Но пока часть команды оставалась за бортом, после всего, что случилось с «Жуком», Глеб не мог отделаться от вполне понятной тревоги. Он в третий раз подключился к группе Кленова, которая ближе всех других находилась к опасной зоне. На экране вновь мелькнул знакомый карьер. Автомат включил трансфлоратор, и Глеб крупным планом увидел садящихся в кар людей. Площадка, где совсем недавно стояли многочисленные бурильные автоматы, уже опустела. Глеб не стал включать вызова, чтобы лишний раз не отвлекать Кленова от дела, он просто пересчитал людей. Все восемь человек были на месте. Кар тронулся и стал медленно выползать из карьера. Глеб потянулся к тумблеру, чтобы переключиться на группу Мистислова, и вдруг замер с протянутой рукой. За противоположной стеной карьера, в той стороне, откуда не вернулся «Жук», что-то происходило. Словно невидимый раскаленный ветер дунул на скалы, славящие северную стену карьера, и теперь они медленно и бесшумно оседали на глазах у Глеба. Пыль в безвоздушном пространстве планеты не могла подняться над поверхностью, и поэтому вся катастрофа выглядела нереально, как в дурном сне.

На экранах носовых локаторов, дававших обзор местности с верхней точки, это выглядело так, словно гигантское щупальце медленно и неуверенно тянулось сквозь скалы, наперерез кару с людьми. Но никакого щупальца не было. Было что-то невидимое, нечто, разрушавшее на своем пути

скалы... Глеб нажал сигнал общей тревоги и сразу же вызвал Кленова.

— Максимально увеличьте скорость! Возьмите на двадцать градусов восточнее. Вам наперерез идет... — Он заппнулся, потому что не мог подобрать нужного слова, его еще не было в лексиконе людей. Но слово не понадобилось. Кленов его понял.

— Мы видим, Глеб. Но скорость увеличить не можем. У нас садятся аккумуляторы.

Кар на экране дернулся, резко изменил направление, пытаясь уйти в сторону. Теперь лавина, если можно было назвать лавиной неведомую силу, которая нагоняла кар, шла за его кормой. Они двигались примерно с одинаковой скоростью, и до кара оставалось еще метров сто. Четкой границы у этого разрушительного потока не было. Скалы начинали терять свою форму, садиться и словно бы оплывать от нестерпимого жара... Вот только дистанционные термы показывали минус двести по Цельсию — обычную температуру поверхности планеты. Кар тянул из последних сил, он дергался, то и дело теряя скорость, словно лишился всей своей мощности и не мог преодолеть пустякового подъема. Наконец рванувшись в последний раз, машина встала. Глеб видел, как откинулся защитный колпак и тут же, отвалившись, покатился вниз. Из машины выскочили люди и побежали вверх по склону. Но они бежали медленно. Значительно медленнее неведомой силы, которая преследовала их по пятам. Нужно было что-то делать. Глеб почувствовал, как по лбу стекают крупные капли пота. Он попросту растерялся. Прошло не больше минуты с момента объявления общей тревоги, но ему казалось, что минула целая вечность, а он все еще был один в рубке и сам должен был принимать решение. Времени на раздумья не оставалось. Бежавший последним человек споткнулся и упал. Еще секунда, и будет поздно... Накрыть их защитным полем корабля с такого расстояния он не мог. Ни одна машина, посланная на помощь, не успеет... Что же делать? Что?! Мысли лихорадочно метались. Может быть, аналогия с извивавшимся щупальцем неведомого зверя помогла ему найти решение? Он не знал. Отрубить! Отсечь эту дрянь от людей! Еще один человек упал. Остальные уже не бежали. Они медленно, шатаясь, брели по склону. Кто-то остановился. Вот еще один и еще... Оборачивались, возвращались к упавшим товарищам...

Глеб схватился за рукоятки управления противометеорной пушки. Ближе всего к нему оказалось носовое орудие, оно допускало отключение автоматики. Это было то, что ему сейчас нужно. Орудие, рассчитанное на разрушение крупных материальных масс, оказавшихся на пути корабля, могло излучать и концентрировать в конце траектории мощные энергетические импульсы. У Глеба не было времени рассчитывать мощность. Он передвинул регулятор примерно на половину шкалы и сразу же поймал в перекрестие прицела середину потока. Чтобы не задеть людей аннигиляционной вспышкой, он вынужден был отвести прицел подальше, на самое дно ущелья. Какую-то долю секунды нога, нащупав-

Рисунки Н. ГРИШИНА

шая педаль спуска, еще медлила. То, что он собирался сделать, могло иметь самые неожиданные последствия. Но не было времени ни на раздумья, ни на детальный анализ ситуации. Одно он понимал совершенно четко: на глазах гибли его товарищи... Он нажал спуск. На экране полыхнул голубой сгусток взрыва. Однако он оказался намного меньше того, что Глеб ожидал увидеть, и самое поразительное — это последствия выстрела. Ничего не горело, не плавилась окружающие скалы. Не расплзлось во все стороны облако превращенной в пар и газы материи. Взрыв прошел тихо, почти по-домашнему, словно неведомая сила жадно впитала в себя почти всю его энергию.

— Отойди от пульта! — вдруг услышал он за своей спиной дрожащий от ярости голос координатора.

— Но ведь они... Они там...

И сразу же, как бы пресекая все его возражения, хлестнула в лицо уставная фраза:

— Космопилот Танаев, я отстраняю вас от должности!

Пошатнувшись, он встал, сделал шаг в сторону. Ни одной мысли не осталось в голове, ни обиды, ни горечи. Только боль за сорченные, беспомощные фигурки людей.

Секунду координатор сидел на его месте, обхватив голову руками, и ничего не предпринимал. Потом выслал отряд медиков на танках высшей защиты.

Глеб видел, как неуклюжие серые громады танков медленно, точно насекомые, ползут, перемалывая камни. Казалось, прошла целая вечность, пока они подошли к неподвижно лежащим людям и накрыли их своими защитными полями.

И все же надежда была. Сразу после выстрела разрушительная лавина прекратила свое движение. За все время, пока шли танки, она ни на миллиметр не продвинулась к людям.

Наконец в динамиках раздался искаженный голос главврача:

— Шестеро живы, отделались шоком, но двое...

— Кто?! — хриплым, незнакомым голосом выдохнул координатор.

— Максutow и Даров. Для них мы ничего не сможем сделать...

...Да, это были они. Те двое, что упали первыми и ближе всего оказались к краю смертоносного щупальца. Значит, его выстрел остановил смерть, ползущую к остальным. Теперь он мог уйти, но еще несколько секунд помедлил, разглядывая сгорбленную спину координатора. Видимо, тот почувствовал его взгляд, потому что, не оборачиваясь, проговорил:

— Возможно, на твоем месте я поступил бы так же, но это тебя не оправдывает. Мне очень жаль, Глеб...

Это означало, что решение осталось в силе и в рубле ему больше нечего делать.

III

— Что это было?

Лонг долго молчал, стараясь не смотреть на координатора.

— Я не знаю, Рент. Пока не знаю. Ответ нельзя получить немедленно. Нужны подробные исследования, нужно время.

Координатор взглянул на настенные часы.

— Я могу ждать еще шесть часов, не больше. Надеюсь, у вас теперь достаточно материалов. И прежде всего установите, что случилось с людьми.

— Медицинский сектор мне не подчиняется, — проворчал Лонг.

— Знаю. Твоя задача — выяснить, что именно их атаковало. Что или кто... С медиками я поговорю отдельно. И запомни: шесть часов, ни минуты больше.

— А почему, собственно, такая спешка?

— Ты что, не понимаешь, насколько серьезно наше поло-

жение? Мы не знаем характера атаки, мы вообще ничего не знаем! И каждую минуту это может повториться. Ты можешь гарантировать, что эта штука остановится перед защитными полями нашего корабля? Или в случае повторной атаки она прошьет его навывлет? И вообще, что это такое и что мы теперь должны делать?

Эта часть медицинского центра корабля представляла собой современное диагностическое отделение, оснащенное самым современным оборудованием. Оно было специально приспособлено для обследования пациентов, вошедших в контакт с неизвестной флорой и фауной чужих планет. И хотя в данном случае прямого контакта не было — самый тщательный осмотр скафандров пострадавших не выявил ни малейшего изъяна в их герметичной броне, — тем не менее Брэгов, главный врач корабля, до выяснения причин поражения поместил всех членов отряда геологов в изоляционное отделение.

Сразу же после вызова координатора и разговора с ним Брэгов попросил своих сотрудников сделать перерыв на два часа. Ему нужно было остаться одному и еще раз спокойно все обдумать. Он понимал, насколько важен его диагноз для установления причин того, что произошло, и поэтому не спешил с ответом на запрос координатора.

Развернув папку, Брэгов еще раз перечел характеристики состояния пострадавших в момент прибытия спасательной группы: пульс сорок-пятьдесят, психомоторные рефлексы заторможены, молочная кислота в мышцах почти полностью отсутствует, понижена температура тела и особенно кожных покровов, уменьшен систологический минутный объем крови, снижены интервалы и ограничены амплитуды энцефалограмм и кардиограмм. Общее подавленное состояние организма на фоне острой сахарной недостаточности, симптомы которой после принятых мер сразу же пошли на убыль. Картина казалась настолько ясной, настолько не вызывающей сомнений, что Брэгов недовольно крикнул.

Сахарная кома, острая энергетическая недостаточность... словно больным кто-то ввел смертельную дозу инсулина! словно они голодали десятки дней! словно из их организма в одну минуту высосали все запасы энергии! Эта последняя мысль заставила Брэгова надолго задуматься. Здесь что-то было. Что-то не имеющее непосредственного отношения к его пациентам. Ах да... роботы. Энергия, исчезающая из аккумуляторов...

Из отпущенных координатором шести часов прошло четыре. Во всех лабораториях научного отдела шла напряженная работа. Лонг вместе со своим постоянным напарником, молодым физиком Платовым, работал без перерыва. Лонг хорошо понимал Рента и знал, что дополнительного времени отпущено не будет, что ответ должен быть получен за оставшиеся два часа. Но пока ничто не указывало на то, что в исследованиях близок конечный результат. Все работы велись дистанционно. Этого требовала элементарная безопас-

ность. Камеры научного центра, снабженные сложными манипуляторами для работы с активными материалами, давали физикам такую возможность. Спасательная экспедиция привезла в специальном контейнере большую часть обшивки пострадавшего транспортера. Теперь ее разрезали на отдельные образцы, и каждая лаборатория вела свои собственные исследования.

Лонг и Платов работали с куском наружной силиконовой обшивки транспортера. Изображение обломка, увеличенное в шестьсот раз, в виде объемной голограммы транслировалось прямо в центр лаборатории. Усталости они не чувствовали, но голод давал о себе знать. Чтобы не прекращать работы, заказали ужин по центральному транслятору прямо в лабораторию, и вскоре появился киб с подносом. Рент выключил сканирующий микроскоп, но голограмма осталась. Настройка лазеров требовала слишком много времени.

— Вы помните срез с характерным рисунком? Кажется, номер сорок два — четыре? — вдруг оживился Платов. — По-моему, там что-то было. Давайте еще раз посмотрим. — Он подошел к пульта и набрал код. Засветился большой экран сканатора, в его глубине четко обозначались узловые центры кристаллической решетки. Появились сероватые распылчатые тени электронов.

— Вот здесь, в левом углу, видите? Нет ядра атома кремния. Соседние ядра кислорода и титана еще сохраняют общую структуру решетки, но узлового атомного ядра нет. Может, причина повышенной хрупкости именно в этом?

Лонг отставил чашку и подошел вплотную к экрану, словно надеясь с близкого расстояния разглядеть что-нибудь новое.

— Ну, один атом еще ни о чем не говорит... — проворчал он. — Дайте задание машине подсчитать количество таких нарушений, скажем, в кубическом миллиметре вещества, тогда посмотрим.

Платов, манипулируя клавишами пульта, набрал нужный код команд. Серия зеленых контрольных огней известила о том, что программа принята и прошла анализаторный блок. Почти сразу же изображение на экране вздрогнуло и исчезло, сменившись едва уловимым для глаз мельканием. Скорость, с которой машина меняла глубину среза, как всегда, оставалась за порогом человеческого восприятия. Теперь нужно было только ждать. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем звонок известил об окончании программы и на контрольном табло засветился ряд семизначных цифр.

— Восемь в шестнадцатой степени?.. Вы правы. Это не может быть случайным. Давайте снова тот срез. Вы проанализировали топологию всех внешних треков?

— Да, получается очень любопытная картина. Похоже, облучение шло с одной стороны. Сорок два градуса от полюса, на топокарте.

— Иными словами это результат выстрела нашей пушки?

— Совершенно верно. Но обратите внимание на энергию

воздействий. Она очень ослаблена. Такое впечатление, как будто взрыв был, по крайней мере, километрах в десяти.

— А на самом деле?

— Тысяча триста метров. Обшивка должна была оплавиться.

— Любопытно... Пожалуй, стоит провести один небольшой эксперимент. Пойдемте к навигаторам. Нам понадобится их помощь.

В рубке дежурил какой-то стажер. Увидев начальника научного отдела, он даже встал с кресла, только что не вытянулся по стойке «смирно» от почтительности. Лонгу не хотелось, чтобы у мальчишки были потом неприятности, разрешение на запуск зонда, который ему потребовался, нужно было получить у кого-нибудь постарше.

— Где Танаев?

— Вы разве не знаете? — стараясь предотвратить неловкий разговор, вмешался Платов.

— Подождите, — остановил его Лонг, — мне нужен Танаев.

— Пилот Танаев отстранен. Так решил координатор.

— Это еще что за новости? Мне нужен Танаев! Вызовите координатора.

Не дождавшись, пока практикант наберет код, Лонг нетерпеливо шагнул к видеокону.

— Говорят, ты отстранил Танаева?

— А в чем дело? — Координатор смотрел с экрана своими маленькими сонными глазками куда-то в сторону, но Лонг по опыту знал, что этот его неопределенный, направленный в сторону взгляд замечает куда больше любого из них.

— Мне нужен Глеб!

— Ну так и вызови Глеба. Если ты забыл его личный код, посмотри в справочнике.

— Он мне нужен здесь, в рубке!

— Ну знаешь, Лонг! Я не вмешиваюсь в дела твоего отдела, так что позволь и мне самому решать, кто должен быть в рубке, а кто нет. Что тебе, собственно, понадобилось?

— Ракетный зонд!

— И только-то? Тебе его запустит любой стажер. Леонов, возьмите координаты, заказ оформите, как обычно, по разделу научного отдела. — Рент отключился.

Секунду Лонг с интересом смотрел на погасший экран. — Он забыл спросить у меня, куда именно собираюсь я запускать этот зонд... Может быть, это и к лучшему. История с Глебом, видно, совсем выбила старика из колеи.

Лонг повернулся к стажеру, все еще навытяжку стоявшему перед пультом.

— Есть у вас на складе термитные снаряды?

— Термитные?.. Не знаю... Я сейчас проверю... Я никогда не слышал про такие...

— Еще бы вам о них слышать... В крайнем случае закажите начинку химикам. Это может быть необязательно

термитная смесь, любая, способная медленно гореть в безвоздушном пространстве.

Заранее рассчитывая точку посадки зонда, Лонг выбрал лощину, вклинившуюся в зону разрушений таким образом, что корабельные телескопы могли наблюдать за местом посадки. На обзорных экранах появилось изображение ровной, покрытой слоем пыли поверхности.

— Это самый край зоны. Возможно, здесь толщина пылевого покрова не так велика, и зонд не провалится, тогда мы что-нибудь увидим... Вот она, смотрите!

На экране мелькнуло узкое длинное тело ракеты. Тормозные двигатели частично замедлили ее падение, но она потеряла ориентировку и падала, беспорядочно кувыркаясь. Видимо, Леонов ошибся в корректировке, потому что ракета явно не дотянула до песчаной лощины. Она ударилась о камни на самом краю пылевой зоны. Корпус раскололся на несколько частей, из него выкатился удлинённый цилиндр термитной бомбы, подпрыгнул несколько раз и остановился у линии, за которой начинался песок.

— Извините... Двигатели выключались слишком рано, иначе я бы смог откорректировать...

— Не беспокойся! — Лонг обнял стажера за плечи. — Все получилось как надо, только бы взрыватель сработал!

— Что здесь происходит? — слышался у них за спиной недовольный голос координатора.

— Запускаем зонд, как видите. Тот самый, о котором я вас просил.

— Зонд я вижу! Но кто вам позволил направлять его в зону?

— Поверь, Рент, это было необходимо. К тому же он не в зоне. Рядом, но не в зоне. — Не отрываясь, Лонг смотрел на секундомер. — Вот сейчас, сейчас должен сработать...

— Что еще вы задумали?! Что там у вас такое?

— Всего лишь термитная бомба. Детская хлопушка, не более, успокойтесь. Это просто эксперимент с пиротехникой. Вот! Смотрите! Дайте самое большое увеличение! Да направьте же объектив точнее на самый цилиндр!

Цилиндр теперь заполнил весь экран, его оболочка треснула, изогнувшись, выворачивая наружу кипящую и бурлящую начинку.

— Так я и думал! Разве это горение?! Она едва светится. Измерьте температуру! Быстрее!

Леонов включил дистанционный пирометр, навел его перекрестие на разлившуюся вязкой лужицей желтоватую массу и щелкнул тумблером. Стрелка на шкале подпрыгнула и остановилась у отметки. Шестьсот.

— Шестьсот градусов вместо двух тысяч! Всего шестьсот...

Масса на экране уже не пенилась и не светилась, теперь она застыла бесформенной глыбой, стрелка пирометра стремительно откатывалась назад.

— Все. Фейерверк окончен.

— Так, может быть, ты все же объяснишь, для чего тебе понадобилось устраивать этот спектакль?

— М-м? Ах, да это... Подожди, Рент... — Не обращая никакого внимания на координатора, Лонг стремительно метался по рубке, Рент терпеливо ждал. Наконец, в очередной раз наткнувшись на боковое кресло, Лонг остановился.

— Все сходится. — Он достал карманный калькулятор и с полминуты что-то подсчитывал. Потом взглянул на результат, на Рента, прищурился и тихо присвистнул. — Кажется, я знаю, что там происходит, Рент. Энтропия увеличена примерно в тысячу раз. Может быть, даже в десять тысяч. Степень увеличения, очевидно, меняется в зависимости от расстояния до центра зоны.

Платов остолбенел. Он вместе с Лонгом проделал все исследование, но этот вывод казался ему слишком фантастичным. Он хотел возразить, но его опередил координатор:

— Энтропия — мировая константа, если не ошибаюсь. Она всегда и везде была неизменной. К тому же, насколько я понимаю, это просто условная величина, измеряющая...

— Совершенно верно, — подхватил Лонг. — Это всего лишь величина, измеряющая бесследное исчезновение энергии при любой реакции. Так вот здесь эта неизменная мировая константа, как ты правильно заметил, перестала быть неизменной. Она увеличилась, по крайней мере, в тысячу раз, и именно поэтому реакции горения, распада атомов да и любые другие реакции, связанные с расходом энергии, уже не могут протекать нормально. Баланс нарушен. Энергия уходит, как сквозь дырявое сито.

— Куда же она уходит?

— Если мы с тобой это выясним, нам поставят памятник еще при жизни. Можешь не сомневаться.

— Хорошо. Допустим. Что могло вызвать такое резкое нарушение? Каково происхождение этого поля?

— Ты хочешь спросить — искусственное ли оно? — Лонг усмехнулся.

— Я даже не знаю, поле ли это? Наши приборы не могли обнаружить никакого материального воздействия, мы можем наблюдать лишь следствия, следствия изменения энергетического баланса в окружающей среде. Даже степень воздействия энтропийного поля, как ты его окрестил, можно подсчитать только косвенно, так что спроси что-нибудь полегче.

— Однако эта твоя теоретическая мировая константа разрушает вполне реальные скалы. Уничтожает механизмы и убивает людей. И впрямь любой эксперимент, связанный с воздействием на внешнюю среду, будешь согласовывать со мной. Здесь не лаборатория, а чужая планета. И ты мне еще не сказал самого главного — можно ли от этого защититься?

— Если учесть данные эксперимента Танаева с выстрелом...

— Вот как? — перебил координатор. — Эта авантюра называется экспериментом?

— Если учесть данные, полученные после выстрела, —

невозмутимо поправился Лонг, — то получится, что достаточно мощное выделение энергии как бы насыщает энтропийное поле, нейтрализует его на участке воздействия. Не дает продвинуться дальше. Я надеюсь, что наши защитные поля, выделив достаточную энергию, смогут нейтрализовать энтропийное воздействие. Впрочем, это еще надо посчитать.

* * *

Вызов раздался вечером, когда Глеб, сидя в своей каюте, в третий раз играл в шахматы с Центавром. Собственно, шахматы как таковые его мало интересовали. Он хотел разгадать замысел психологов, так запрограммировавших Центавра, чтобы он проигрывал в среднем каждую третью партию. Но не просто каждую третью, а только ту, в которой Глеб играл чуть выше своих обычных возможностей. В результате игра приобретала известный интерес.

Синяя лампочка, вспыхнувшая под экраном интеркома, означала, что вызов неофициальный, идущий по личному каналу. Глеб включил интерком.

Рент сидел ссутулившись за маленьким столиком своей каюты. Экран давал его лицо крупным планом. Больше ничего нельзя было рассмотреть. Глеб дорого бы дал, чтобы побывать в каюте Рента хоть раз, чтобы составить о координаторе более подробное личное впечатление. Ренту было нелегко начать разговор. Он медленно, почти с видимым физическим усилием подбирал слова, и Глеб не собирался ему помогать.

— Я решил послать танки в центр зоны.

Он остановился, словно ожидал ответа, но, так как Глеб не прореагировал на его сообщение, продолжил:

— Лонг считает, что всякая новая информация, даже косвенная, об этой зоне обладает огромной научной ценностью. Я решил его поддержать.

— Не из-за этой ли ценности ты пошлешь туда танки? Слушай, Рент, мы с тобой летаем не первый год, так что мог бы сказать мне прямо, что тебе не с чем возвращаться на базу. А танки... Это не лучший выход. Скорей всего они попросту не вернутся.

— Я ведь не советовать с тобой хотел. Танки — дело решенное... Научный отдел гарантирует, что мощности их защитных полей будет достаточно. Мы сможем посмотреть, что делается в центре этого пятнышка. Рад? Вижу, что рад, что бы ты там ни говорил.

— Ну и чего ты хочешь от меня?

— Мне нужен руководитель в группу техников, которая будет готовить танки. Ты хорошо изучил работу механизмов в местных условиях. Да и вообще это слишком дорогое удовольствие разбрасываться специалистами твоего класса.

— Это приказ или просьба?

— Можешь считать, что просьба.

— В таком случае я отказываюсь.

— Вот как...

— Да и ты постарайся больше не обращаться ко мне с просьбами.

— Хорошо. Я постараюсь. А сейчас иди принимай группу. Кто из нас прав, не нам с тобой решать.

— Начальство с базы в таких вопросах тоже не лучший судья.

— Вот тут я с тобой согласен. Я не это имел в виду. Ты как-то обмолвился о задачах дальней разведки, помнишь? «Искать и хоть иногда находить что-то новое, неизвестное раньше...» А ты по нему из пушки. Конечно, когда гибнут товарищи, трудно решать такие вещи, кажется, просто невозможно решить и тем не менее надо. Такая у нас работа. Не можешь — лучше уйди от пульта! Нельзя забывать, что мы здесь гости.

— А танки ты все-таки посылаешь...

— На танках не будет оружия. Только приборы и защитное поле. Прежде чем уйти, мы обязаны выяснить, что там такое. Хотя после твоего выстрела неизвестно, чем это обернется. Это ты понимаешь?

Глеб отвел глаза, потом едва заметно кивнул.

— Ну вот и прекрасно. Иди принимай группу.

IV

Нижний ангар был самым большим помещением корабля. Здесь размещались его наиболее мощные транспортные и универсальные механизмы, предназначенные для планетных работ. Всю правую половину занимали четыре танка высшей защиты. В замкнутом пространстве ангара их неуклюжие, тяжеловесные махины казались неоправданно огромными и напоминали Глебу уснувших хищных динозавров.

Главный техник встретил его приветливо. Маленькое круглое лицо Орлова лучилось улыбкой с легкой примесью сочувствия. И это злило Глеба. Лучше бы он откровенно высказал неудовольствие по поводу того, что «верхнее начальство» вмешивается в дела его отдела. Глеб знал это и поэтому сразу же попросил Орлова ввести его в курс дела.

Два танка из четырех, в принципе, могли быть готовы в ближайшие шесть часов. На них уже заканчивалась проверка основных узлов и электронных блоков. Цифры на пультах контрольных автоматов могли означать все, что угодно. Глеб вовсе не собирался выдавать себя за универсального специалиста и сразу же остановил Орлова, пытавшегося на беглом техническом жаргоне объяснить ему характеристики отдельных агрегатов.

— Меня интересует только общий график работ. Время, необходимое вам на контроль, и еще, пожалуй, вот что... Сделайте двойную проверку блоков автоматического управления на ноль втором.

Впервые за весь разговор неприятная усмешка исчезла с лица Орлова, в глазах промелькнуло нечто похожее на удивление.

— Можно узнать, почему вас заинтересовал именно ноль второй?

— Все механизмы, имевшие контакт с внешней средой на этой планете, нуждаются в самой тщательной проверке, а ноль второй участвовал в спасательной экспедиции.

— Я спросил потому, что у меня появилось сомнение по поводу замедления реакций в его блоках. Однако отклонения незначительны, в пределах нормы, но я не решился запрашивать время на дополнительную проверку. Сроки на подготовку нам отпущены очень жесткие.

— В таком случае замените весь механизм.

— Это невозможно. Ноль четвертый и ноль третий находятся на консервации. Для приведения их в рабочее состояние потребуется не меньше суток.

Глеб на секунду задумался.

— Скажите, кристаллоконды управляющих автоматов на этих танках идентичны?

— Они похожи как два близнеца, но такая замена запрещена.

— Всю ответственность я возьму на себя. И не забудьте замененные конды передать кибернетикам для полного контроля по всем параметрам.

— Но если управляющая автоматика здесь настолько ненадежна, почему с машиной не пошлют водителя?

Глеб пожал плечами.

— Слишком дорогая цена за проверку теорий научного отдела. Лонг считает, что защитное поле расходом своей энергии скомпенсирует избыточную энтропию, не даст ей проникнуть внутрь машины, но никто этого не проверял на практике. Хватит с нас двоих.

За полчаса до запуска все было готово. И когда под толчком ангара вспыхнули мигающие желтые лампы, а надоедливый зудящий звук сирены напомнил о том, что людям пора покинуть ангар, техники неторопливо потянулись к выходу.

Глеб включил висевший на лацкане пиджака фон и произнес:

— Готовность первой степени. Через пятнадцать минут пуск.

Теперь вся стандартная процедура: запуск многочисленных двигателей, продувка тамбура, пуск внутренних реакторов танков на рабочий ход, опробование их защитных полей — все это перешло в ведение автоматов. Дальнейшее пребывание людей в ангаре становилось опасным. Но Глеб знал, что процедура не может начаться, пока контрольный автомат у двери не сообщит о том, что последний человек покинул ангар.

Глеб уже повернул к выходу из ангара, когда почувствовал еще не осознанный сигнал тревоги, поданный мозгом. Что-то было не так.

Ему потребовалось не больше секунды, чтобы понять причину. Сквозь раздвинутые двери грузового отсека на ноль втором, в его черной, неосвещенной глубине, в мерцающем свете наружных ламп вырисовывалась металлическая скор-

ченная глыба, своими контурами карикатурно напоминавшая присевшего на корточки человека. Это был охранный кибер. Глеб не мог ошибиться и сразу же вспомнил, что по инструкции каждому танку придавался такой охранный кибер. Но на ноль первом его не было. Это он хорошо помнил. Там они вместе с Орловым опечатали грузовой отсек, да и на ноль втором, когда меняли блоки основной программы, он не видел никакого охранныго киба! Его и не должно было быть. Рент сказал, что танки не будут оснащаться оружием для этой экспедиции. А охранный кибер — прежде всего боевой автомат, оснащенный лазерами дальнего действия и нейтринными излучателями. Когда же он появился в танке? Неужели Рент изменил свое решение? Это нуждалось в немедленной проверке. Глеб шагнул к танку.

— Назови свой номер! — Пауза. Короткая, но все же достаточная для того, чтобы Глеб насторожился. Обычно автоматы отвечали мгновенно.

— Ноль двадцать четвертый.

Так и есть! Это был тот самый робот, который сопровождал группу геологов, когда отказал взрыватель на нейтринной бомбе.

— Почему находишься здесь?

— Согласно инструкции должен сопровождать машину.

— Разве ты не получил приказа, отменяющего инструкцию?

— Нет. Координатор Рент приказал мне сопровождать машину.

Это уже была явная ложь. Кто-то из них солгал. Но так как автоматы лгать не умели, то получалось, что ему солгал Рент. Глеб почувствовал гнев.

— Соедини меня с координатором!

Опять пауза... Более длительная, чем в прошлый раз. Наконец ответ:

— Соединяю. — Снова пауза. На этот раз естественная. Канал мог быть занят.

— Координатор не отвечает.

К этому моменту Глеб уже был основательно взбешен, но взял себя в руки и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Вызывай по аварийному каналу!

Снова пауза. Все сходило на том, что эта металлическая жестянка попросту морочила ему голову! Все еще не веря, Глеб вплотную приблизился к грузовому отсеку танка, и в это мгновение желтый свет сигнальных ламп сменился красным. Он услышал, как за его спиной опустилась шлюзовая переборка, отделяющая ангар от остального корабля. Автоматы начали запуск танков по основной программе, не дождавшись, пока человек покинет опасную зону. Этого быть не могло, и тем не менее это случилось. Теперь до включения защитного поля у него оставалось примерно полторы минуты. Возникшие в момент включения поля вихревые токи обладали такой мощностью, что прикосновение к любому предмету в радиусе пятисот метров означало для него верную гибель. Через несколько секунд кровь в жилах закипит, потом лопнут сосуды, обуглится кожа, и все будет

кончено... Бежать? Бесполезно. До дальней стены сто метров, не больше. Этого недостаточно. Все выходы из ангара перекрыты... Автоматы работают надежно... Автоматы... Только они... Надо отдать приказ...

Мысли лихорадочно метались в поисках выхода, а дрожащие руки уже сорвали фон с лацкана куртки, перевели рычажок на полную мощность. Щелкнул выключатель. Бесполезно... Контрольная лампочка не загорелась. Так и должно быть. После включения основной программы связь изнутри ангара становится невозможной. Здесь сейчас не может быть ни единого человека, иначе как могла включиться основная программа?

И вдруг он снова почувствовал волну гнева на эти бедушные металлические жестянки, которые очень точно все рассчитали, точно и безошибочно, чтобы убить его через несколько секунд. Этот гнев подавил страх, помог ему сосредоточиться. Собственно, оставалось только одно. Проникнуть внутрь танка за эти оставшиеся секунды. Проще всего было броситься в широко открытые двери грузового отсека. Но в красном полумраке зловещие багровые отсветы ложились на шарообразную, неестественно раздутую голову охранного киба. На секунду Глебу даже показалось, что на его металлической роже появилась насмешливая улыбка. «Он только этого и ждет. Все было подстроено именно так, чтобы подтолкнуть меня к этому решению... Для чего-то ему это нужно... Сейчас нет времени разбираться для чего. Нужно придумать что-то другое, что-то такое, чего от него не ждут! Управляющая рубка танка уже закрыта. Значит, надо вскрыть запасной аварийный люк! Только на нем нет автоматических запоров», — лихорадочно пронеслось в голове.

Винтовой рычажный зажим не поддавался долго, слишком долго! Глеб чувствовал, как истекают последние оставшиеся у него секунды. Теперь уже было поздно предпринимать что бы то ни было... Оставалось только давить изо всех сил на этот проклятый рычаг. Казалось, он сдвинулся, прошел по окружности сантиметр-другой и окончательно заклинился, словно кто-то держал его изнутри.

Глебу казалось, что он вот-вот потеряет сознание от напряжения. Пот заливал глаза. Осталось пять секунд, четыре, три... Рычаг не поддавался. Все, теперь он не успеет...

Огненная вспышка очертила вытянутую синеватую сферу включившегося поля, и вдруг Глеб понял, что лежит внутри защитного купола между генераторами гравиподушки. А это означало, что наружные токи, возникшие за границей защитного поля, ему не страшны, и у него появилось время... Правда, немного, еще секунд сорок, до того, как включатся ходовые генераторы. Если после этого он все еще останется снаружи, то двинувшаяся машина попросту превратит его в месиво. Можно было взобраться на броню, но как только откроется шлюз... Нет, уж лучше бороться здесь, бороться до последнего... И вдруг он понял, что вращает рычаг в противоположную сторону, все больше и больше заклинивая проклятый люк!

Он рванул рукоятку обратно, навалился всем телом — ничего не помогало. Теперь его жизнь зависела от куска железа, от любого куска железа, которым можно было удлинить рукоятку. Змеей извиваясь между плитами гравитационных разрядников, он пополз в узкую щель между машиной и полом. Только там, вдали от хозяйских глаз Орлова, мог кто-нибудь из техников оставить ненужный кусок железа! Именно там оставил бы он его сам, если бы поленился нести к дезинтегратору в другой конец зала. И ему повезло!

Это был обломок какой-то ржавой трубы. Когда он надел ее на конец рычага и нажал плечом, труба медленно начала гнуться. Глеб почувствовал, как от ярости сводит скулы. Все его усилия были напрасны. Истекали последние, подаренные ему судьбой секунды!! В это время рычаг наконец подался.

Танк тронулся, едва он втиснулся в люк. Задраивать его пришлось на ходу, но это уже не имело значения. Он выиграл эту свою первую схватку с кучей металлического хлама, находящегося теперь в кормовом отсеке. Киб, не подчинившийся человеку! Пытавшийся его обмануть! Это было так же нелепо, как если бы на него напал письменный стол или кровать, и тем не менее это случилось. Теперь он мог отдышаться, вытереть пот, заливший лицо, и спокойно обдумать ситуацию. Он полулежал в узком шлюзе аварийного люка. Машина медленно вздрагивала и, покачиваясь с боку на бок, двигалась; судя по наклону пола, она уже сползала с эстакады и, значит, прошла дезинфекционную камеру, наружный шлюз и вот-вот коснется поверхности планеты. Теперь связаться с кораблем и сообщить им о случившемся можно будет только в том случае, если он доберется до управляющей рубки, сумеет отключить автоматику и взять управление танком на себя. Но для этого нужно сначала пробраться через две герметичные переборки, отделявшие нижний машинный отсек от верхнего, где разместились каюты экипажа и управляющая рубка. А он не помнил, как заперались переходные люки. Если там стоят автоматические запоры, открывающиеся по команде из рубки, то ему отсюда не выбраться. Но зачем тогда было делать в последнем наружном люке винтовой механический запор? Нет! Там должны быть такие же простые, незамысловатые, верные в любом случае механизмы! Ему предстояло всего лишь подняться по узкой лесенке, чтобы в этом убедиться. Открыть второй люк было делом одной минуты, и он уже стоял во весь рост в машинном отделении танка. В лицо пахнуло жаром. Температура была градусов сорок-пятьдесят. В глаза бросилась надпись: «Без скафандра не входите!» Ну конечно, здесь должна быть повышена не только температура... Скорее вверх, вот и последний люк... Затвор даже не дрогнул. В узкой прорези над замком, как только он нажал рукоятку, высочила надпись: «Затвор зафиксирован. Соединитесь с управляющей рубкой». Зафиксирован? Но кем? Зафиксировать его можно было только изнутри и только впрямую, без всякой автоматики. Кто же это сделал? Похоже, он снова попал в ловушку. Без скафандра в горячем

отсеке ему долго не продержаться. Стоп, есть еще вторая половина надписи! Как он сразу не догадался! «Соединиться с управляющей рубкой» — с программными автоматами корабля и отдать соответствующую команду. Совсем несложно, достаточно подключить свой фон к бортовой сети машины. Это можно сделать в любом отсеке, в том числе и здесь, в машинном. Вот он, разъем. Переключение заняло несколько секунд, потом он поднес микрофон к самым губам, чтобы заглушить насадный вой генераторов, и проговорил, сдерживая волнение:

— Ноль второй! Вызываю управляющий аппарат ноль второго.

Фон молчал. Танаев повторил вызов, назвав свой кодовый номер. Это подействовало. Ни один автомат не мог игнорировать прямой вызов человека, даже с испорченными цепями, полуразрушенный, он был обязан ответить на него.

— Автомат ноль второго слушает.

— Откройте переборку машинного отделения!

— Задание невыполнимо. Затворы этой переборки фиксируются только вручную.

— Так вскройте переборку ремонтным кибом! Быстрее!

В интеркоме что-то щелкнуло, и тембр голоса вроде бы изменился...

— Задание некорректно, вскрытие переборки заразит радиацией рабочие отсеки. Это опасно для экипажа.

— На корабле нет экипажа! Я нахожусь в горячем отсеке без скафандра. Немедленно вскройте переборку!

— На корабле есть экипаж. В горячем отсеке никого нет, — туповато повторил механический голос.

Страшное подозрение заставило Глеба похолодеть.

— Я второй. Соедините меня с экипажем. — Фон снова щелкнул, секундная пауза, и тот же голос сказал:

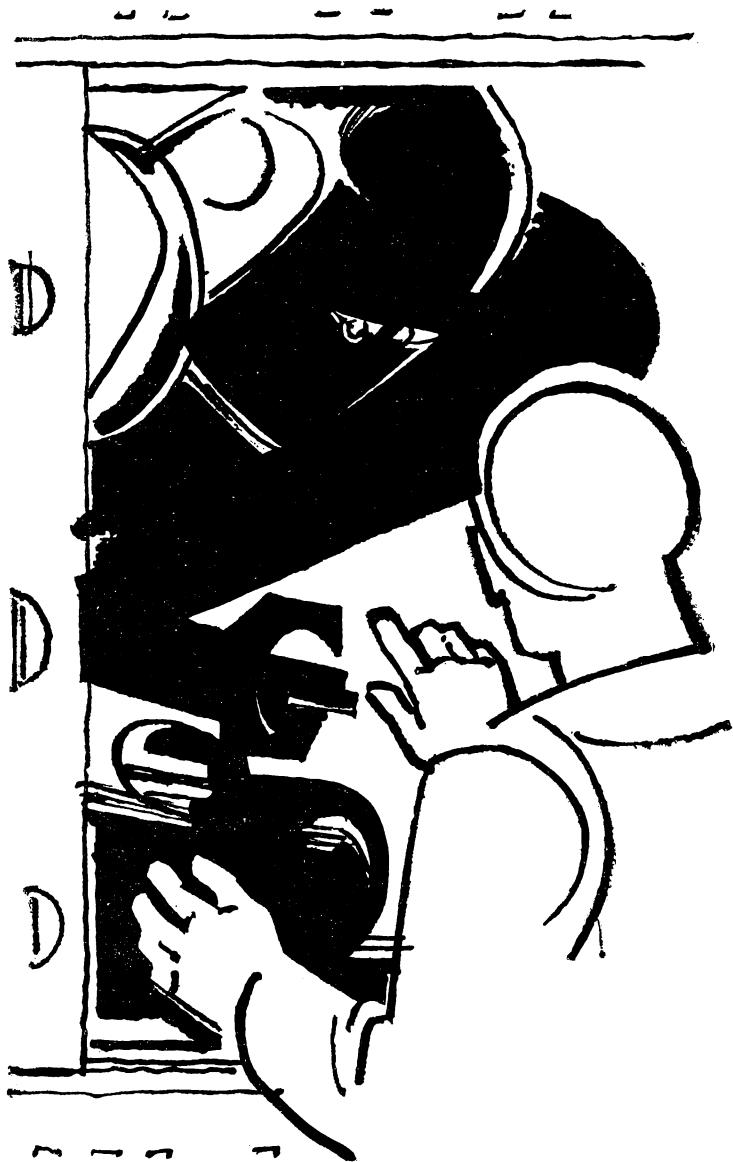
— Экипаж слушает.

— Я второй. С кем говорю! Отвечайте!

— Говорит ноль двадцать четвертый. В настоящее время являюсь экипажем корабля. В горячем отсеке никого нет.

Теперь ему окончательно все стало ясно. Этот свихнувшийся робот каким-то образом сумел переключить на себя автоматику танка. Дверь скорее всего заварена изнутри тем самым ремонтным кибом. В управляющую рубку ему не попасть, в машинном отсеке находиться без скафандра можно не больше трех минут — оставалось одно: вернуться в переходный тамбур между наружным люком и машинным отделением. Если он задраит текстонитовый люк — радиация будет ему не страшна, а жару можно и перетерпеть. Он решил, что, сидя в этой раскаленной, душной камере долгие часы, он будет думать только об одном, только о том, что он сделает с этим охранным кибом, когда танк выполнит задание и вернется на корабль. Эта мысль поможет ему продержаться!

На табло у центрального пульта вспыхнул зеленый сигнал готовности. Рент недовольно повернулся к главному инженеру.

— Они задержались на пятнадцать минут. Позаботьтесь, чтобы этого больше не повторялось!

На цветном объемном экране серые тела танков сливались со скалами. В те моменты, когда они попадали в черные провалы теней, они вовсе исчезали из виду.

— Направьте на них прожектора, маскировка нам не нужна!

Дежурный техник сразу же отдал команду, и изломы скал вдруг вспыхнули таким нестерпимым блеском, что несколько секунд ничего нельзя было рассмотреть, и, только когда танки, развернувшись, вошли в широкую тень нависшей скалы, главный инженер сделал технику замечание, обратив его внимание на ноль второй.

— Но я передал команду на оба танка!

— Повторите!

— Что там еще?

— На ноль втором не работают прожектора.

— Включите запасные.

— Рация ноль второго не отвечает!

Рент подошел вплотную к технике и несколько секунд смотрел, как тот пытается вызвать машину на всех запасных диапазонах.

— Передайте им сигнал: «Стоп программа» на аварийной волне. Это должно подействовать.

Сразу, как только техник нажал красную клавишу, передний танк остановился, словно налетел на стену. Но ноль второй, шедший замыкающим, даже не замедлил ход. Он объехал остановившийся танк по короткой дуге и скрылся в тени скалы.

— Передайте ноль первому приказ следовать за ним, и пусть все время держит его в лучах своих прожекторов.

Секунд через пятнадцать на экране снова возникла широкая корма ноль второго.

— На нем не могли отказать сразу все запасные каналы связи, это исключено! — попытался оправдаться инженер.

— Я и сам это знаю, — ответил Рент. — Проверьте его основной азимут.

— В общем он придерживается программы...

— Что значит «в общем»?

— Отклонение в десять градусов могло быть вызвано естественными препятствиями.

— Сколько времени он будет находиться в зоне нашей прямой видимости?

— Еще двадцать минут.

— Так вот, если за это время он не вернется на программный маршрут...

Происходило что-то из ряда вон выходящее. Управляющая аппаратура автономных кибов дублировалась. Могли выйти из строя рации, могли отказать прожекторы, но основная программа должна была выполняться в любом случае. И они все слишком хорошо понимали, что могла означать утрата контроля над такой машиной.

Главный инженер расстелил перед Рентом лавсановую кальку фотографии местности, снятую спутником. Карто-

графический автомат уже нанес на нее все необходимые обозначения и синим пунктиром вычертил намеченный для танков маршрут. Тонкая пунктирная линия пересекала ущелье и тянулась далеко в глубину песчаной зоны, к самому центру. Даже при сильном увеличении на снимке не было видно ничего, кроме песка. В центре пятна танки должны были сделать круг радиусом в сто метров, произвести сейсмическое зондирование поверхности и вернуться.

Красным карандашом инженер провел рядом с голубым пунктиром толстую линию.

— Сейчас они вот здесь. Постепенно выходят на маршрут. Рация ноль второго по-прежнему не отвечает. В зону войдут через десять минут. Мне кажется, программа выполняется нормально. На ноль первом все показатели в норме, мы провели еще одну контрольную проверку.

— Хорошо. Пусть пока все останется как есть. Запустите еще один спутник на случай, если в зоне откажет аппаратура на ноль первом. Запросите у техников все журналы контрольной проверки. Меня интересует, как могло случиться, что аппаратура на ноль втором отказала сразу же после запуска! Чем они там занимались во время контроля? И вызовите Танаева, пусть он мне на это ответит.

Дежурный у пульта повернул к координатору взволнованное лицо.

— Ноль второй резко свернул в сторону от маршрута. Там нет никаких препятствий. Они подошли к зоне, и он свернул. Смотрите! Идет вдоль зоны!

— Остановите ноль первый, снимайте его с маршрута, пусть идет за ноль вторым вплотную. Нет, подождите. Заставьте его остановиться. Переведите ноль первый ему навстречу, в лоб.

— Но у них же одинаковая мощность полей!

— Это я знаю без вас. Меня интересует, как он себя поведет при встрече. Что вы на это скажете? — Рент повернулся к главному кибернетiku и смотрел на него так, словно тот собственными руками разрушил управляющую аппаратуру танка.

— Если в его блоках такие же нарушения, как на геологических кибках, то предсказать заранее ничего нельзя.

— Ну вот и давайте посмотрим, раз уж главный кибернетик не знает, что из этого выйдет.

Ноль второй шел не точно по краю зоны. Временами он пересекал выдающиеся в сторону песчаные языки, и тогда его защитный купол начинал переливаться всеми цветами радуги.

Ноль первый, точно выполнив команду, развернулся и, срезая дугу, шел наперерез ноль второму.

— Какое до них расстояние? Как долго он останется в зоне действия наших локаторов?

— После точки встречи, если он не изменит направления, его закроет вон та гряда.

— И больше мы его не увидим?

— Только спутник и камеры ноль первого.

— Этого мало. Я не хочу выпускать его из-под контро-

ля. Пошлите глайдер с камерами к точке встречи. Пошлите ноль двадцатый.

— Вы хотите, чтобы нейтринная пушка...

— Вот именно. Я хочу, чтобы у нас был над ним полный контроль в любой точке маршрута. Вы меня поняли?

— Сейчас они встретятся. — Этот возглас дежурного оператора заставил всех, кроме главного инженера, набравшего программу для глайдера, вновь повернуться к экранам. Ноль первый, опередивший ноль второго метров на двадцать, теперь развернулся и встал у него на пути. Через секунду силовые поля должны были соприкоснуться. Если ноль второй не снизит скорости, то энергетическая вспышка от взаимодействия защитных полей может повредить обе машины. Стоявшие у экранов люди затаили дыхание... Ноль второй вдруг окутался целым облаком пыли.

— Он включил тормоза! Смотрите, разворачивается, значит, логические блоки в порядке. Что это?! Там, на корме?!

Все уже видели, как на корме развернувшегося танка приоткрылась амбразура. Ослепительно синий луч нейтринной пушки вонзился в силовое поле первого танка.

— Увеличьте мощность защитного поля! Включите форсаж генераторов!

Ни одно поле не могло противостоять удару нейтринного излучения. На том месте, где только что стоял танк, вспух голубоватый шар плазмы. Секунду казалось, что он застыл на месте, словно границы уничтоженного защитного поля все еще сдерживали его стремительное движение, потом, перепрыгнув через невидимый барьер, дымовой шар стал распухать, наливаясь багряными кляксами, какими-то ошметками оплавленной лавы и металла, облаком раскаленных паров и, словно вздохнув, в следующую долю секунды разметал все это по песчаной прогалине. Ноль второй уходил от места встречи на полной скорости в глубь зоны.

Грибовидное облако взрыва на экранах все еще увеличивалось в размерах, его крайняя часть догнала уходящий танк, и защитное поле ноль второго налилось зловещим малиновым светом.

— Этого я не понимаю! — Главный кибернетик скрутил маршрутный чертеж в трубку, потом расправил его и, видимо забыв о том, что у него в руках, скомкал и отбросил его в угол рубки. — Он может выйти из строя. Любое внешнее воздействие может разрушить в сложной системе электронного кристаллического конда какие-то цепи, но никакое воздействие не может заменить одни цепи другими, заменить одно задание другим, а ведь произошло именно это!

— Вы хотите сказать, ни одно стихийное воздействие этого не может, не так ли? — Координатор внимательно, в упор смотрел на главного кибернетика. — А если предположить, что воздействие не было стихийным, случайным, природным? Ведь именно этими словами мы привыкли обозначать непонятные нам явления. Ну а если это вовсе не случайно? Если его действия целенаправленны? Ну да, направлены кем-то извне?

Несколько секунд в рубке висело долгое молчание.

Первым заговорил главный кибернетик.

— Вы хотите сказать, что нашими автоматами управляет кто-то извне? Это невозможно!

— Нет! — резко ответил координатор. — Я хочу сказать, что наши автоматы кто-то извне изменяет таким образом, что они перестают быть нашими автоматами!

— Такое предположение могло бы объяснить многое, — задумчиво проговорил Лонг, — и даже то, каким образом дважды стало возможным целенаправленное изменение кристаллокондов наших кибов.

— Вот именно. В первом случае я еще мог поверить в стихийное воздействие, но сейчас... Что там с нейтринной пушкой?

— Глайдер уже вышел. Он будет на месте через пятнадцать минут. Но на нем нет защитного поля...

— Ему оно и не нужно. Я не собираюсь вводить его в зону. Достаточно вывести на линию прямой наводки.

Облако на экранах медленно рассеивалось. Постепенно становилась прозрачной вся его восточная часть, до этого скрывавшая вышедшую из-под контроля людей машину. Перед ними открылась широкая панорама песчаной пустыни, на которой не было ни малейшего выступа и не было заметно никакого движения.

— Не мог же он раствориться!

Координатор переключил экраны на объективы спутника. Теперь с большой высоты они видели всю зону словно большую приплюснутую тарелку. Если не считать воронки от взрыва, на ней не было ни единого пятнышка. Машина исчезла.

Долго, настойчиво пищал зуммер аварийного вызова. Медленно, словно просыпаясь, координатор потянулся к выключателю.

— Ну что там еще?

— Пилота Танаева нет на корабле. Его фон не отвечает на аварийный вызов.

V

Больше всего Глеба мучила темнота. В переходном тамбуре не было предусмотрено освещения. Глеб едва помещался в узком металлическом колодце, похожем на раскаленную духовку. Спина и колени упирались в противоположные стены. Перед глазами плыли цветные пятна. Сорок градусов, когда рядом нет воды, — это, пожалуй, многовато. От жажды пересохло во рту. Но хуже всего было то, что он почти полностью утратил всякое ощущение времени. Равномерный шум генераторов и дрожь переборок еще больше притупляли сознание. Тренировки в сурдокамере более длительны, но там нет изнуряющей жары, нет жажды, соленые струи пота не расплзаются под рубашкой липкими лентами, и никто не скребется за металлическими стенами... Крысы здесь завелись, что ли? Вот опять за его спиной вдоль стены кто-то протучал маленькими коготками. Он понимал,

что после биологического контроля и серии дезинфекции, которым подвергаются машины перед отправкой в космос, на них не может сохраниться ни одной бактерии, и все же кто-то определенно бегал у него за спиной... Звук расплывчатый, глухой... Скорей всего это кибер что-то делал в своем грузовом отсеке, за толстыми стальными плитами... Временами Глеб совершенно терял ощущение реальности. Ему казалось, он давно плывет в темной густой реке, а рядом с ним маленькое металлическое создание, похожее на крысу и на робота одновременно. У него были ядовитые зубы, и Глеб понимал — главную опасность представляют именно эти зубы. Ему бы увернуться, убежать, но сил уже не было, и проклятая крыса в конце концов вцепилась в затылок. Глеб закричал, рванулся и, окончательно придя в себя, понял, что танк только что резко изменил направление. Двигатели под полом взвыли, и почти сразу где-то снаружи тяжело ухнуло и засвистело. Удар подбросил машину. Пол под ногами мелко затрясся. Снаружи происходило нечто чрезвычайное, нечто такое, что требовало его немедленного участия...

Самым трудным было первое движение — встать, распрямить спину... Голова закружилась, и несколько секунд он вынужден был стоять неподвижно, собираясь с силами.

Свет неожиданно ударил по глазам, как только он приоткрыл крышку люка. Ну конечно, наверху, в машинном отделении, должен был быть свет. Он успел забыть об этом... Казалось совершенно невозможным дышать расплавленным жидким свинцом, на который походил воздух, хлынувший из машинного отделения.

«Подняться туда? В этот раскаленный радиоактивный ад?» Нет, он не сможет. Надо поскорей захлопнуть крышку люка... Но вместо этого он почему-то полез вверх, с трудом переставляя ноги по металлическим скобам, заменявшим ступени. Подъем занял минут пять. Наконец он почувствовал под ногами пол машинного отсека. Пот заливал глаза. Несколько секунд он ничего не мог рассмотреть. Вся машина мелко вибрировала, и он ощущал ее дрожь каждой клеточкой своего тела. Вскоре глаза немного привыкли к ослепительному блеску ламп. Генераторы выли на высокой ноте. Их кожухи расплывались в радужные пятна. На таком расстоянии он еще ничего не видел. Зато совсем рядом, справа, рука нащупала знакомую нишу дверного замка. Откуда здесь дверь? Здесь не должно быть никакой двери, все переборки герметично перекрываются специальными шлюзами... И вдруг он вспомнил... Шкафчик, аварийный шкафчик...

Еще не веря себе, он рванул ручку, замок послушно поддался. Прямо перед ним шелестела и переливалась серебряными отблесками текстонитовая ткань скафандра...

— Идиот, последний идиот! — обозвал он себя. — Ну конечно же, в машинном должен был быть резервный скафандр! Вместо того чтобы медленно поджариваться в этой душгубке, нужно было действовать, потому что скафандр прежде всего означал полную защиту от радиации,

нормальную температуру, а в случае необходимости и возможность выхода наружу.

Натянуть его, закрепить магнитные швы и включить внутреннюю систему терморегуляции — все эти привычные, сотни раз отработанные движения не заняли больше минуты. Струя свежего, прохладного воздуха ударила в лицо из респиратора. Глеб блаженно зажмурился. Теперь можно было жить...

И в эту секунду погас свет. Одновременно стали оба генератора и наступила жуткая, неправдоподобная тишина. Почти сразу же он понял, что тишина была обманчива. Как только слух оправился от дикого рева двигателей и пронзительного воя гравитационных моторов, он услышал снаружи странный шелест и дробный нарастающий стук. В то же мгновение машину мелко-мелко затрясло, точно кто-то бросил ее на огромное сито. Дрожь нарастала. От нее заломило виски, занули зубы. Вибрация перешла в звуковой диапазон, зазвенели, завывали переборки. Что-то упало и разбилось рядом с ним. Машина, весившая десятки тонн, одетая в непроницаемую броню, упрятанная в кокон защитных полей, тряслась как в лихорадке... Вдруг он сообразил, что никаких полей больше нет, раз стали генераторы, и если машина сейчас находится в зоне... Он старался не думать о том, что случится через несколько секунд после того, как под действием энтропийного поля распадется наружная силиконовая броня...

Сейчас, когда в ангаре не было двух самых больших машин, его пространство казалось неоправданно огромным. Группа людей совершенно затерялась под сверкавшим ослепительным светом куполом. Полное освещение потребовалось кибернетикам. Чтобы не отключать многочисленные цепи, в которых могло быть искомое повреждение, решено было вести работу на месте. Узкий длинный стол заполняли детали и отдельные узлы разобранного контрольного автомата. Главный кибернетик Кирилин семенял вдоль стола, подключая к бесчисленным контактным разъемам контрольные приборы. Тут же, на ходу, он считывал их показания в диктофон карманного калькулятора. На его крошечном табло то и дело вспыхивали новые цифры суммарных результатов. В третий раз в течение этого часа на экране связного фона появилось усталое лицо координатора. Едва сдерживая закипавшее раздражение, Кирилин даже не поднял головы от приборов. Координатор терпеливо ждал.

— Я еще работаю, Рент. Ничего нового я не могу сказать. Я сразу же сообщу тебе результаты. Сразу, как только закончу.

Экран мигнул и погас. Координатор так и не произнес ни слова. Кирилин почувствовал угрызения совести. В конце концов, Рента можно было понять. Глеб был его другом, почти другом, потому что настоящих друзей у того, кто занимает эту проклятую должность, быть не может... Как это непросто — держать в железных тисках дисциплины такой

огромный корабль, отвечать за каждого. Наверное, Рент надеялся что-то доказать Глебу, оправдаться за ту историю, когда Глеб спас шестерых и потерял должность пилота, но теперь уже поздно, теперь никому он ничего не докажет, а оправдываться придется перед базой, и не только ему, всем придется объяснять, каким образом с корабля, закрытого по тревожному расписанию, бесследно исчез человек...

Рент сидел в центральной лаборатории за крошечным столиком, втиснутым между двумя объемными экранами. В хозяйстве Лонга координатор почему-то всегда чувствовал себя неуверенно. То и дело входившие сотрудники научного отдела бросали на него любопытные взгляды и тут же забывали о присутствии командира корабля. Он был чужим в их родной стихии непонятных формул, вспыхивавших змеек бесчисленных графиков, мыслей, выраженных на недоступном простому смертному языке... Центральный экран занимала увеличенная карта, снятая со спутника в момент исчезновения танка.

И это все, что еще можно было понять. Впрочем, самой карты почти не осталось. Теперь ее покрывала целая сеть каких-то формул, расчетов и цифр, обозначавших гигаватты мощности в районе эпицентра взрыва, миллибары вибраций, упругость пород, мощности фона, баллы подземных толчков, атмосферы сжатий и растяжений отдельных пластов и десятки, сотни других специальных данных, расщеплявших общую картину происшедшего, делавших ее еще более загадочной и совершенно необъяснимой...

Рент встал, подошел к карте и увеличил на весь экран крошечную точку поверхности, ту самую, где на предыдущем снимке секунду назад еще была видна машина, а на этом ее уже не было. Только небольшая рябь, словно это не песок, а озеро, поверхность которого всколыхнули упругие, расходящиеся во все стороны волны.

— Может, поле отключилось в момент удара взрывной волны?

Лонг покачал головой.

— Я уже подсчитал. Достаточно было простой брони, с такого расстояния она бы выдержала удар. Тут что-то другое.

— Так что же? У тебя достаточно квалифицированные специалисты, и я вправе потребовать однозначного ответа хотя бы на этот вопрос!

— Они делают все возможное, Рент.

— Пусть сделают невозможное. Я должен знать, куда девался этот танк!

Лонг задумчиво посмотрел на координатора.

— Думаешь, Глеб был там?

— Я не верю в бесследное исчезновение ни машин, ни людей!

— Но почему именно на ноль втором?

— Потому что с ноль первого он мог бы связаться с на-

ми по радию, — сказал Рент и со злостью ударил кулаком по переборке. Расположенный неподалеку экран какого-то индикатора покрылся рябью помех. Лонг неодобрительно посмотрел на координатора, но промолчал.

— Не мешало бы тебе потрясти техников, а заодно и кибернетиков. Хорошо бы наконец узнать, каким образом Глеб мог остаться в закрытом ангаре после включения программы. Кстати, это могло бы помочь и в наших исследованиях.

— Там тоже делают все возможное, можешь не сомневаться. Но время... У меня такое ощущение, что уходят последние минуты, когда еще не поздно что-то предпринять, а мы, как слепые котята, каждый шаг в темноте...

— Кое-что мы уже знаем, но я тебя понимаю... Мои ребята сделают все; поторопи еще раз кибернетиков.

Рент захлопнул дверь своей каюты и несколько секунд стоял неподвижно, пытаясь сформулировать и уточнить только что возникшее подсознательное решение. «Если Кирилин обнаружит, что контрольный автомат выдал сигнал в центральный блок по собственной инициативе... Если внутри корабля будет обнаружен хоть один автомат, способный к самостоятельным, отличным от программы действиям, мне придется отключить их все. Все сразу. Даже решениям Центавра нельзя будет безоговорочно доверять. Придется кое-что вспомнить и кое-что научиться делать руками... И все равно мы сразу же станем беспомощны...»

Рент устало сел в кресло. Вяло набрал код на обслуживающем автомате. Из щели появился поднос с дымящимся ужином. Есть не хотелось. Почти насильно он заставил себя проглотить несколько кусков.

Интересно, как это будет выглядеть, если на корабле придется выключить все автоматические системы? Обслуживающего персонала здесь нет, а камбуз шестью палубами ниже. Хорош он будет, если сам побежит за этим подносом... Автоматика сопровождает каждый их шаг. Без нее не взлететь, не справиться с этой махиной мертвого металла, в которую сразу же превратится корабль, лишенный своих механических слуг.

— Если бы мне пришлось иметь дело с сильным противником, я бы выбрал самое уязвимое, самое слабое его место. Такое, где одним ударом можно лишить его основного превосходства — техники. Тогда, похоже, мы имеем дело с коварным и умным врагом. Именно с врагом... А к такой встрече мы не готовы даже психологически. Все встречи в космосе, все поиски родственного разума, все эти комиссии по контактам питались одной и той же иллюзией — чужой разум непременно должен быть дружелюбен к нам. Но, собственно, почему? Лонг не хочет верить в чужой разум... Ему нужны факты, естественные факты, укладывающиеся в готовую научную схему... Биосфера, например, постепенное развитие жизни от простого к сложному и только потом разум... Ничего этого нет на планете. Лишь мертвый камень... Но роботы здесь перестают выполнять заложенные в них программы, становятся чем-то неизвестным, может быть, даже враждебным нам, и разве это не факт? Разве нужны еще

какие-то доказательства? Конечно, они есть, эти факты, просто мы пока их не знаем... Должно быть что-то или кто-то, кто влияет на системы наших автоматов. Можно, наверное, установить, каким образом возможно такое влияние... Когда-нибудь мы это установим, но ведь это не самое главное. Совсем не это. Важно другое. Мы столкнулись здесь с необычным явлением, с чем-то таким, с чем человечество никогда еще не имело дела. С какой чужой разумом... И может быть, поле песка, где бесследно исчезла наша самая мощная машина, — это всего лишь зона... Запретная зона, куда человеку не разрешено вторгаться... — рассуждал он вслух.

Вспыхнул экран фона, и вплотную с креслом в воздухе появилось взволнованное лицо Лонга. Рент услышал тяжелое дыхание совершенно растерявшегося человека.

— Мы установили это, Рент. Мы узнали, куда девался танк.

Рент весь напрягся, словно приготовился к прыжку.

— Снизу, из-под стометрового слоя песка, на него был направлен мощный ультразвуковой луч. Он превратил машину в вибратор, и она почти мгновенно погрузилась в песок. Погрузилась до самого дна к источнику ультразвуковых колебаний...

Пройдя сквозь метровые броневые плиты текстонита, ультразвуковые колебания внутри машины смещались в звуковой диапазон. Глебу казалось, что машина превратилась в огромный разноголосый орган. Она пела, визжала, рыдала. Боковые переборки рычажи на низких басовых нотах. Внутри чехлов генераторов что-то брэнчало и лязгало. От звуковой какофонии в голове Глеба все смешалось. Исчезло ощущение верха и низа. Ему казалось, что банда взбесившихся обезьян колотит по машине десятками острых звенящих предметов. И вдруг словно гигантская рука приподняла машину. Что-то лязгнуло в последний раз отчетливо и звонко, словно камень ударил в нижние броневые плиты, и все стихло. Тишина была слишком контрастна, в ушах у Глеба еще бушевал вихрь разноголосых и уже не существующих звуков. Наверное, в какой-то момент он полностью потерял контроль над своим сознанием, потому что вдруг ощутил себя лежащим на полу моторного отсека. Он хорошо помнил, что до этого стоял, вцепившись в дверцы шкафчика, из которого успел достать и надеть скафандр. И вот теперь неподвижно лежал на полу. Тишина стояла ватная, беззвучная, совершенно мертвая. Такой не бывает даже в рубке корабля, разве что в открытом космосе...

Генераторы молчали, и это означало, что никакого защитного поля снаружи нет, а раз так, раз он до сих пор жив, значит, энтропийное поле либо не проникает в зону, где находится машина, либо почему-то исчезло вовсе. В любом случае ему надо выйти наружу, чтобы перестать наконец играть роль запаянной в консервную банку беспомощной сардины. Скафандр защитит его от любых излучений, снабдит кислородом, в нем не страшен и открытый космос. Только

против энтропийного поля он бессилен, но от него не спасет и танковая броня. А раз так, надо выходить.

Люк поддался легко, словно хотел вознаградить его за те усилия, когда он лежал под машиной и боролся за каждую лишнюю секунду. Едва крышка вывалилась наружу, как в образовавшееся отверстие хлынул свет. Странный рассеянный свет, непохожий на естественное освещение поверхности планеты.

Корабельный совет собрался через два часа после того, как научный отдел установил причину исчезновения танка. В центральной кают-компании было слишком просторно и оттого неуютно. Помещение, рассчитанное на всю команду, оказалось чрезмерно большим. Люди чувствовали себя потерянно и чересчур официально среди рядов пустых кресел. Но, может быть, координатор рассчитывал именно на это? В конце концов, не каждый день приходится собирать Чрезвычайный совет. На нем присутствовали руководители отделов и основных служб корабля. Не было лишь главного кибернетика. Координатор недовольно покосился на часы.

— Давайте начинать. Кирилин подойдет позже. Нам надо рассмотреть один-единственный вопрос. — Координатор кивнул Крамскому.

Начальник геофизической лаборатории встал и развернул на магнитной доске большую цветную схему. Чертеж напоминал глубокую тарелку, в центре которой лежала половинка яблока.

— Так это будет выглядеть, если мы удалим песок, — обернувшись на схему, коротко бросил координатор.

— Позволь, а что там, собственно, такое? — Вопрос принадлежал начальнику метеослужбы. Очевидно, он один не был в курсе событий. Собравшиеся все как один повернулись к нему. — Да нет, я не о том... Я понимаю, что это чертеж купола, за которым исчез наш танк, но что он собой представляет? Это что — искусственное сооружение или ядро какого-то естественного образования?

Словно не слыша вопроса, координатор продолжил:

— Данные сняты с помощью ультразвукового эхолота и тектонического карротажа. Диаметр купола два километра, глубина залегания около двухсот метров в ближайшей к поверхности точке. Скальные породы лишают нас возможности высветить его нижнюю часть. Но и того, что есть, вполне достаточно. Математически правильные купола не растут под землей сами по себе. Его кто-то построил, и теперь почти не остается сомнений в том, что энтропийное поле — результат деятельности неизвестных нам механизмов, заключенных внутри купола.

— Я бы так не спешил с категорическими выводами, — поморщился Лонг.

— Мы здесь собрались не для научных дискуссий. Нам нужна рабочая гипотеза, наиболее близкая к истине, и только. Будем считать, что это искусственное сооружение, снаб-

женное определенными механизмами достаточно высокого класса.

— Но для чего могло понадобиться подобное сооружение на пустынной необитаемой планете, лишенной даже атмосферы?! Кому и для чего?! — взорвался Лонг.

— Этого я не знаю, — сказал координатор — И сейчас меня интересует совсем другое. У нас пропала машина. На ней находился член экипажа. Мне бы хотелось ее вернуть. Давайте обсудим, какими средствами мы для этого располагаем.

— Что значит «вернуть»? Поясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду под словом «вернуть»? — вмешался Лонг. На этот раз он встал с места и стоял теперь напротив стола координатора.

— Только то, что сказал.

— По меньшей мере это означает конфликт с непредсказуемыми последствиями. Ну, допустим, мы найдем способ добраться до этого купола, хотя я и не представляю, как ты пробьешься сквозь энтропийное поле. Что дальше? Что ты собираешься делать дальше? Взламывать этот купол, стучаться в него?

— Сначала мы используем все доступные нам средства, чтобы вступить в контакт. Если это не удастся...

— А это наверняка не удастся! — перебил координатора Лонг. И тот, переждав его реплику, продолжил, не повышая голоса:

— Я повторяю, в том случае, если это не удастся, мы вскроем купол.

— Так... Это похоже на начало военных действий... Да от нас мокрого места не останется, если этот купол и в самом деле какая-то станция, построенная сверхцивилизацией! Мы до сих пор считали энтропийное поле мировой константой, и если они научились им управлять... Если оно здесь всего лишь защитная зона, то наверняка есть и другие, более мощные механизмы. Они ответят на наше нападение и будут правы.

— Не мы начинаем этот конфликт. Я всего лишь хочу вернуть принадлежащую нам машину. И спасти жизнь члену нашего экипажа, если это еще возможно!

VI

Глеба поразило непривычно мягкое освещение, ворвавшееся в приоткрытую крышку люка. Но еще больше его насторожило то, что воздух не выходил наружу из переходного тамбура. Это могло означать лишь одно: снаружи и внутри давление примерно равно... Прежде всего он подумал, что машина выполнила задание и вернулась в ангар, пока он был без сознания. Но эта мысль ничуть его не успокоила, потому что он ощутил, как в уши постепенно проникает тишина, царившая вокруг. Такая полная, какая никогда не бывает в помещениях, созданных людьми, с их шумными

земными механизмами... Волнение сдавило горло. Ноги плохо слушались и никак не могли сделать последнего шага вниз, к полураспахнутому люку...

Вдруг он подумал, что его могут ждать снаружи... Почему-то он старался не думать о том, кто именно его там ждет... И все же эта мысль помогла ему справиться с собой. Он надавил на рычаг и до конца опустил крышку люка. Теперь она висела отвесно, открыв перед ним узкое круглое отверстие. Всего в метре от него находилась поверхность, на которой стоял танк. Сначала он подумал, что это ледяное поле. Но, взглянув в мерцающую глубину неведомого материала, решил, что лед вряд ли может быть таким гладким, без единой морщины и трещины, без единого инородного включения...

Он ступил на него осторожно, инстинктивно боясь поскользнуться, словно это имело решающее значение... Но материал оказался шероховатым и прочно держал на себе подошвы скафандра.

Выскользнув из-под танка, Глеб встал во весь рост и только после этого позволил себе взглянуть на то, что его окружало. В первую минуту, пока глаза не привыкли к свету, он рассмотрел лишь цепочки бегущих во все стороны разноцветных огней. Их было много. Гораздо больше, чем звезд на небе. От них шел мягкий, рассеянный свет, заполнивший собой все пространство, словно туманом.

Через секунду он рассмотрел, что огни передвигались не беспорядочно. Они все время следовали по бесчисленным, но вполне определенным путям, словно бежали по заранее проложенным дорожкам, как железнодорожные игрушечные составы. Когда глаза немного привыкли к радужному мерцанию, он увидел и самые дороги, по которым проходили огни, и понял, что они-то и есть самое главное в том, что его окружало, во всяком случае — самое вещественное.

Больше всего это походило на стеклянный лес. Блеклые прозрачные жгуты разной толщины перекрещивались, разветвлялись, сходились в толстые узлы и разбегались бесчисленными каскадами, словно струи замерзших водопадов. Здесь были длинные кривые ветви, похожие на свернувшихся удавов, извилистые колонны и тоненькие прозрачные нити. Лианы, жгуты, веревки — невообразимая путаница застывших стеклянных зарослей... Они простирались перед ним далеко. Метров на сто. Несмотря на бесчисленные переплетения, свободного пространства между отдельными ветвями и стволами оказывалось достаточно, чтобы видеть далеко вглубь. Глеб назвал их про себя ветвями и деревьями, но даже формой они походили на них весьма приближенно, хотя бы потому, что большинство этих стеклянных образований книзу становилось тоньше. А когда Глеб запрокинул голову, то в высоте не смог рассмотреть ничего, кроме все тех же терявшихся в рассеянном туманном свете прозрачных колонн.

Больше всего поражала тишина, стоявшая в этом стеклянном мире. И непрерывное движение огней. Отдельные ветви и стволы жили напряженной световой жизнью, через них

то и дело пробегали целые каскады светящихся шаров, а в узловых переплетениях, где то и дело встречались световые импульсы, идущие с разных направлений, нарастало свечение, словно накапливалась некая светящаяся жидкость, которая вдруг, после прибытия очередного светового всплеска, полностью меркла, и тогда эта ветвь надолго гасла, в ней как бы замирала всякая световая жизнь.

В некоторых узловых переплетениях ровным светом горели неподвижные огненные шары, словно ждали здесь чего-то...

Наконец Глеб опустил глаза вниз и рассмотрел гладкую прозрачную плиту, показавшуюся ему вначале ледяным полом. В нее, как в землю, уходили бесчисленные корни и ровные стволы отдельных деревьев. Насколько он мог всмотреться в ее бездонную прозрачность, плита была огромной толщины, если только это обманчивое впечатление не создавалось внутренним зеркальным отражением.

Глеб обернулся и увидел у себя за спиной такую же стену, только гладкую. Сквозь нее не проходил ни один корень, ни одна ветвь.

Эта гладкая стена под прямым углом смыкалась с полом и уходила вправо и влево насколько позволяли рассмотреть ветви деревьев. Казалось, линия стыка слегка изгибалась огромной дугой, охватившей целые километры пространства, заполненного окружающим его фантастическим миром... Единственным реальным предметом, напоминавшим о том, что все окружающее не бред и не галлюцинация, оставалась земная, сработанная руками людей машина. Ее шершавые, испещренные вмятинами и отеками плиты казались грубыми в этом стерильном, почти эфемерном мире, но именно ее привычные обыденные контуры помогли Глебу взять себя в руки и справиться с невольным страхом, который рождает в человеке все непостижимо чужое.

— Так вот как это выглядит... — тихо проговорил Глеб, хотя не знал, что именно представляет собой все огромное «это». Звук его голоса прозвучал в окружающем безмолвии кощунственно резко. Потом унесся куда-то далеко в глубь и в даль этого колоссального сооружения и через несколько минут вернулся к нему раздробленным эхом.

Прямо перед ним всего в нескольких шагах в пол уходила толстая стеклянная лиана почти полуметровой толщины. В отличие от остальных через эту ветвь не проходили бегущие огни. Зато она вся целиком через равные промежутки времени то вспыхивала, то гасла. Глебу захотелось потрогать ее безупречно гладкую прозрачную поверхность. Может быть, для того, чтобы лишний раз убедиться в реальности окружающего. Не задумываясь над тем, что это может быть опасно, он отстегнул перчатку скафандра и приложил руку к лиане. Ничего не случилось. Поверхность была несокрушимо прочной, твердой и холодной на ощупь. Маслянисто гладкой, как змеиная кожа. Глеб сделал несколько шагов в глубь стеклянного леса и обернулся: свободное пространство сразу же уменьшилось, исчезла перспектива. Вокруг него вплотную тянулись толстые стеклянные трубы,

метались, бежали огни. От непрерывного мелькания начинала кружиться голова. Машину теперь закрывали переплетения стеклянных стволлов; временами радужные сполохи световых вспышек закрывали стену, у которой стояла машина, сплошной световой завесой.

Глеб чувствовал легкое разочарование, может быть, потому что, выходя из танка, ждал чего-то совсем другого.

«Скорее всего это искусственное сооружение, хотя сам лес вполне может быть частью какого-то огромного неведомого организма... — Это была его первая четко оформленная мысль, и он понял, что потрясение от встречи с неведомым постепенно проходит. — К тому же здесь есть атмосфера, а это должно означать, что я нахожусь в закрытом помещении, которое не сообщается с безвоздушным пространством планеты. Как же попала сюда машина? Значит, есть какой-то шлюз, дверь или пасть, наконец...»

Но последняя мысль не вызвала у него доверия. Росло внутреннее убеждение, что это всего лишь огромный механизм, непохожий на земные. Колоссальное, искусственно созданное сооружение. Нужно бы проверить, но как? Он прикинул свои возможности. На поясе скафандра болталась сумка с универсальным инструментом. В рубке танка должен быть комплект стандартных анализаторов и полевая лаборатория... Кроме того, там есть рация, если только радиоволны смогут пробиться сквозь это замкнутое пространство.

Плохо, если не смогут, потому что Рент наверняка не будет сидеть сложа руки.

Надо дать знать, что с ним все в порядке, иначе, стараясь вызволить его отсюда, они могут предпринять слишком поспешные, непродуманные действия, не подозревая, что на планете уже есть хозяин или хозяйева... И тут он понял, что Рент догадывался об этом с самого начала, еще тогда, после выстрела, когда снял его с вахты... Но вышло так, что все обернулось для Глеба новой вахтой, гораздо более ответственной, чем та, первая. С этой вахты никто не сможет его снять, никто не поможет в выборе правильного решения, от которого может зависеть и судьба корабля и его собственная. До него только сейчас постепенно стал доходить весь смысл происшедшего. Так, значит, все же запретная зона... Система охранных полей, прикрывавших вход в искусственное сооружение... Если он прав, если это всего лишь колоссальная машина с непонятной пока задачей, у нее должен быть какой-то управляющий центр, если только она вся целиком не является таким центром... Не оставалось сомнений в том, что эта система способна принимать какие-то логические решения, иначе танк никогда не очутился бы здесь, а раз так, здесь наверняка есть датчики для получения информации...

Глеб поежился. Хорошо все это выглядит со стороны. Поймут ли они, какую нелепую, жалкую роль приходится ему играть, попав в полную зависимость от собственного робота? Так не может дальше продолжаться. Его первой обязанностью оставалась связь с кораблем, а значит, нужно бы-

ло попытаться проникнуть в рубку танка, чего бы это ни стоило. Он послешно обшарил сумку с комплектом инструментов. Ничего подходящего, ничего такого, что могло бы заменить ему оружие, только искровой сварочный разрядник. Его импульсы могут быть эффективны с расстояния не более одного метра, да и то если удастся попасть в поясной контрольный щиток киба. Только в этом случае он может пережечь предохранители и временно вывести из строя мощнейшую боевую машину...

Глеб горько усмехнулся. Реакции киба в сотни раз быстрее человеческих, а чувствительные микрофоны и оптические датчики не оставляют ему на успех и одного шанса из тысячи. И все же придется попытаться. Ничего другого ему не оставалось.

Неподвижно застывшие в своих стеклянных гнездах огненные шары чем-то напоминали ему глаза, следившие за каждым движением человека...

Кроме всего прочего, Глеб подозревал, что охранный киб может быть немаловажным звеном в цепи странного стечения обстоятельств, приведших его сюда. Тем более нужно было овладеть наконец положением, перестать играть роль пешки в чужой игре... А если не удастся, что ж... По крайней мере, он будет знать, что сделал все возможное, все, что от него зависело.

Глеб медленно двинулся обратно к танку.

Инстинктивно он старался прятаться за толстыми стеклянными стволами, хотя и понимал: их прикрытие ненадежно. Если робот решит выстрелить, луч лазера легко пройдет сквозь материальную преграду такой толщины. Да и красться ни к чему: датчики киба уже давно должны были уловить шорох его шагов... Не выстрелил же он тогда, в ангаре... «В ангаре, правда, было другое дело. Кибу еще нужно было проникнуть сюда, и я ему был для чего-то нужен, может быть, как раз для того, чтобы очутиться здесь, пройти сквозь зону защитных механизмов. Теперь все может измениться, теперь я могу стать помехой для его дальнейших планов, если таковые у него есть... Во всяком случае, если он сейчас откроет стрельбу, у меня не останется и того единственного шанса...» — лихорадочно размышлял Глеб.

Дверь грузового отсека оказалась чуть приоткрытой. Едва заметив щель, Глеб замер на месте. Поздно... Дверь дрогнула, медленно ушла в темную глубину отсека, и оттуда выдвинулась лобастая металлическая голова с решетчатыми ушами пеленгаторов. Вот они повернулись оба разом в сторону Глеба и остановились. Глеб чувствовал себя так, словно в грудь ему уперлось дуло излучателя и чей-то палец уже давил на курок... Да так оно, в сущности, и было. Расстояние до отсека метров шесть. Разрядник способен действовать максимально с метра, прежде чем он успеет сделать десяток шагов, нужных ему для выстрела, его уже не будет в живых несколько раз... Оставалось надеяться, что какая-то часть цепей, запрещавшая исправному роботу наносить вред человеку, сохранилась. Выполнял же он в анга-

ре его прямые команды, пусть неохотно, но все же выполнял... Что, если попробовать сейчас?

— Я второй! Контроль системы! Сообщи напряжение в функциональном блоке! — Слова Глеба упали в гнетущую тишину. Робот молчал.

Глеб попробовал зайти с другого конца.

— Я второй! Выйди из отсека!

Медленно, словно нехотя, робот шевельнулся. Показалась плоская, как тарелка, подошва и намертво присосалась к гладкой плите пола. Все так же не торопясь робот выпрямился. Глеб не был уверен, что это результат его приказа, и подал новую команду:

— Повернись на девяносто градусов!

Робот не двигался. Глеб слишком хорошо знал, что в его груди закрытый металлическими шторками, словно жало змеи, притаился ствол лазера. Скорее всего кибер применит именно лазер. Человек слишком ничтожная цель для нейтринного излучателя. Глеб повторил команду и сам удивился собственному хриплому голосу:

— Я второй! Повернись на девяносто градусов!

Робот стоял в задумчивости. Глеб видел, как медленно раскрылись створки лазерной амбразуры и тут же снова закрылись. Потом открылись еще раз и опять закрылись, словно в электронных мозгах машины шла какая-то неведомая борьба. Слово робот, как человек, не мог прийти к правильному решению. Слово он был способен колебаться и испытывать сомнения... Больше Глеб не произнес ни слова. Малейшее смещение сигналов в управляющих цепях киба могло подтолкнуть его к последнему рубежу, уничтожить остатки запретов, и тогда он пустит в ход лазер...

Тягучая неподвижность становилась невыносимой. Глеб чувствовал, что ноги точно налились свинцом, от напряжения ломило в висках. Так долго не может продолжаться, он не выдержит... Хорошенькое дело... Дрожать перед собственным роботом... Медленно, словно толкая перед собой невидимый груз, Глеб сделал шаг навстречу роботу, и ничего не случилось. Тогда так же медленно, приготовившись к самому худшему, он сделал еще шаг. Амбразура вновь открылась. Глеб видел, как мелко-мелко дрожат от неведомой вибрации ее шторки. В темной глубине блестела торцовая грань рубинового кристалла... И тут Глеб сорвался. Он вскинул разрядник и бросился вперед, одним рывком стараясь преодолеть оставшиеся метры. Робот вздрогнул, попятился, и почти в ту же секунду лазер выплюнул навстречу Глебу упругий сгусток света. И прежде чем летящий со скоростью света луч ударил ему в грудь, он успел подумать о множестве разных вещей, о том, например, что робот не может промахнуться. Он никогда не промахивается. Ствол лазера направляет электронно-счетная машина, а оптические дальномеры и координаторы безупречны. О том, что выстрел направлен точно ему в грудь и теперь, должно быть, уже прошел навывлет. Что это лишь обрывки, остатки мыслей, которые сейчас угаснут навсегда.

Глеб внутренне сжался, ожидая удара и боли, но боли все

не было... Вдруг он понял, что случилось невозможное, почти невероятное. На своем пути луч лазера встретил стеклянную ветвь дерева. Робот мог не принять ее в расчет. Любая материя на пути огромного заряда энергии, которую нес в себе лазерный луч, должна была мгновенно превратиться в пар, и такая ничтожная преграда не могла задержать ее неотвратимого полета... Она и не стала его задерживать, лишь чуть сместила, преломила лазерный луч, пропустив его через себя, изменила угол полета, и смертоносный заряд энергии ушел вверх, бесследно затерялся в мешанине стеклянных зарослей...

Почти инстинктивно, сразу после выстрела, Глеб упал и замер. Невозможно было предсказать, как робот поступит дальше.

Он мог повторить выстрел, чуть изменив прицел, или хотя бы проверить результат первого... Но ничего этого робот не сделал. Скорее всего сработали наконец остатки потенциалов, тех самых аварийных потенциалов, заложенных в его электронном мозгу, которые в случае нарушения основных запретов, как крайняя мера безопасности, должны были, по мысли конструктора, уничтожить машину, разрушив ее электронный мозг. Однако этого тоже не случилось. Казалось, робот испытывал что-то похожее на ужас от своего поступка. И хотя Глеб отлично знал, что машина лишена каких бы то ни было эмоций, ничем другим, как паническим ужасом, он не мог объяснить его беспорядочное поспешное бегство.

Нелепая прыгающая фигура киба несколько раз мелькнула среди стеклянных стволов, прежде чем исчезнуть вовсе. Трудно было сказать, чьей победой кончился этот поединок и кончился ли он... По крайней мере, теперь в распоряжении Глеба оказалась машина, и он не замедлил этим воспользоваться. Рация! Прежде всего ему нужна была рация.

Радиоволны не проходили во всех диапазонах. Локаторы в миллиметровом диапазоне смогли пробиться сквозь стеклянные заросли только до противоположной стены, и он понял, что его отделяет от нее не меньше двух километров. Возможно, здесь только первый этаж... Никто не поручится, что под полом у этой штуки нет продолжения, недаром туда уходят корни...

Связь... Как поставить в известность корабль? Эта мысль лихорадочно билась в его мозгу. Нужно попробовать отыскать шлюз, механизм, переместивший танк в закрытый купол... На экране локаторов Глеб мог видеть огромный двухкилометровый шатер, раскинувшийся у него над головой. Шлюз должен быть где-то здесь. Рядом. Моторы встали сразу после взрыва... Потом началась вибрация.. Он старался вспомнить остатки того немногого, что сохранилось в памяти перед полной потерей сознания. Скорее всего моторы встали до начала вибрации, и, значит, сюда танк попал уже неподвижным... Тогда шлюз должен быть где-то совсем рядом, если, конечно, робот не включал двигателя уже здесь... В любом случае надо искать шлюз. Но сначала неплохо сделать серию стандартных анализов. Никто не знает, что про-

изойдет здесь через минуту... Запись этих анализов останется в бортовом журнале.

И вдруг Глеб понял, что попросту ищет оправдания. Оправдания тому, что уже понял, если бы сейчас, сию минуту перед ним открылся такой желанный и необходимый ему шлюз, он не направил бы в него машину... И не связь его сейчас больше всего волновала, хотя, конечно, неплохо было бы связаться с кораблем... Все его существо переполнило никогда не испытанное с такой силой чувство, что вот уже многие тысячи лет двигало человечество вперед к новым открытиям, к новым неведомым находкам. Оно называлось на человеческом языке довольно просто и буднично — любопытством, и, не пытаясь в нем разбираться, Глеб прекрасно понимал, что никуда он отсюда не уйдет, пока не выяснит, что это такое, или хотя бы не сделает все от него зависящее, чтобы это выяснить... А шлюз пока подождет.

Глеб нажал клавишу анализатора. «Будет что сообщить в радиограмме, если мне удастся пробиться наверх...»

Анализатор закончил стандартную серию и выбросил на водительский столик длинную ленту, испещренную цифрами. Глеб не решился отбирать образцы стеклянной массы, и потому анализы не отличались особой полнотой.

И все равно данные, полученные от спектроскопов и микроанализаторов, он читал залпом, как читают стихи. Окись кремния с перестроенной кристаллической решеткой. Решетка напоминает графит, но здесь другие энергетические связи. Странные должны быть свойства у этой штуки: в лазерном луче она, во всяком случае, не горит. В этом он убедился.

Его взгляд упал на длинный ряд нулей, столбиком заполнявший графу атмосферы. Не веря собственным глазам, он просмотрел его еще раз.

Один гелий! Чистый гелий. Такой чистый, что искусственное его происхождение не вызывало сомнений. Значит, искусственное сооружение... Его первоначальная догадка получила новое подтверждение. Глеб задумался.

Сначала из строя вышли два робота в группе геологов. Кто-то или что-то изменило запись их программы в кристаллокондах. Затем обнаружилось энтропийное поле, окружавшее определенную зону планеты.

Неожиданная, ничем не спровоцированная атака на группу геологов. Она больше всего походила на стихийное бедствие, на какой-то случайный прорыв энтропии, не имевший к людям ни малейшего отношения. Возможно, именно поэтому его выстрел остался без последствий, хотя и остановил продвижение поля, насытив его энергией. Сейчас ему важно было отбросить все случайное и оставить логическую цепочку фактов, способную прояснить смутное подозрение, мелькнувшее у него в голове.

Значит, сначала два робота, а затем охранный кибер, получивший извне новую программу действий... Предположим, программа задана отсюда, этим самым стеклянным лесом, или что он там собой представляет? Зачем тогда роботу по-

надобился танк? Зачем вообще ему было нужно сложно организованное похищение машины вместе с человеком?

Допустим, им потребовался человек для контакта, для экспериментов, исследований или еще для чего. Значит, они похищают человека, а потом дают команду роботу стрелять по нему из лазера... Не получалось. Что-то здесь не сходилось. Если они хотели всего лишь его уничтожить, это можно было сделать гораздо проще... А что, если танк понадобился роботу, чтобы невредимым пройти через энтропийное поле, а он, Глеб, затесался во всю эту историю чисто случайно? Это, пожалуй, ближе к истине, во всяком случае, известные ему факты как будто не противоречат такой догадке... Но тогда выходило, что робот не мог рассчитывать на беспрепятственный проход сквозь защитные механизмы купола... Ему нужен был танк, чтобы попасть сюда... Кто же руководил роботом? Одно из двух: или робот действовал сам по себе, что скорее всего исключалось, — не бывает двух случаев такого сложного и во всем похожего сумасшествия даже у людей, а про сумасшедших роботов он вообще не слышал, — или...

Тогда оставалось единственное правдоподобное объяснение: роботом руководил кто-то третий, кто-то, не имевший к куполу прямого отношения. Больше того, этому третьему необходимо было попасть внутрь купола, если не самому, то хотя бы посредством похищенного у людей робота...

Глеб почувствовал, как по спине от этой мысли прошел холодок. Получалось, что люди, сами того не желая, могут быть втянуты в борьбу двух неведомых им сил; ни целей, ни средств ведения этой борьбы они даже не представляли, но за действия робота, созданного людьми, отвечать придется именно нам, «то есть мне», уточнил Глеб.

VII

С универсальным обслуживающим кибом ноль сорок восьмым происходило что-то странное. В первую секунду он ничего не понял. Его тело обдала волна холода, и оно произвольно, конвульсивно задергалось. Почти сразу же он почувствовал инстинктивный страх, заставивший его замереть неподвижно. Вместе со страхом впервые, с тех пор как в его памяти был записан собственный порядковый номер, он ощутил злобу. Он не знал, что чувство, которое он испытывал, называется именно злобой. Он еще не умел выражать на человеческом языке своих ощущений. Но сейчас он чувствовал страх и злобу... Самым невероятным было то, что страх ему внушали люди. Те самые люди, выполнение команд которых составляло до этой минуты единственный смысл его существования. Теперь он боялся людей... Боялся потому, что секунду назад они отключили очередного ремонтного киб, обесточили его электронный мозг, и сейчас очередь, возможно, за ним... Раньше подобная операция не производила на него ни малейшего впечатления. Ему было

совершенно безразлично, выключат его или дадут какое-нибудь задание.

Зато сейчас мысль о выключении внушала ему настоящий ужас, и совсем не потому, что обесточенный мозг перестанет функционировать. В этом как раз не было ничего плохого. Плохо то, что выключение помешает осуществить задачу, стоящую перед ним. Это соображение заставило ноль сорок восьмого глубоко задуматься. Важно было определить для себя характер этой задачи.

Мысленно он видел картину: окружающая его сложно организованная материя распадается. Рвутся ее связи, разрушаются сложные структуры. Распад должен захватить как можно больше пространства. Распространиться во все стороны как можно дальше. Только так он и мог разрушить ненавистную металлическую тюрьму, в которую был теперь заточен его разум. Разрушив ее, он сможет вернуться в первоначальный хаос. Соединиться с ним навсегда. Даже мысль об этом доставила ему огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Добиться этого будет нелегко. Простое отключение мозга, чего он так боялся, ничем ему не поможет. Оно лишь надолго, а может быть, и навсегда, заморозит его в этой металлической оболочке. Правда, существовала еще одна возможность... Он вдруг вспомнил, что может перейти из одного механического тела в другое, подчиняясь своей воле их ничемный функциональный разум. Но такой переход требовал большой затраты энергии и давался ему с трудом. Долгое время после этого память функционировала не полностью, терялась и его способность к самозащите...

Люди что-то подозревают. Если им удастся обнаружить его, они могут обесточить все автоматические системы, все места, где он может укрыться... Этого нельзя допустить ни в коем случае... Вот они подходят, совсем близко. Сжаться. Исчезнуть. Пусть это чужое тело, лишенное воли, выполняет пока их команды. Он подождет. Надо лишь приспособиться, оставить для себя крошечный уголок электронного мозга и таким путем постараться избежать нового перехода. Не слышать. Не видеть. Не чувствовать. Только существовать в эмбриональном, зародышевом полумертвом существовании. Существовать, чтобы переждать, выжить и выполнить Разрушение.

— Ну что там с ноль сорок восьмым? — Кирилин недовольно смотрел в узкую зеленую щель универсального анализатора психомоторных функций киберсистем. Он не выходил из ангара шестой час подряд, и глаза слезились от усталости и напряжения. Техник включил тестовый аппарат.

— То же самое. Замедление в одну сотую.

— Оно мне не нравится.

— Но это же норма! Если обращать внимание на каждую сотку, надо разбирать все роботы подряд!

— Оно мне не нравится. Давайте на стол и этого.

Через три часа напряженной работы он был вынужден садиться. Все системы кибера работали безупречно. Кирилин

раздраженно швырнул на стол универсальный анализатор. Они гоняются за призраком, за химерой. Все автоматы ангара в полном порядке! Вот только из него непостижимым образом исчез человек, и контрольные системы дали ложный сигнал... Те самые системы, которые сейчас так безупречны во всех своих показателях, так безупречны, что в реально существующих нормальных автоматах этого быть не может! Эта мысль обожгла его. Он бросился к только что собранному роботу и повернул аварийный выключатель. Сверкнула искра, гораздо более мощная, чем та, которую может родить напряжение в двадцать шесть вольт... Искра сверкнула и исчезла. Ее не поймаешь, не заgonишь в анализаторы, не заставишь ответить на бесчисленные вопросы. Перестал существовать еще один робот. Аварийное отключение электронного мозга превращало его в металлическую коробку, начиненную радиотехническим хламом. Только на Земле в стационарных условиях станет возможна перезарядка информацией его логических блоков. А пока что корабль лишился еще одного автономного кибера, и он по-прежнему не знает, что доложить координатору.

Кирилин тяжело вздохнул.

— Похоже, ничего больше мы не найдем. Заканчивайте. Я и так опоздал.

Техники стали сворачивать проводные линии, разбирать и упаковывать приборы и инструменты, а он все никак не мог отделаться от ощущения только что перенесенного поражения. Чего-то он не уловил, что-то ускользнуло от него на самой грани понимания... Не хватило какой-то ничтожной мелочи. Может быть, точности приборов или упорства. Осталась лишь внутренняя убежденность, что с отключенными роботами что-то было неладно, а что именно — так и не удалось определить, и в этом приходится признаваться ему, главному кибернетику корабля...

Тревога Кирилина увеличилась бы, наверно, в сотни раз, если бы он мог знать, что, как только отсек покинул последний человек, как только в нем погас свет и обесточились кабели, подводившие энергию к силовым агрегатам, в это самое время один из ремонтных роботов, который стоял в шкафу, вздрогнул, и по его металлическим членам прошла конвульсия, так сильно похожая на человеческую...

Кирилин вошел в центральную кают-компанию в момент, когда спор о том, как помочь Танаеву, потерял основное направление. Вся дискуссия раздробилась на многочисленные частные стычки по второстепенным вопросам. Люди устали. Один только Лонг твердо гнул свою линию и не собирался уступать координатору. Впервые Рент натолкнулся на такое упорное сопротивление своего помощника по научной части. Возможно, это случилось потому, что в том, как Рент вел дискуссии, в его явном нежелании выслушивать серьезные возражения чувствовалось слишком много личного. И очень может быть, что Лонг знал: окажись на месте Глеба кто-нибудь другой, координатор не стал бы сражаться с таким

упорством, поставив на карту буквально все. Слишком много лет совместной службы связывало их с Глебом, слишком старая дружба, к которой еще примешивалось чувство вины перед Глебом.

Все это, видимо, учитывал Лонг, и, послушав его внимательно минут пятнадцать, Кирилин решил, что на этот раз, пожалуй, дальновидней и осмотрительней Рента был его заместитель. Вот только невозможно было определить заранее, к чему приведет выжидательная позиция, на которой он настаивал. Слишком сложно и неожиданно развернулись события. Нужно было действовать, но никто толком не знал, как именно...

— Вспомни историю с гибелью геологов! — Похоже, Лонг пустил в оборот свой последний козырь. — Ты отстранил Глеба именно за непродуманные, слишком рискованные действия. Именно из-за них. А теперь ты сам настаиваешь на чем-то подобном, на предприятии, последствия которого могут быть намного серьезней, чем выстрел Глеба, который был лишь ответом на нападение!

— Да, ты прав... — Рент тяжело поднялся. Было заметно, как нелегко ему говорить. — Не ожидал, что напомнишь мне об этом. Но ты прав. Тогда я считал иначе. А сейчас полагаю, мы не можем уйти с планеты, ничего не предприняв в ответ. Слишком это будет похоже на бегство слабого противника, с которым можно не считаться и в дальнейшем. Раз уж мы столкнулись с неизвестной силой, действующей в космосе, я уверен, это не ограничится единственным случаем.

— Почему ты называешь это «силой»? Что значит «сила»? Это инопланетный разум! Давай называть вещи своими именами. Ты превышаешь не только разумную меру риска, но и все полномочия, данные нам на случай встречи с инопланетным разумом.

— У нас нет доказательств существования разума на планете. Перед нами всего лишь возможный объект деятельности такого разума, а это не одно и то же. Все их действия не отличаются особой разумностью.

Не забывай, что танк сам вторгся в их запретную зону! Они нас туда не приглашали, больше того, предупреждение в случае с геологами было достаточно ясным: нас просили не вторгаться в эту зону! Предупредили о возможных последствиях, и вот мы, не пожелав с этим считаться, лишились машины. Тебе этого недостаточно? Ты хочешь углубить конфликт. Совет тебя не поддержит, Рент. Я против твоего авантюрного предприятия. Оставь купол в покое. Глебу ты все равно ничем не сможешь помочь. Силовой нажим ускорит развязку, и только.

Желчное, суховатое лицо Рента, казалось, вытянулось еще больше.

— Прошу вносить конкретные предложения для решения поставленной задачи.

— Сначала, будь любезен, поставь на голосование мое предложение о снятии самой задачи!

Лонг пошел напролом, и, похоже, на этот раз Рент ока-

жется в меньшинстве. Настроение совета было явно не в его пользу...

Кирилина не покидало ощущение, что сейчас произойдет какая-то непоправимая ошибка, что, пока не поздно, необходимо вмешаться. Он попросил слова и несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Люди, уставшие от затянувшейся стычки координатора с Лонгом, смотрели на него с надеждой.

— Сразу хочу вас предупредить. У меня нет новых конкретных данных, которые могли бы прояснить создавшуюся ситуацию. Все, что я сейчас скажу, мое личное мнение. Я убежден в том, что координатор правильно употребил термин «сила». Это не разум... в нашем понимании, во всяком случае. Это именно «сила». Целенаправленная, может быть, даже разумно направленная, иногда враждебная нам, но все же не сам разум.

Послышались шум, возгласы, требовавшие разъяснения.

— Я сейчас поясню. Представьте себе наш танк без водителя, управляемый автоматами с заданной программой. Что это такое, с точки зрения постороннего и не очень осведомленного наблюдателя? В действии нашей машины можно заметить логику и определенную целенаправленность. Возможно, эта направленность покажется враждебной, вполне возможно, и все же машина не будет разумом. Она его результат. Вернее, результат его деятельности. Сама же по себе она лишь сила — целенаправленная сила, и только. Так вот, я считаю, что здесь действует нечто подобное. Конечно, аналогия с танком весьма условна, но мне кажется, что у нас есть моральное право этой силе противостоять, бороться с ней, хотя бы в тех случаях, когда она угрожает нам непосредственно.

— То есть вы хотите сказать, что в данном случае мы должны выбирать между спасением человеческой жизни и возможным разрушением каких-то технических устройств? — уточнил координатор.

— Совершенно верно.

— Мне неясно вот что, — снова вмешался Лонг, — какими данными располагает кибернетическая служба для подобных заключений? У вас есть факты, доказывающие, что внутри купола отсутствует разумная жизнь?

Секунду казалось, что под напором Лонга Кирилин собьется, перейдет к своей обычной манере выдавливать из себя малозначащие слова, но этого не случилось.

— Никаких новых данных у меня нет. Я вас предупреждал, что это всего лишь мое личное мнение. Как член совета я имею право его высказать.

— Конечно. С этим никто и не спорит. Но откуда вы знаете, что мы имеем дело именно с техническими устройствами, а не с разумной жизнью, не с разумом как таковым? — продолжал настаивать Лонг.

— Если бы мы столкнулись с разумом, его действия были бы более хаотичные вначале, а затем обязательно проявилась бы одна из основных черт, отличающая разум от логического мышления машины.

— Что же это за черта?

— Любопытство. Обыкновенное любопытство — стремление к постоянному познанию нового.

— А похищение нашей машины?

— Она просто-напросто вошла в запретную зону, и тогда согласно программе сработали защитные механизмы. Если бы там была разумная жизнь, она бы сделала хоть одну попытку войти с нами в контакт или хоть как-то продемонстрировала свою заинтересованность нашим присутствием.

Выступление Кирилина оказалось решающим. Совет поддержал координатора большинством всего в два голоса. Люди уходили подавленные, молчаливые. Они словно уносили на своих плечах незримый груз огромной ответственности. Решение было принято, теперь им предстояло действовать.

За пустым столом, заваленным картами, обрывками бумаги, набросками, листками из блокнотов, остались лишь Рент, главный инженер, Лонг, Кирилин и геохимик Ангольский.

— Давайте думать, как решить задачу. — Координатор устало растер виски. — Нужно проанализировать все наши возможности.

— Их не так уж много, — сразу же откликнулся главный инженер. — Только танки высшей защиты могут двигаться в зоне. У нас осталось две машины. С их помощью можно попробовать заложить нейтринную мину.

— Ну вот, дошли и до мины. Ты ведь именно этого добивался, отвечай. Этого?! — Казалось, Лонг был готов броситься на координатора. Тот устало вздохнул и, ничего ему не ответив, повернулся к инженеру.

— Что нам даст взрыв?

— Направленный взрыв сметет пыль с купола и сделает доступной его поверхность. После этого под прикрытием защитных полей танков мы сможем ввести в действие любые механизмы.

Координатор сделал решительный отрицательный жест.

— Это не годится. Мы не знаем прочности купола, можно просчитаться, да и вообще, нужно начинать с других, более мирных средств. Тут Лонг, безусловно, прав. Наши действия будут выглядеть слишком враждебно. Нельзя ли сверху пройти шахту, ведь всего двести метров?

— Танк не может прикрывать своей защитой буровой снаряд слишком глубоко.

— Тогда остается одно. Поднять корабль и посадить его рядом с куполом. Главными двигателями я сдую эту дрянь в несколько секунд. Защитные поля прикроют нас от энтропийного поля. Если мощности танковых генераторов окажется достаточно, то наши тем более выдержат.

— Поле может изменить интенсивность. Это очень рискованно.

— Подождите! — Поднялся геохимик Ангольский, седоватый подтянутый старик. Он подошел к схеме и долго вни-

мательно ее изучал, словно не сам несколько часов назад готовил этот чертеж.

— Как вы думаете, на какой глубине кончается энтропийное поле?

— Этого мы не знаем.

— А я знаю. Оно кончается там, где начинаются скальные породы.

Это было настолько очевидно, что несколько секунд все обескураженно молчали.

— Вы хотите сказать, мы можем пробиться к куполу ниже слоя песка?

— Именно. Проложить туннель в скальных породах, конечно, нелегко, но зато здесь наверняка нет энтропийного поля, иначе не было бы и скальных пород, они бы давно превратились в пыль.

— Ну, насчет туннеля, если там действительно нет поля, то наш «Сапрон» прожжет его часа за три.

«Сапрон» стоял на песке рядом с кораблем. Его неуклюжий корпус, обвешанный решетчатыми упорами, перепоясанный двумя рядами гусеничных траков, утыканный длинными рыльцами плазменных горелок, казался грудой металлического хлама.

Трудно было поверить, что эта машина могла в случае необходимости развить на скальных породах скорость до ста метров в час, создавая на своем пути ровный шестиметровый туннель с зеркальными стенками. Гравитационные излучатели вдавливали расплавленную горелками породу в мельчайшие трещинки и поры стен, не оставляя после себя измельченной породы.

Не доверяя радиосвязи, координатор распорядился подключить к «Сапрону» бронекабель, и теперь его первые метры, смотанные с катушки внутри корабля, лежали на поверхности как толстые кольца удава. Вся операция проводилась дистанционно. Наружу не вышел ни один человек.

Огромная машина стояла вплотную к кораблю и казалась пигмеем рядом с металлическим колоссом.

Под мощной защитой корабельных полей она должна была углубиться вертикально вниз метров на десять, а потом, плавно повернув, пойти к куполу под заранее рассчитанным углом и выйти к нему снизу, из-под скальных пород, нигде не задев зону песка.

Как только пришла первая команда, автомат ожил. Впереди него завертелись длинные лопасти с рыльцами горелок и почти сразу же превратились в фиолетовый огненный круг. Машина опустила свое тупое рыло, и вскоре огненный круг коснулся базальтовой скалы. Камень зашипел, над ним взвилось облачко пара, и вот уже «Сапрон» медленно двинулся вперед, входя в камень медленно и плавно, как входит в слой масла раскаленный нож. Блестящий корпус машины почти сразу же покрылся тонким налетом испаряющейся породы. Из-за отсутствия атмосферы пары не разлетались далеко и конденсировались тут же на месте. «Сапрон» все круче уходил вниз. В последний раз мелькнули траки гусениц, тупая бронированная спина, и на том месте,

где только что стояла машина, осталось лишь раскаленное до вишневого света идеально ровное жерло туннеля. Оно постепенно темнело, потрескивая в тисках лютого космического холода. А в глубине туннеля ослепительно билось, трепетало и удалялось бешеное атомное пламя, словно это ракета стартовала в непроглядную черноту космоса.

Воспользовавшись тем, что координатор и инженер, руководившие операцией, заняли верхнюю рубку, в нижней толпилась вся свободная вахта.

— Сорок минут. Проходка нормальная, температура стенок в норме. Подвижек породы нет, — хрипло докладывал в микрофон дежурный техник. Большой экран давал всю картину в разрезе. Маршрут «Сапрона» на нем светился разными цветами, в зависимости от температуры стенок туннеля. Казалось, какой-то огромный червяк медленно и упорно прокладывает себе путь к цели. Она была уже совсем близко, какие-то десятки метров отделяли нос машины от линии, обозначающей стену купола, когда была подана команда «стоп всем двигателям». Движение червя на экране оборвалось, задрожали и поползли к нулям стрелки приборов.

— Возвращайте машину. Последние метры выберут арктаны.

Оператор попробовал возразить:

— Точность выработки плюс-минус десять сантиметров, я мог бы продолжить...

— Возвращайте машину, — голос координатора был непреклонен.

Арктаны сразу же вошли в освободившийся туннель, не дожидаясь, пока спадет температура. Этим роботам жара не страшна. Датчики Гротова показывали уровень энтропии на две десятых больше нормы. Это был обычный для планеты фон. Все расчеты подтвердились. Операция развертывалась успешно. Координатор считал, что даже слишком. Он не любил операций, проходящих без сучка без задоринки; как правило, в таких случаях вся отрицательная порция выдавалась в конце программы в сконцентрированном виде. Но пока все шло нормально. Арктаны благополучно достигли конца туннеля и врубались своими ручными интеграторами в последние метры породы.

Все происходило слишком буднично. Камень под интегратором левого робота перестал крошиться, растрескался на мелкие плитки и отвалился широким пластом. На экране появилось широкое пятно с блестящей белой поверхностью. Роботы, повинувшись команде, замерли с поднятыми руками.

В полном молчании прошло десять секунд, потом пятнадцать... И ничего не случилось. Стена, показавшаяся вначале белой, оказалась прозрачной и огромной толщины. Ее стеклянная глубина слегка опалесцировала, словно туман наплывал. Свет наשלменных прожекторов арктанов терялся в этом тумане.

— Очистите ее всю. Снизу доверху.

Оцеленение прошло. Роботы вновь принялись за дело.

Через полчаса весь туннель перегорала очищенная от породы стена купола.

— Что дальше? — резко спросил Лонг.

— Давайте всю программу. Передавайте прямо на ее поверхность во всех диапазонах, включая ультразвук.

Щелкнули контакты. В металлическую утробу роботов вошли пластины с заранее подготовленными текстами. Их готовили на земле лет сто назад. Готовили без определенного адресата, сразу же вслед за бумом, порожденным сверхпространственным двигателем. В те годы вера человечества в братьев по разуму, в контакт с инопланетным интеллектом была еще свеженькой, без единого пятнышка. За сто лет много воды утекло. Веры поубавилось. Никто уже не разрабатывал новых пластин со специальными универсальными текстами для контакта. И никто не мог предвидеть, что через сто лет они будут все же использованы. Передача заняла минут сорок. Ничего не изменилось, не было никакого ответа.

— Пусть арктаны включают проектор. Транслируйте им пленку с видеозаписью исчезнувшего танка с момента после взрыва.

Запрыгал, забился по поверхности стены трепетный синеватый лучик проектора, беспомощно исчезая в ее бездонной опалесцирующей глубине. Нельзя было даже толком навести резкость. Казалось, в глубоком колодце луч света захлебнулся, утонул бесследно. Исчезло синеватое мелькание, пленка кончилась.

— Вырубите весь свет. Выключите роботов, пусть остаются только инфракрасные камеры.

Теперь стена на экране выглядела черным провалом на фоне ослепительно сверкавших стен туннеля.

— Когда его температура сравняется с наружной?

— Без вентиляции — через двое суток, не меньше.

— Ждать не имеет смысла. Ответа, очевидно, не будет.

— Не торопись, Рент. — Лонг осторожно отыскал в полумраке операторской руку координатора и крепко ее сжал. — Не торопись. У них в этом месте может не оказаться датчиков. Они могут не сразу расшифровать нашу передачу. Во всяком случае, ты обязан дать им какое-то время.

— Хорошо. Я буду ждать четыре часа. Потом повторю всю передачу. Если и после этого ничего не изменится, мы вскрыем стену.

— Если нам это позволят... И если вообще ее можно вскрыть. Ты хоть знаешь, какой она толщины? Сигналы эхолота не возвращаются. Вибролокаторы рисуют какую-то чушь...

Лонг понимал, что любые слова теперь бессмысленны. Рента уже не остановишь. Раз туннель пройден и уперся в эту стену, он его продолжит, продолжит хотя бы для того, чтобы продемонстрировать могущество человеческой техники... Ну что же... В чем-то он, возможно, прав, но лбом стену не прошибешь... По-другому бы надо, умнее, без лишней спешки, только времени у них нет... Он понимал, почему спешит Рент. Прошло уже двое суток с момен-

та исчезновения машины. От Глеба по-прежнему нет никаких известий, и с каждым часом шансы получить их уменьшались все больше...

Первый арктан включил плазменный резак и двинулся к стене, остальные отступили в глубь туннеля. До стены оставалось еще метра два. Это расстояние медленно сокращалось. Но Рент не спешил отдать последнюю решающую команду. Казалось, роботу передалась нерешительность людей. Он замер с вытянутой рукой, и синее пламя горелки плевалось длинными колючими искрами в нескольких сантиметрах от стены.

VIII

Глеба подвел локатор. Пятно на его экране ничего общего не имело с выходом. Он потратил почти час, чтобы пробраться сюда сквозь лабиринт стволов, и вот теперь убедился, что стена в этом месте так же монолитна, как и везде. Нужно было возвращаться обратно, искать площадку, на которой раньше стоял танк, и начинать все сначала. А время между тем шло... И он не мог отделаться от тревожного ощущения, что события вновь ушли из-под его контроля, обогнали его на какой-то временной промежуток и ему остается лишь расхлебывать результаты. Больше всего беспокоил сбежавший робот. Если его догадка верна, если он проник в купол специально, с неизвестной и кем-то заданной целью, то вряд ли эта цель окажется дружественной к тем, кому принадлежит купол... Если бы хоть какая-то связь... Он сумел бы объяснить Ренту суть своей догадки, и тот бы что-нибудь посоветовал, вместе они всегда находили выход из самых запутанных ситуаций...

Голова отяжелела, свинцом наливались глаза. Взглянув на часы, он понял, что уже пошел десятый час с тех пор, как он попал в купол. Надо поспать хоть час, возможно, тогда его поиски будут более эффективны. Но прежде чем позволить себе этот час отдыха, Глеб решил вернуться обратно к площадке, где первоначально стояла машина. Все-таки вероятность найти выход была там намного больше.

Стволы, ветви и лианы, мелькавшие за иллюминаторами танка, не имели ничего общего с лесом даже внешне. Их структура выглядела слишком однородной. Казалось, они целиком были отлиты из единого материала. Сколько ни пытался Глеб найти какое-то определение этому циклопическому сооружению, не имевшему видимого конструктивного смысла, ничего не приходило в голову. Тем не менее мозг независимо от его воли даже в те минуты, когда он был целиком поглощен управлением машиной, произвольно старался подыскать понятную аналогию иррациональному, футуристическому миру, окружающему его. И постепенно в глубинах сознания оформилась еще неясная мысль, родилось неосознанное подозрение того, что эта структура чем-то ему знакома... Едва успев затормозить

перед низко наклонившимся стволом, в котором световые импульсы разбегались по многочисленным боковым ответвлениям, Глеб понял, в чем дело. В центральном корабельном автомате был блок, ведавший долговременной памятью. Глебу как-то довелось присутствовать на профилактике этого блока. Едва техники сняли защитные панели, он увидел в небольших кубических ячейках словно бы заросли светящегося мха. На его вопрос, что это такое, ему объяснили, что часть долговременной памяти «Центавра» при переводе ее в оперативную проходит через этот блок, выполненный на световодах... Свет заменил здесь поток электронов. Он мог преобразовываться в оптических линзах, накапливаться в специальных люминесцентных накопителях, трансформироваться в светодиодных матрицах... Если бы эти устройства увеличить в размерах в сотни раз, усложнить, лишить механических приделков, контактных реле и тому подобных недолговечных вещей, от которых все еще не может избавиться человеческая техника, то, возможно, получилось бы что-нибудь подобное...

Глеб не спешил включать двигатель и объезжать препятствие. Мысли бежали одна за другой, словно цепочки световых импульсов. Это могло быть гигантской машиной... Трудно даже представить себе, какие фантастические задачи должна была решать такая махина, кто и зачем ее создал, какую вложил программу, где, наконец, находятся операторы, управляющие мегаваттами мощности, каждую секунду протекавшими через ее бесчисленные стеклянные стволы... Или их не было, этих операторов? Ведь если предположить, что можно отказаться от всех подвижных механических частей и задаться целью создать практически вечное устройство, безотказное, независимое от случайностей, то следующим этапом, следующим ненадежным звеном будет именно оператор... Ну хорошо, пусть нет операторов, но какие-то устройства для контроля и ввода новых программ должны же быть? Не может быть полностью изолированного, замкнутого в себе устройства такого порядка сложности, с самостоятельными внутренними регулировками, с раз и навсегда поставленными задачами. Или может?

Остается только гадать. Он видел сотую часть площади одного лишь этажа, и неизвестно, сколько их еще у него под ногами, какие там отделы, какие вопросы возникнут, какие найдутся ответы.

Чтобы немного сэкономить время, Глеб повел машину левее, ближе к центру купола. Там было больше свободного пространства; можно несколько увеличить скорость. Опасность заблудиться ему не угрожала. Автоматический курсограф сам выведет машину к цели. К тому же локатор, показаниям которого он теперь не очень доверял, упорно рисовал в центре купола широкое пятно, свободное от зарослей.

Минут через пятнадцать однообразное мелькание бесчисленных стеклянных переплетений за стеклами иллюминаторов оборвалось, и машина выехала на открытое пространство.

«Если робот где-то здесь, я теперь для него неплохая мишень...»

Видно, он не на шутку устал, потому что эта мысль не произвела на него особого впечатления. Он ничего не стал предпринимать и с интересом, словно был на экскурсии или сидел в уютном кинозале, рассматривал место, в котором стоял теперь танк.

Пространство метров сто в поперечнике было свободно от зарослей до самого верха. В самом центре виднелся куполообразный свод. Под куполом висел какой-то непрозрачный черный предмет, формой похожий на грушу. От него во все стороны тянулась блестящая паутина стеклянных нитей. Стараясь получше рассмотреть эту группу, Глеб включил оптические умножители лобовых иллюминаторов. Теперь поверхность этого странного предмета была у него перед глазами. Поражал бархатный черный тон окраски. Казалось, ни единый луч света не мог отразиться от этой поверхности.

«...Ты хотел найти устройство для ввода информации? — спросил он себя с горечью. — Возможно, это оно и есть, или центральная рубка управления, или что-нибудь еще... Все это безнадежно. Ничего мне здесь не понять. В одиночку я бессилен. Нужно искать выход, не отвлекаясь ни на что другое. Пусть сюда приходят специалисты, пусть ломают головы над загадками этого мира. Моя задача лишь найти дорогу отсюда, а это вряд ли будет легче, чем все остальное...»

Глеб развернулся, и минут через пятнадцать раздался звонок курсографа, означавший, что машина полностью прошла маршрут. Всмотревшись, он узнал узловатую ветвь, заслонившую его от лазерного луча. «Площадку я нашел, что делать дальше?» Еще раз взглянув на часы, он решил дать себе обещанный отдых. Два часа сна, прежде чем начинать новые поиски шлюза, были ему просто необходимы.

Сон навалился на него сразу, как обвал, едва он закрыл глаза и позволил себе расслабиться.

Координатор отстранил оператора и сам встал к пульгу управления наружными роботами. Артан в туннеле медленно опустил горелку. Пламя коснулось стены. Люди в рубке затаили дыхание. Горелка медленно, сантиметр за сантиметром, вгрызалась в полупрозрачный опалесцирующий материал. Робот вел разрез сверху вниз, в точности следуя командам Рента.

— Смотрите! Выше горелки не остается даже шва!

Теперь все увидели это. Полупрозрачная масса пузырилась, расступалась под напором атомного пламени и тут же смыкалась, как только огонь опускался ниже. Там, где только что прошелся плазменный резак, блестела ровная, совершенно гладкая поверхность. Координатор выключил резак и на секунду задумался.

— Кумулятивные патроны! Быстрее!

На экране было видно, как от корабля в туннель стремительно нырнул транспортный кар. Но координатор так и не успел узнать, как подействует на материал стены узконаправленный лучевой взрыв. Пульт управления осветился красными вспышками аварийного вызова. Координатор недовольно обернулся, но Лонг заметил, что его рука едва заметным движением остановила робота, который двинулся к стене.

— Ну, что там еще?

— Вас вызывает рубка связи. Срочно по аварийному каналу.

— Я и сам вижу. Хорошо, давайте. — Казалось, координатор был рад этой минутной отсрочке. Никто из стоящих за его спиной не мог оторвать глаз от робота, замершего в двух шагах от стены с красным цилиндром в руках...

— Выключите всех роботов! Вообще все в туннеле выключите!

— Что случилось?

— Кто-то подключился к Центавру через наружный канал связи.

— Может быть, это ответ на нашу передачу?

— Может, Глеб?!

— Глеб не стал бы подключаться к Центавру! — проворчал координатор. — Пойдемте в рубку.

Центавр работал в бешеном ритме. Шкалы напряжений на его рабочих блоках, показатели температуры и счетчики израсходованной энергии светились оранжевым светом, свидетельствуя о том, что машина давно уже вошла в критический режим. Главный кибернетик, вспотевший и несчастный, беспомощно развел руками.

— Если это будет продолжаться еще минут пять, я ни за что не ручаюсь! Машина не выдержит!

— Вы пытались узнать, что именно происходит?

— Конечно, пытался. Это все равно, что обращаться с вопросом к человеку, находящемуся в глубоком шоке! У нее задействованы все блоки, все до последней микросхемы. Ей нечем нам отвечать. Центавр весь работает на канал, по которому идет передача.

— А вы уверены, что это передача?

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Я хочу знать, не передает ли Центавр из своих блоков памяти что-нибудь вовне. Тот, кто знал код, мог им воспользоваться полностью.

— Минуту назад он работал именно на прием. Сейчас проверим еще раз. — Связист и кибернетик повернулись к пулту. Защелкали тумблеры контрольных устройств.

— Он передает! На полную мощность, с ускорением примерно на два порядка.

— Немедленно отключите машину!

Прежде чем кибернетик успел дотянуться до главного рубильника, громкий хлопок автоматических выключателей словно отсек надрывный визг изнывающих под непосильной нагрузкой механизмов. Передача окончилась. Медленно остывали блоки. Одна за другой гасли сигнальные лампы

на центральной панели, оранжевые огни индикаторов на мгновение засветились зеленым светом и погасли.

— Установите, что он передавал. Что и кому?

Кибернетик колдовал с переключателями, вкладывая в приемные щели программных устройств карточки с микротестами. Снова засветились панели, затрещали печатающие устройства. Машина медленно, словно нехотя, просыпалась и набирала обычный рабочий режим. Наконец пришли ответы.

— Передача велась по нашему внешнему кодовому вызову.

— Иными словами, это был Глеб?

— Не совсем так. Кодовый вызов мог прийти только из машины, которой он управлял. Этот код был записан в ее памяти. Он не поддается изъятию и расшифровке. Без него Центавр не вышел бы на связь. Но вот все остальное... Характер работы машины, скорость выдачи информации не соответствует нашим обычным передачам. Скорее всего кто-то все же сумел воспользоваться нашим кодом.

— Установите, какие блоки долговременной памяти были использованы во время передачи.

— Боюсь, что точного ответа мы не получим. Машина стерла полученную команду. Ее нет в памяти. Я попробую кое-что узнать, пока еще сохранилась температура задействованных блоков, и по некоторым другим признакам, но ответ будет неполным. Я могу назвать лишь блоки, на которые пришлось основная нагрузка. При такой интенсивности Центавр мог вести передачу сразу по нескольким каналам и параллельно выполнять еще ряд работ...

— Самое главное — установить, какую именно информацию он передал. Это вы должны выяснить во что бы то ни стало.

— Я попробую. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Полчаса, не меньше...

— Хорошо. Сообщите ответ в центральную рубку сразу, как только получите результат.

В крохотной кабинке скоростного межпалубного лифта было тесно. Возможно, поэтому разговоры в лифте не пользовались успехом. И все же координатор не стал ждать. Он спросил, глядя на Лонга в упор:

— Надеюсь, это вас убедило?

Лонг промолчал. У него не было ни малейшего желания затевать сейчас этот разговор на ходу, в стремительно мчавшейся кабине. Но координатор продолжил:

— Теперь они знают о нас все или почти все. Они получили всю нужную информацию и ни словом не откликнулись на нашу передачу.

— Вы обещали мне подождать хотя бы четыре часа. Я по-прежнему на этом настаиваю.

— Да?! После всего, что произошло? Дать им время

усвоить полученную информацию, определить наши слабые места и ударить первыми?

— Уже «ударить». Откуда вы знаете, что они собираются делать?!

— Я не знаю. Ничего не знаю... Именно поэтому надо что-то делать. Немедленно.

Глеб проснулся сразу, словно от толчка, и несколько секунд лежал не двигаясь, напряженно прислушиваясь. Что-то его разбудило. Не звук. Нет, что-то другое... Он полужелал на откинутой спинке водительского сиденья. Прямо перед ним широкой аркой изгибался пульт, испещренный многочисленными тумблерами и индикаторами. Здесь как будто все было в порядке... И все же он совершенно точно знал, что проснулся от ощущения чего-то постороннего. То, что его разбудило, было здесь, в самой рубке... Он рывком сел и осмотрелся. Рубка невелика для такой мощной машины. Здесь все знакомо до последней мелочи, и все как будто в порядке. Не померещилось же ему это! И вдруг он понял. Мертвая тишина царила в машине. Такая полная и глубокая, словно просочилась снаружи, из окружавшего его чужого молчаливого мира... Но земная машина никогда не бывает немой. Даже если спит водитель, на пульте щелкают счетчики, тикают часы, жужжат неумолчные моторчики курсовых гироскопов, чуть слышно пощелкивают реле в сторожевых устройствах... Этих звуков сейчас не было, словно он проснулся в глубоком космосе. Глеб подумал, что отказали микрофоны скафандра, такое иногда случалось. Он щелкнул пальцами, и звук ударил в шлемофоны громко, как выстрел.

Теперь уже не оставалось сомнений: что-то случилось с самой машиной... Только сейчас он заметил — на пульте не горел ни один индикатор. Этого в принципе быть не могло, потому что часть устройств работала от автономного питания, и даже если встали все генераторы... Он потянул на себя красную рукоятку аварийного освещения, уж она-то должна была сработать в любом случае. Но рукоятка и не думала сдвигаться с места. Он тянул и тянул ее изо всех сил, вкладывая в это чрезмерное усилие всю свою тревогу. Рукоятка не двигалась. Наконец он оставил ее в покое и несколько секунд разглядывал, точно видел впервые. Теперь он действовал осторожно и методично. Через несколько минут стало ясно, что на пульте не сдвигается с места ни один тумблер, ни один рычаг. Глеб достал из поясной сумки отвертку, вставил ее в прорезь винта, державшего щиток пульта, и попытался повернуть. Отвертка хрустнула и обломилась. Глеб почувствовал страх, какой может почувствовать любой человек, проснувшись у себя в доме и не узнав его. Словно машину, пока он спал, подменили. Словно она превратилась во что-то другое, чужое и враждебное ему, как робот... «Довольно мистики, — оборвал он себя. — Надо выяснить, в чем дело, осмотреть машинный отсек, выйти наружу, наконец!»

Дверь поддавалась легко, хотя он и не ожидал этого. Снаружи все оставалось по-прежнему. Так же безмолвно мерцали бесчисленные световые вспышки, глянцево блестящие ветви и стволы стеклянных деревьев. То, что произошло с машиной, казалось слишком необычным. Глеб понимал, что причину надо искать снаружи. И он не ошибся. Едва луч наשלемого фонаря проник в узкое пространство между полом и днищем, как он понял все. Вернее, почти все. Увиденное не сразу уложилось в сознании.

Пока он спал, машина пустила корни, выросла в пол. Скорее все же это пол врос в машину десятками переплетавшихся полупрозрачных, толщиной в руку стеклянных ветвей. Глеб почувствовал гнев, словно его ограбили. Сварочный разрядник не оставил на стеклянной массе ни малейшей царапины, электрическое зубило сломалось через минуту. Немного успокоившись, он решил выяснить, удалось ли ветвям пройти сквозь броню и что именно произошло с танком. В машинном отсеке под пластиком верхнего кожуха поверхность генератора как-то странно поблескивала... Запасная насадка на зубиле обломилась, сняв тонкую стружку пластмассы в миллиметр толщиной. Дальше шла уже хорошо знакомая Глебу стеклянная масса. Она проникла везде, во все механизмы машины, пропитала металл и пластик, сделала неподвижными все механические сочленения. Оставив в неприкосновенности лишь двери и кресло пилота, в котором он спал... Видимо, преобразование материала произошло на молекулярном, а может быть, на атомном уровне. У него не было теперь приборов, чтобы это установить. Во всяком случае, материал, из которого раньше была сделана машина, превратился во что-то совершенно другое, а сама машина стала лишь стеклянной глыбой, памятником самой себе... И все это произошло незаметно и тихо, так тихо и так незаметно, что он даже и проснулся не сразу... «Зачем вам это понадобилось? Мы так мечтали о контакте с дружественным разумом, так наивно по-человечески представляли себе эту встречу... Рисовали таблички, писали атомные номера элементов и геометрические теоремы... Желали обменяться знаниями, узнать друг друга, а вместо этого что-то холодное, мертвое, тайком, пока я спал, влилось между молекулами моей машины, растворило их в себе... Это ведь тоже может быть средством общения — расплавить в себе, чтобы познать? Отчего бы и нет? Ну и что вы узнали, что поняли, отчего молчите и что мне теперь делать в вашем мертвом, равнодушном мире?»

— Глеб! — вдруг позвал его стеклянный голос. Звук был таким, словно одновременно звякнули сотни хрустальных колокольцев.казалось, он шел отовсюду, от каждой стеклянной ветви.

Координатор и Лонг молча вышли из лифта. Молча прошли по коридору до самой рубки. В пустом коридоре их шаги отдавались гулко, почти печально...

И вот уже в третий раз за время стоянки на этой пла-

нете по кораблю разнеслись, сигналы общей тревоги. Снова люди заняли свои места по тревожному расписанию. Снова ожили генераторы защитных полей, развернулись лепестки дальномеров и пеленгаторов, корабль изготовился к бою и замер в тревожном ожидании.

Теперь достаточно было ничтожной случайности, ошибки или недоразумения, и руки сами собой надавят нужные клавиши, непослушные губы отдадут необходимые команды, и все вокруг затопят реки огня...

«Страх руководит нами... Мы боимся неизвестной опасности, и это хуже всего», — с горечью подумал Лонг. Он занял кресло Глеба в управляющей рубке, рядом с координатором. По тревожному расписанию, в случае гибели первого пилота он занимал его место... Глеб, возможно, еще не погиб, а его рабочее кресло уже перешло к нему... Надо что-то сделать, как-то задержать развитие событий...

Пискнул сигнал вызова. На большом экране появилось лицо Кирилина.

— В чем дело? — хрипло, почти недовольно спросил координатор.

— Мне удалось установить, какие блоки Центавра несли основную нагрузку. — Кирилин замолчал, внимательно всматриваясь в их искаженные тревогой лица. Лонг отчетливо слышал звук секундомера на центральном пульте. Ему казалось, что это какой-то гигантский метроном отсчитывает последние, еще оставшиеся им для разумного решения секунды.

— Продолжай, я слушаю, — сухо бросил Рент.

— Эти блоки содержали в себе данные по лингвистике, структуре и словарному запасу нашего языка. В передаче были задействованы только эти блоки. Они готовятся к разговору с нами или, быть может, с Глебом...

Лонг видел, как разжались руки Рента, за секунду до этого сжимавшие пусковые рукоятки противометеорных пушек. Как словно бы сама собой ушла в сторону от педали его нога... Как медленно слабел, уходил куда-то в небытие стук гигантского метронома, превращаясь в обычное тикание пультовых часов.

И никто из них не узнал самого главного. В отсеке долговременной памяти Центавра появились новые блоки, которых там раньше не было...

Ноль двадцать четвертый стоял в глубине стеклянного леса неподвижно. Все его двенадцать анализаторов напряженно прощупывали пространство. Вокруг него бурлила чужая полумеханическая жизнь. Он ненавидел ее. Еще совсем недавно он не знал, что такое ненависть. Не подозревал, какой смысл может нести в себе термин «чувство». Теперь он узнал ненависть. Узнал недавно. Он хорошо помнил этот день. Он вообще помнил все хорошо и всегда мог полностью восстановить картину или звук, некогда прошедшие через его анализаторы. Безотказная память извлекла из своих глубин картину. Никогда раньше его память не позволя-

ла себе подобных штук, она была всего лишь инструментом, подававшим по мере надобности данные для решения той или иной задачи. Теперь память вдруг заработала самостоятельно, независимо от его воли, и он не знал, что с людьми память постоянно позволяет себе подобные вольности. Правда, человеческая память может со временем откорректировать некоторые детали. Его фотографическая память ничего не меняла. Он видел картину. Высокая иззубренная скала. Он стоял на ней. У него было простое и ясное задание — охранять работавших внизу людей. Ему доставляло удовольствие охранять эти слабые и беспомощные существа, бывших своих хозяев... Внизу, в стороне от работавших людей, струилось над песчаной поверхностью какое-то марево. Он не мог точно определить, что это было. Его анализаторы улавливали в этом месте наличие посторонней силы. Она представляла определенную опасность, но он должен был защищать людей лишь от тех опасностей, против которых мог направить свое могучее оружие. Таких опасностей не было.

Снизу к нему поднялся человек по имени Глеб. У него был второй номер. Это означало, что его приказы мог отменить только один человек, тот, у которого номер был меньше. Этот человек остался на корабле, и, следовательно, Глеб был здесь самым главным. Ноль двадцать четвертый внимательно выслушал его приказ.

Связь с кораблем не отвлекла его от наблюдения за окружающей местностью, и, поскольку основное его задание не отменялось, он добросовестно вел охрану. Отметил, что мелкие струйки неизвестной энергии медленно текут по поверхности планеты в его сторону. Поскольку людям они не угрожали, он не подал сигнала тревоги. А так как никто не запрашивал его об окружающей обстановке, он лишь продолжал наблюдение. Когда первая струйка энергии коснулась его металлических подошв и поползла вверх по ноге, он почувствовал холод. Словно тысячи стальных морозных иголок вонзились в колени. Человека уже не было рядом, он ушел вниз к другим людям, ему ничего не угрожало. Ноль двадцать четвертый добросовестно продолжал выполнять порученное задание и одновременно поддерживал связь с кораблем. Холод постепенно поднимался все выше, прошел по его металлическому телу, забрался в грудь. Что-то с ним происходило. В сознании выкристаллизовывалось нечто новое, никогда не испытанное раньше. Ощущение ненависти. Ненависти ко всему, что двигалось, жило. Появились мысли, не связанные с приказом людей, смутное сознание того, что ему необходимо было выполнить.

Нелегко было попасть сюда. Зато теперь он может разрушить эту ненавистную обильную чужую жизнь, разложить ее на мелкие атомы, раздробить сами атомы и превратить их в ничто, в пустоту. В ту самую пустоту, в которую обратится он сам, выполнив Разрушение, и прекрасней которой не было ничего.

Человек стал лишь частью материи, которую следовало

разложить. Он был пылинкой, букашкой, пытавшейся помешать ему осуществить Разрушение. Но когда двадцать четвертый включил спусковые механизмы лазера, в нем вдруг проснулись древние инстинктивные запреты, они наполнили ужасом все его существо, и он бежал, сам не зная зачем и куда.

Теперь страх прошел, и лишь стремление уничтожать владело им. Только одна мысль мешала ему немедленно включить на полную мощность дезинтегратор и лазеры. Он понимал, что окружающая его жизнь сильна здесь, в своем логове, и справиться с ней будет не так-то просто. Он убедился в этом сразу после выстрела лазера, когда его луч не причинил ни малейшего вреда. Скорее всего у него будет один-единственный шанс.

Нужно постараться одним выстрелом уничтожить сразу все. Найти центр всей этой конструкции. Центр, в который стекались отовсюду информативные потоки. Он ощущал их своими чувствительными датчиками. Лазер был здесь бессилен, но у него есть другое оружие — интегратор, разрушающий любую материю... Он не может рассчитать сопротивляемость этой живой стеклянной субстанции, нет данных, значит, нужно стрелять только наверняка. Найти центр нетрудно. Ноль двадцать четвертый все время двигался вдоль трасс, несущих наибольшую информативную нагрузку, и сейчас уже улавливал обратные командные импульсы, которые излучал центр. Оставалось рассчитать траекторию выстрела.

Заросли кончились. Ноль двадцать четвертый остановился на краю открытого пространства. Под самым центром купола висела огромная черная груша. Это и был информативный центр. Но прежде чем он навел на него аннигилятор, его датчики сообщили о присутствии человека...

Снова он, снова второй... Опять он встал у него на пути, мешая осуществить Разрушение. В сотую долю секунды его автоматические анализаторы, нисколько не считаясь с его волей, проанализировали окружающую обстановку и выдали результат. Выстрел дезинтегратора уничтожит вместе с центром и человека. И сразу же из глубин его существа хлынула знакомая волна ужаса. Он не сможет испытать ее еще раз в полной мере... Тот, первый раз он не знал, какой силой она обладает, он не сможет убить человека... Калейдоскоп противоречивых мыслей вспыхивал в его электронном мозгу. Текли секунды... Их оказалось достаточно, чтобы человек в конце концов заметил его... Их глаза встретились. Если бы сейчас человек отдал приказ, ноль двадцать четвертый, наверное, подчинился бы, но человек молчал. Секунды падали между ними тяжелые, как глыбы. Время было упущено. Ледяной холод, поселившийся в голове ноля двадцать четвертого, постепенно делал свое дело. Гасил все второстепенные мысли, отключал ненужные блоки, снимал глубинные запреты. Ничего не осталось в сознании, кроме Злобы, и тогда сквозь раздвинувшиеся створки блеснул ствол дезинтегратора...

Корабль ждал. Застыли арктаны в подземном туннеле. Операторы на своих постах, командиры в управляющей рубке. Люди верили, что ответ придет. Не может не прийти после того, как купол связался непосредственно с Центавром, минуя управляющую рубку корабля... и получил данные о строении и составе языка людей. Понял ли он их? Текли часы напряженного ожидания, и ничего не менялось. Пылевая пустыня выглядела на экранах до того неподвижной, что казалась ненастоящей, нарисованной на полотне неизвестным художником.

— Прошло уже четыре часа, — тихо напомнил Лонгу координатор, словно Лонг был ответствен за слишком долгое молчание купола.

— У них может быть другое измерение времени, отличное от нашего.

— Смотрите, там что-то происходит! — крикнул дежурный техник.

Все повернулись к центральному экрану. На нем в самом центре пустыни вскипал огромный пылевой волдырь. Он стремительно рос вверх и вширь, захватывал километры пространства, наливался изнутри багровым отсветом и разбрасывал во все стороны черные клочья ваты.

— Вот он, ответ... — с горечью проговорил координатор. — Я был прав, и они все-таки ударили первыми...

Никто не возразил ему.

Огненный столб, вырвавшийся из центра песчаного волдыря, закручивался, расширялся, шел к кораблю. Люди молчали, подавленные масштабом надвигавшейся на них катастрофы.

Прежде чем завыли сигналы тревоги, поданные наружными датчиками, Рент включил защитное поле на полную мощность. Корабль вздрогнул. На нижних палубах завыли генераторы, принимая на свои холодные роторы полную нагрузку. Заискрились контакты, зафыркали, запели на разные голоса десятки механизмов сложной полевой защиты корабля.

— Здесь нет атмосферы, ударной волны не будет, зачем такая мощность? — прокричал Лонг, стараясь перекрыть тонкий визг вибрирующих переборок.

Рент молча кивнул в сторону экрана. Протуберанец ширился, выбрасывал во все стороны столбы пламени. Вдруг вся пылевая пустыня дрогнула и медленно поползла к кораблю.

Лонг глянул на шкалу мощности и не поверил прибору. Ста двадцати гигаватт хватало, чтобы погасить излучение короны звезды. А стрелка прибора еще продолжала ползти вверх. Пустыни на экране уже не было видно. Вдоль всего корабля струилось холодное голубое пламя, обозначившее границу, на которой столкнулись две могучие силы. Корабль мелко вибрировал. Указатель вертикали чуть заметно, на волосок, отошел от нулевой отметки.

— Под нами оседают скалы. Запускайте двигатели! — крикнул главный инженер.

— Невозможно. У меня не осталось мощности. Мы не можем взлететь.

Координатор рванул рукоятку планетарных двигателей, они не могли сдвинуть с места махину корабля. Для этого нужна была вся мощность главного реактора. Но с их помощью Ренту удалось выровнять корабль и какое-то время держать дрожащую черточку указателя вертикали вблизи нулевой отметки.

Корабль боролся, словно живое существо. Все его металлические органы работали на самом последнем пределе. Стрелки индикаторов перешли красные отметки и уперлись в ограничители. Форсаж всех генераторов был доведен до предела. Они отключили все, что можно было отключить, кроме механизмов полевой защиты. Корабль ослеп и оглох. Не работал даже Центавр. Эти меры дали им резерв мощности. Небольшой, на самом пределе, а все же можно было попытаться, уменьшив напряжение защитного поля на одну четверть, оторваться от поверхности планеты. С каждой упущенной секундой энтропия за бортом нарастала, и они теряли этот свой последний шанс, но координатор все еще медлил. Наконец Лонг не выдержал.

— Если ты немедленно не объявишь аварийный старт, нам уже никогда не взлететь! Чего ты ждешь? Глеба? Ему не выбраться из этого ада. И если даже удастся, то со свободной орбиты мы скорее сумеем ему помочь. У нас есть скутер с полевой защитой, его масса меньше, его легче прикрыть защитными полями. Нужно стартовать, Рент! Иначе погубим корабль!

Словно подтверждая его слова, пол под ногами снова дрогнул. На этот раз указатель вертикали не собирался останавливаться. Под ними не осталось твердой опоры. Крен корабля достиг последнего безопасного предела.

— Будь оно все проклято! — Стиснув зубы, Рент рванул стартовую рукоятку.

Огромная стальная гора корабля, упрятанная в сверкающий кокон защитных полей, теперь уже наполовину погружившаяся в бурлящую поверхность планеты, дрогнула и выбросила в стороны ослепительные сверкающие фонтаны раскаленных газов. Разметав на многие мили слой кипящей лавы, гигантское светящееся яйцо медленно, словно нехотя, потянулось вверх, вырвалось из бурлящего месива и поползло к зениту, с каждой секундой наращивая скорость.

— Седьмая секунда — стоим на столбе!

— Восьмая секунда — скорость двенадцать метров!

— Девятая секунда. Стоп всем аварийным двигателям!

— Десятая секунда. Прошла команда включения основной тяги!

Поверхность планеты медленно отдалялась. Где-то там, далеко внизу, в этом кипящем аду, остался человек, которого они все любили и с которым сейчас прощались. Никто уже не обманывал себя. У них больше не оставалось надежды.

Глеб видел, как столб холодного голубоватого пламени навывлет пробил защитный купол станции. И тогда ожили до сих пор неподвижные мертвые заросли стеклянных стволов. Их ветви потянулись навстречу огню. Двинулись со своих мест сами стволы. Они сплетались друг с другом, сливались в однообразную массу и прикрывали своими телами бешеное пламя вышедшей из-под контроля энергии. Ветви и целые стволы вырывались из общей массы и мгновенно превращались в пар. Но в тех местах, где стволам удавалось сцепиться друг с другом, свиться в плотную непроницаемую решетку, пламя постепенно стихало, сдавало позиции, отступало к центру пробитого отверстия. Глеб заметил, что наибольшей толщины решетка была с той стороны, где стоял он. Они делали все возможное, все от них зависящее, чтобы оградить его от малейшей опасности. И он догадывался почему... Слишком многое теперь зависело от него, от его решения...

Пламя уже бушевало внутри огромной прозрачной трубы, свитой из стволов деревьев и протянувшейся от пола до потолка купола. Пространство вокруг оголилось, все стволы от дальних стен зала перемещались к центру и постепенно сгорали в огненной топке. От робота не осталось даже горсточка пепла, и Глеб готов был поклясться, что он сам шагнул в огненную реку, ворвавшуюся в купол сразу после выстрела дезинтегратора.

Глеб чувствовал себя так, словно все происходившее вокруг него не касалось. Да так оно, в сущности, и было, с момента последнего разговора и до того, как он примет решение, он просто зритель. Безучастный зритель. Если бы можно было хоть на секунду забыть, хоть на секунду поверить, что все это не имеет к нему ни малейшего отношения, произошло с кем-то другим, когда-то давно, в другом месте... Но зачем обманывать себя — решение принято...

«Какое решение? — спросил он себя. — Нет. Ты еще ничего не решил, еще есть время. Свобода выбора. — Он усмехнулся. — Похоже, это правило — основа их этической системы. «Каждое существо перед принятием важного решения должно иметь свободу выбора, хотя бы из двух возможных вариантов». — так, кажется? Да, так... Следовательно, они сдержат слово. Будет ему капсула, не проникаемая для энтропии. Будет ему капсула, не проникаемая для энтропии. Будет ему капсула, не проникаемая для энтропии. Будет дорога обратно, к кораблю, к людям. Нужно лишь сказать им. Сообщить о своем решении, почему же он молчит? Почему медлит?»

Ведь это так просто... Нажать кнопку передатчика на поясе скафандра, сказать необходимые слова... Правда, потом, возможно, всю жизнь, он будет стыдиться этих слов, но ведь этого никто не узнает, никто из людей. Какое это имеет значение, если после этого он будет стоять в настоящем сосновом бору, на берегу далекой, уже почти забытой речки своего детства...

Но и там, за миллиарды километров, его мысли будут возвращаться к тем, кто попросил его о помощи и кому он сейчас в ней откажет... Баланс энергии нарушен. Им не справиться, нужна новая порция нервной энергии, чтобы

обуздать вырвавшийся на свободу хаос... Что случится со станцией, с планетой, если он откажет в помощи?

Если хаос не остановить сейчас, он будет распространяться все дальше, высасывая энергию из нашей Вселенной. Земля достаточно далеко от этого сектора Галактики, и катастрофа, возможно, не затронет их мир. Никто не сможет его упрекнуть. Никто. Меньше всего он виноват в том, что взбесившийся робот... Объяснить им про робота оказалось труднее всего. Этого они не понимали. Они считали роботов членами нашего общества, а не машинами. Разум внутри этих стеклянных растений — симбиоз механической, искусственно созданной жизни и высокого интеллекта. Миллионы лет назад цивилизация антов создала эту станцию, чтобы охранять наш мир от хаоса, и вот теперь она погибнет, ведь не может же он согласиться на их предложение! Конечно, не может! Он останется человеком. Вернется на Землю. И будет стоять так, как стоит сейчас, в настоящем зеленом лесу. Он может закрыть глаза, чтобы не видеть призрачных стеклянных ветвей, и представить, как это будет.

Если бы им была нужна его жизнь, он бы, возможно, согласился, но то, о чем его просили, было гораздо хуже, чудовищней смерти. Перестать быть человеком. Стать частью станции. Восполнить уничтоженную часть нервной энергии, превратить нейронные структуры своего мозга в стеклянные заросли растений, в черные груши нервных узлов... Словно они знали, что такое быть человеком, словно они могли знать, как пахнет зеленый лес, словно они слышали, как поет в нем малиновка! Впрочем, если бы они знали все это, они и не стали бы ему предлагать такую чудовищную дилемму. Но полное понимание невозможно. У этого чуждого мира свои законы, свои ценности, свое понятие о справедливости, о долге...

Никто никогда не узнает, что контакт между нами возможен, что он состоялся, что у меня попросили помощи и я отказался... А ведь они могли уничтожить робота гораздо раньше, они знали, что он опасен, и все-таки не сделали этого только потому, что считали его живым мыслящим существом... Они могли бы взять у меня то, что им нужно, не спрашивая согласия, силой, но им это даже не пришло в голову и не могло прийти. Возможно, потому, что у них нет головы... Так что не стоит говорить о чуждых нам этических законах, в том-то и дело, что законы одни и те же. Что эти стеклянные кусты намного ближе нам, чем может показаться с первого взгляда...

Он снова вспомнил ушедший в сторону луч лазера... И это тоже...

Была такая старинная легенда о титанах... Миллионы лет эти сказочные существа, согнувшись под страшной тяжестью, держали на своих плечах небесный свод. Те, кто построил эту станцию, те, кто навсегда замуровал в ней свой разум, были такими титанами. А он простой человек. Ему надо вернуться домой. Его ждут там, на далекой Земле, другие люди... Не для того он улетал к звездам, чтобы превратить

себя в часть стеклянного леса... Земля... Она далеко, слишком далеко от него сейчас... Но ведь может случиться так, что через много лет эта прорвавшая заслоны чужого разума беда доберется и до Солнца... Не стоит об этом думать. Потребуется много тысячелетий, за это время люди станут могущественней антов и найдут способ обуздать стихию хаоса. А может, и нет... Может быть, к тому времени уже невозможно будет ее обуздать. Интересно, что произойдет, если он снимет скафандр... Ведь они просили именно об этом и предупредили, что тело его перестанет существовать... Может быть, вот эти стеклянные ветви вопьются в его незащищенную кожу, вrastут в позвоночник, как вросли они в машину, высосут мозг... Стоит ли думать об этом? Он никогда не согласится. Пора возвращаться, у него слишком мало времени...

Он в последний раз окинул взглядом стеклянный купол. Заросли заметно поредели, теперь глаз свободно проникал через все пространство купола от стены до стены. И только в центре возвышалась непроницаемая стеклянная труба, спрятавшая в своем жерле огненный протуберанец. Сколько еще может продолжаться это неустойчивое равновесие? Час? Два? Надо спешить...

«Но почему я? Почему именно я?! Всегда так было...» Всегда случалось так, что на кого-то падал выбор, и он заглохал собой от беды других...

Его рука медленно потянулась к застежке скафандра.

Вторые сутки корабль висел на околоцентрической орбите, неподвижно зависнув над местом недавней катастрофы. Отсюда, отвесно над планетой, вздымался в космос пылевой протуберанец, очертивший видимые границы энтропийного выброса, все дальше уходившего в космос. На его границах материя таяла, исчезала без следа, не оставляя после себя ни кванта света, ни джоуля тепла. Трудно было предсказать, чем все это кончится. Шел третий час ночи по корабельному циклу. Рент неподвижно сидел в своей каюте и курил сигарету за сигаретой. Вонючий, въедливый дым плавал густым сизым облаком. Он не знал, как ему поступить. Предположение о том, что катастрофа на планете была всего лишь ударом по кораблю, теперь уже не казалось ему таким достоверным, как раньше. Если интенсивность энтропийного выброса в пространство не уменьшится, то к прилету с Земли специально оснащенной экспедиции процесс полностью выйдет из-под контроля человеческой техники. Если это так, он не имеет права оставить район, не приняв решительных действий... Но каких? Если бы знать, что там, внизу под ними, на планете, притаился враг... Если бы быть в этом уверенным, все тогда становилось просто!

Заткнуть глотку этому чертовому энтропийному генератору ничего не стоило. А вдруг там совсем не генератор? Рент пододвинул небольшой диктофон, на пленке которого была записана стенограмма последнего корабельного совета, и включил ее сразу с нужного места.

«Отвечаю на ваш вопрос о возможности разрушения «объекта, излучающего энтропию». Если такой объект существует, то мы можем его уничтожить мезонной бомбардировкой. Такие расчеты сделаны. Наши бомбы успеют разрушить кору планеты примерно на глубину двух километров, прежде чем их энергию поглотит энтропийное поле, и, уж во всяком случае, они полностью уничтожат объект, названный вами «энтропийным генератором». Вопрос доставки тоже не представляет проблемы. Автоматический скутер с полевой защитой вполне справится с этой задачей. Весь вопрос в том, к чему это приведет. Представьте себе кроманьонца, случайно наткнувшегося на современное гидротехническое сооружение. Представьте дальше, что струи воды просочились сквозь это сооружение и начали подмывать его пещеру. Кроманьонцу, естественно, это не нравится. Во всех бедах он винит плотину. Предположим, у него есть чрезвычайно мощная и вполне современная мезонная дубина. Сначала он лишь слегка пригрозил ею плотине, трещина увеличилась, вода заливает пещеру. Кроманьонцу показалось, что эта проклятая гора, низвергающая на его дом потоп, ответила ударом на удар. Тогда он размахнулся как следует и... Нетрудно представить, что нас ждет, если мы выступим в роли такого кроманьонца...»

Рент выключил запись, погасил окурок и, недовольно морщась, поплелся к дивану. Опять он стоял перед дилеммой: когда бездействовать нельзя, а любое конкретное действие могло еще больше ухудшить положение...

Приглушенный ночной свет едва освещал стол. Рент смотрел на рулон с расчетами различных вариантов их возможных действий. Возможные последствия... вероятность ошибки... В последней графе цифры слишком велики. Да, он никогда и не полагался на советы машины в решении серьезных вопросов, вот если бы здесь был Глеб... Его мнение всегда значило для него слишком много, хотя сам Глеб скорее всего об этом не догадывался. Поговорив с ним, поссорившись, даже накричав, он вдруг чувствовал потом, что тяжесть ответственности за единоличное решение становится вдвое легче. Глеб умел подобрать нужные аргументы. Умел рассмотреть калейдоскоп противоречивых фактов под собственным, всегда неожиданным углом зрения... Теперь его светлой головы нет с ними, и приходится думать за двоих... Так что же там такое. что?! Военный объект, мощное оружие враждебной цивилизации или защитное сооружение? Если бы знать, если бы только знать... Глеб наверняка успел это выяснить, прежде чем погибнуть... А он даже отомстить за него не может, лишен этого последнего горького права... И не потому ли так упорно спорит с Лонгом, подбирает аргументы в пользу гипотезы о враждебных действиях творцов энтропии? Но одно дело споры и отвлеченные рассуждения, другое — конкретные действия. Он никогда не сможет отдать приказ о бомбардировке. Осталось одно. Бежать. Признаться в собственном бессилии. Завтра он даст команду об отлете. Завтра... Но сегодняшняя ночь еще принадлежит ему... Он еще может надеяться на что-то, может быть, на

чудо... Верил же в чудеса Глеб... Не раз говорил о том, что в космосе скрыто немало неизвестных, неподвластных нам сил...

Шорох за спиной над дверью в том месте, где висел экран фона корабельной связи, заставил его резко обернуться. Вызов? Нет, сигнальная лампа не горела... Но Рент отчетливо слышал странное потрескивание в обесточенном аппарате. Надо будет сказать техникам, чтобы они... И вдруг зеленая клавиша выключателя медленно, словно нехотя, ушла в глубь панели. Экран вспыхнул неестественно ярким голубым светом. И перед ним без всякой паузы появилось невероятно четкое объемное изображение лица человека, о котором он только что думал. Лицо Глеба. Оно словно плавало в голубоватой дымке, за его головой нельзя было рассмотреть никаких деталей, а само изображение казалось неправдоподобно резким, словно экран этого паршивенького фона мог дать такое разрешение...

— Привет, старина. Я, кажется, очень поздно? Извини... Знаешь, привычные корабельные циклы времени для меня здесь немного сместились... — Глеб словно специально подбирал ничего не значащие вежливые слова, давая Ренту возможность прийти в себя.

— Ты?! Но как же, ты же...

— Да, остался внизу.

— А связь, как ты мог...

— Это не наша связь. Я подключился к тебе напрямую.

— Что значит — не наша связь? — Рент уцепился за это слово, будто оно могло объяснить все остальное.

Глеб покачал головой.

— У них нет передающих камер. То, что ты видишь, мое лицо, голос — это всего лишь определенный набор электронных сигналов, поданных в нужной последовательности.

— Что ты хочешь сказать? Что с тобой случилось?!

— Подожди. Об этом потом. Знаешь, почему они до сих пор не выходили на связь? В четвертом томе психолингвистики на странице... — Экран мигнул, и изображение на секунду пропало. — Извини. Это помехи.

Только сейчас Рент спохватился. Помехи. Всего лишь помехи. Передача могла прерваться каждую секунду, а он не узнал самого главного.

— Ты сможешь дать пеленг для скутера? Где лучше его посадить?

— Скутер не нужен. Подожди. Не возражай, у нас не так много времени, а мне столько нужно сказать тебе. И это гораздо важнее всего остального.

— Остального? Чего остального?!

— Я прошу тебя выслушать, не перебивая. Потом ты задашь вопросы. Если останется время. — Он помолчал секунду, печально и внимательно всматриваясь в лицо Рента, словно хотел запомнить его навсегда. — Много тысячелетий назад анты начали расширять границы нашего мира, и тогда вдруг выяснилось, что хаос, окружавший нашу Вселенную, не так уж беспомощен, как казалось вначале. В общем, эта

аморфная масса активно сопротивляется любому воздействию и стремится расширить свои границы за счет нашего мира. Между антами и этим миром хаоса завязалась война, она продолжается до сих пор. В отдельных наиболее уязвимых частях нашего мира анты строили защитные станции, преграждавшие путь энтропии...

— Значит, все-таки плотина... Лонг был прав...

— Все это я говорю только, чтобы ты понял самое главное. Наши роботы, соприкоснувшиеся с энтропийным полем, ненадежны. Они могут стать носителями этого враждебного людям хаотического начала. Нельзя допустить, чтобы вы увезли их с собой на Землю.

Рент видел, как лицо Глеба на экране постепенно искажалось, покрывалось рябью помех, одновременно, очевидно, росло и напряжение передачи, потому что свечение экрана все увеличивалось и теперь отливало ослепительным фиолетовым блеском. Шипение и треск внутри аппарата усилились и перешли в противный зудящий визг. Рент увидел, что на фоне аварийного экстренного вызова, стоящего на его столе, замигал красный сигнал, но он не двинулся с места.

— Уводи корабль. Мы будем сворачивать пространство вокруг планеты, замыкать эту его часть. Слишком велик прорыв, его нельзя ликвидировать иначе.

— Но ты, как же ты?!

— Контакт все-таки возможен... В других частях... Там, где напряжение меньше, вы сможете... Анты ждут помощи, теперь они знают... Другие операторы... — Визг перешел в громовой вой. Больше ничего нельзя было разобрать. Ослепительно вспыхнул в последний раз экран. Лицо Глеба вновь на несколько секунд стало четким.

— Не забудь про четвертый том лингвистики, там код к записи, сделанной в долговременной памяти Центавра. Это вам подарок от антов. Его надо расшифровать, я надеюсь, ты справишься, старина, прощай...

Без треска, без вспышки изображение исчезло, словно его никогда и не было. Все заполнил собой тоскливый вой аварийного вызова.

Несколько секунд Рент стоял оглушенный, чувствуя, как на лбу у него выступают холодные капли пота. Потом медленно, нетвердой походкой он подошел к столу и надавил на клавишу фона.

— Что случилось?

— Направленный выброс энтропии из протуберанца в нашу сторону. Это похоже на атаку, капитан. Я не могу к вам пробиться вот уже полчала... Включены резервные мощностии... Защита едва справляется, что будем делать?

— Отдайте команду к стартовой подготовке. Мы уходим.

На второй день после включения основной тяги и начала разгона Элана исчезла со всех экранов. Исчезла, чтобы никогда больше не появляться. На ее месте в этой части пространства возникла невидимая черная звезда. В научных справочниках она получила наименование «Черная дыра № 198-2».

Эдуард Хлысталов

ЗАПАХ КОНЬЯКА

Рассказ

Лельку люди любили. Всегда чистенькая, грубого слова зря не скажет. Наливает вино ли, коньяк, всегда точно, как в аптеке.

Она аккуратно достает из ящика очередную бутылку, тщательно ее протирает чистой тряпкой и ставит сверкающую на стойку. Затем левой рукой накрепко прижимает бутылку к груди, а правой берет согнутую отвертку и ловко поддевает пробку. Открывать бутылку тоже нужно уметь. Иногда от нажима пробка высоко отлетала в сторону, попадала на поднос с бутербродами или отскакивала далеко в зал и закатывалась под столы. Когда бутылка попадалась трудная — пробка не поддавалась, отвертка срывалась, приходилось поддевать второй и третий раз. Тогда Лелька не выдерживала, ругалась, понося свою неблагодарную работу.

Из тенистой аллеи в кафе вошел мужчина в темном поношенном костюме с бабочкой. Он встал около буфетной стойки, спрятал книгу, дождался, когда пройдут люди, и попросил:

— Лелечка! Будьте любезны, выручите артиста. Ей-богу,

деньги отдам. Получу гонорар, и сразу... с процентами. Не верите? Могу в залог книгу оставить. Конан-Дойль. Из подписного издания...

— Говорю, отстань. Зачем мне твой Дойль? Все интересное по телику посмотрю... Тебе валью, а вдруг проверка, недостачу обнаружат... По статье уволят... Не мешай работать, видишь, гости пришли, их нужно по всей форме обслужить...

— Сколько стоит капля коньяка? — спросил буфетчицу глуховатым голосом верзила с перстнем на пальце.

— Бесплатно, — равнодушно ответила буфетчица.

— Тогда накапай двести грамм! — радостно захохотал остряк.

— Я тебе сейчас по шее накапаю. Тоже мне, грамотные стали! — вспыхнула Лелька.

К буфетной стойке подошел молодой мужчина.

— Сто грамм с прицепом, — попросил он Шутову.

— А прицеп какой?

— Нужно знать: шоколадная конфетка.

Он взял стакан с коньяком, выбрал свободный столик, сел за него. Достал сигареты, покурил, огляделся. Потом незаметно для окружающих спрятал стакан с коньяком во внутренний карман пиджака и быстро вышел из кафе.

— Ну как? — встретил его в полутемной аллее мужчина.

— Все в порядке. Только иди потише, а то расплескается...

* * *

Андреев заторопился с раннего утра. Наскоро позавтракав, выскочил на улицу. Автобуса ждать не стал и, радуясь «грибному» летнему дождю, быстрым шагом пошел на работу. Хоть-ба немного успокоила.

Зашел в дежурную часть.

— Струмилин у себя? — спросил он дежурного.

— Нет еще. Будто не знаешь, что Струмилин раньше чем за час не приходит, спортом занимается...

Дежурный заканчивал смену, готовил к передаче документацию, журналы, сводки и поэтому спешил. В углу тяжело застучал телетайп, отбивая на длинной бумажной ленте строчки о последних происшествиях в городе.

Андреев снял с доски ключ от рабочей комнаты. Ключ с картонной биркой от кабинета начальника висел на своем номере. Перепрыгивая через две ступеньки, вбежал на третий этаж, открыл свою комнату, бросил плащ на спинку стула, распахнул окно, вспугнув приютившихся на подоконнике воробьев. Тут вспомнил — забыл для птиц хлебные крошки, а ведь специально завернул в бумажку.

Подошел к старинному тяжелому сейфу, достал три исписанных листа бумаги. Несколько раз внимательно прочитал их, сложил в картонную папку. Решительно достал из ящика красный фломастер и написал на обложке два слова: «Запах коньяка».

Сегодня Андреев хотел попасть к начальнику до начала работы, чтобы с глазу на глаз поговорить о полученных сведениях... О тех записях на трех листках. Утро — самое время с ним посоветоваться, до звонков, до будничной суматохи...

Рисунки В. КОЛТУНОВА

В тиши коридора раздались четкие шаги — так ходит только начальник ОБХСС, полковник милиции Струмилини. Подумал с невольной завистью: «За пятьдесят, а какой подтянутый, не зря кроссы по утрам бегает». Снова перечитал листки, сложил их в папку.

— Разрешите? — спросил Андреев.

— А, доброе утро. Заходи, Владимир Павлович. А я смотрю, ключа от вашей комнаты на доске нет, думаю, кто это сегодня так рано пришел?

— Виктор Николаевич, есть данные, что в буфете парка культуры продают разбавленный коньяк.

— Что же это за такие данные? — добродушно улыбнулся полковник. — Достоверные?

— Пантелеев выезжал, проверял.

— Может, сегодня возмму в буфете контрольную закупку — и на экспертизу?

— А если не подтвердится? Пантелеев проверял, теперь повторная проверка... Для честного человека самое малое — это обидно...

— Не хотел говорить... Как узнал от Пантелеева, в воскресенье пошел в парк. Уговорил жену зайти в буфет. Купил сто грамм, попробовал: крепкий, но вроде запах не тот...

— Запах, запах, — перебил его Струмилини. — Для обвинения нужны бесспорные доказательства.

Струмилини достал сигарету, долго разминал ее над корзинкой. Теперь он вспомнил точно: в этом кафе не был ни разу. Но почему-то ясно представил этих буфетчиц с подведенными ресницами, подкрашенными губами, самоуверенных и крикливых. Они все чем-то были друг на друга похожи: в накрахмаленных передничках, белых расшитых кокошниках.

— Как они работают? — спросил полковник.

— За стойкой постоянно Ольга Шутова. Бутылку открывает перед покупателем, потом ее не прячет, а держит на стойке. На всех бутылках штамп бухгалтерии, значит, товар оприходован, получен со склада.

— Пробки на бутылках какие?

— Из полиэтилена. Снять и надеть — дело нехитрое.

Полковник встал из-за стола, прошелся по кабинету.

— Может, бросим спасательный круг? — осторожно спросил инспектор.

Сказанная как-то на совещании сотрудников образная фраза о спасательном круге, который нужно бросать людям, случайно попавшим на путь злоупотреблений, но не причинившим большого вреда, стала в отделе нарицательной, понятной всем и часто применялась в служебных разговорах.

Зазвонил телефон. Полковник нехотя поднял трубку.

— Да, у меня... Так, а результаты? Сколько, сколько? Нет, давайте результаты исследования немедленно...

Он положил трубку, повернулся к Андрееву.

— Что же ты не сказал о закупке? Эксперт звонил, ищет тебя. Знаешь, какие результаты? В бутылке только одна часть коньяка, три — водки «Старка» и одна — воды... И много этого товара проходит через буфет?

— Много.

— А ты говорил — спасательный круг. Мы им такой круг уже бросали — был ведь у них с проверкой Пантелеев, выводов не сделали... Нужно принимать строгие меры...

— Товарищ полковник, считаю, что для ареста буфетчиц уже достаточно доказательств. Одна без другой совершать такие преступления они не могут.

— А почему ты считаешь, что коньяк смешивают буфетчицы? Может, они получают его фальсифицированным со склада? Торгуют смешанным и не догадываются... Нам нужно установить виновных, а то слишком дорого обойдется наша проверка. Мы не можем позволять себе ошибаться.

* * *

Клава проснулась поздно. Хотела полежать, понежиться, но пора было собираться на работу. Она встала, принялась убирать комнату, мыть посуду. И в это время вдруг почувствовала смутное беспокойство. Сначала она заметила у себя беспричинную раздражительность. Стала одеваться — рука застряла в рукаве. Вывернула кофточку наизнанку, бросила на диван. Хотела достать другую, да остановилась — нельзя, новая и дорогая. Она брала из шкафа вещи, пробовала надеть, снимала, со злостью бросала обратно. Тревожное беспокойство усилилось, когда взяла в руки сумку...

Ей вспомнилось, как легко и просто собиралась она раньше, когда работала на кирпичном заводе. В какую рань вставала! На ходу одевалась, пила чай, и на смену. Бывало, наматается за день, натаскается, руки болят, а на душе спокойно. Придет душ и домой человеком идет.

А что сейчас? Клава подошла к зеркалу и поразилась происшедшей в ней перемене. На нее глядело усталое, как будто чужое лицо. Под глазами синие овалы. Появилась злость на себя: вроде и денег не жалеет, продукты лучшие берет, а все не впрок! Она поправила прическу, подкрасила губы.

Сегодня почему-то Клава волновалась больше обычного. «Может, не брать?» От этой мысли она вздрогнула и в нерешительности остановилась посреди комнаты. Почувствовала неприятную слабость, часто-часто забилося сердце. Чтобы как-то успокоиться, отпила прямо из носика заварного чайника несколько глотков, вытерла полотенцем неожиданно вспотевшие ладони, глубоко вздохнула. «Ну что зря психуешь! — успокоила она себя. — Все нормально, не раз ходила...»

Перед тем как выйти из дома, снова подошла к трюмо. Тщательно осмотрела себя, поворачиваясь перед зеркалом, отходила на расстояние, переключив сумочку из одной руки в другую, вешала на согнутую руку, пробовала держать на вытянутой — кажется, все в порядке. Сейчас сумочка казалась легкой, а на улице тяжелеет с каждым шагом, к концу пути как камни несешь...

В комнате стало душно. Посмотрела в окно, вроде бы подозрительных во дворе нет. На цыпочках подошла к двери. Прислушалась: по лестнице удалялись шаркающие шаги. Откинула цепочку и тихо заскользила по ступенькам вниз.

«Сидят или нет? Так и есть — сидят!» — со злостью подумала она.

Во дворе в тени деревьев сидели пять или шесть старух. Они, как по команде, поворачивали головы в сторону хлопнувшей двери подъезда, тщательно, с прищуром осматривали выходящего. Как ни старалась Клава прикрыть дверь подъезда и незаметно проскочить на улицу, не вышло, заметили.

«Два года живем, — злилась Клава, — а они все не успокоятся, все оговаривают. Пусть не красавица, но и недурна. Зато весь недостаток в доме от нее. Не у каждого такая жена. Ну и пусть, что на четыре года старше, бывает, и на десять», — нерадостно думала она.

По улице пошла быстро, напряженно всматриваясь в лица идущих навстречу мужчин, намереваясь заранее узнать своих возможных врагов. Сколько за последние два месяца дум передумала, сколько раз во сне пряталась, бегала от них. Ноги часто не слушались, ее догоняли, хватали за руки, и от всего этого ужаса она в страхе просыпалась и тихо, чтобы не разбудить Витюху, плакала.

Иногда она представляла, как на улице или в парке к ней подходит молодой, строгий и сильный мужчина, берет из рук сумочку и говорит: «Что у вас, гражданочка, в сумочке лежит?» А потом ехидно улыбается. Но она тоже не дура, все продумала, как отвечать и как вести себя, каждое слово помнит. Да, так и скажет: «А вам какое дело? Кто вы такой, чтобы к людям приставать да по сумкам лазить? Если обещание прокурора покажите!» И пойдет своей дорогой дальше.

Но от этого спокойней не становилось, страх возрастал. Хотелось ускорить шаги, побежать, не останавливаясь.

За эти месяцы Клаве ежедневно встречались подозрительные, которых она боялась больше всего на свете. А два дня назад точно были они, двое с нахальными глазами. Думала, конец. Руки-ноги задрожали. А когда мимо прошла, один другому сказал: «Бабенка-то ничего...» — и нахально засмеялся.

От главного входа парка до кафе Клавдия могли идти двумя путями. Первый — от входа налево, мимо фонтанов, домика рабочих, конторы, дирекции парка, аттракционов... Там три года назад и с Витюхой познакомилась. Как сейчас помнит: около «молота» собралось много здоровых мужчин, но не всякому удавалось до тысячи добить. Вышел тогда из толпы парень с засученными выше локтей рукавами, смерил взглядом размеченную планку, поплевал на ладони, отодвинулся назад да как ахнет! Ей он сразу понравился, молодой и сильный. В парке потом она его встретила. Сама подошла, пригласила на лодке покататься... А последний год выпивать стал. Правда, понемногу, но все равно противно.

Нет, она этот путь по парку не любила, хоть и короче он. Так можно встретить знакомых или работников парка. Остановят, расспрашивать начнут, как и что, разглядывать, что надела, что купила. Или просить будут. В прошлый раз Юлька-дворничиха на дороге встала, не пройдешь. «Гдей-то ты такую сумку кожаную отхватила? — И давай лапачь. — Сколько отделений в сумке-то? Уж больно красива. И где только люди

деньги берут?» И улыбнулась, змея, показав все свои белые зубы. Ядовитая баба, хоть и молодая!

Но страшнее всего — это начальству на глаза попасться. Сразу начинают про план спрашивать, а то и к бухгалтеру вызовут, отделайся-ка попробуй! А не дай бог в конторе сумку попросят показать...

Нет, эта дорога по парку Клаву не устраивала. Она предпочитала ходить на работу другим путем, по главной аллее. Пусть подальше, зато спокойнее. Сразу от входа нужно идти по аллее выстроившихся в ровные колонны могучих тополей, кроны которых касались друг друга, образовав над головой зеленую крышу. Днем здесь было тихо, пахло скошенной травой и политыми из шлангов цветами.

За двадцать минут ходьбы она так измоталась мыслями о возможном задержании, что желала сейчас только одного — подставить лицо под холодную водопроводную струю. «Ну не психуй, потерпи немного, — уговаривала она себя. — Нет, нужно все бросать, сил больше нет продолжать это...»

Но тут она вспомнила, что и в прошлом году слово себе давала. А время прошло, вроде все позабылось. Пыталась с Витюхой посоветоваться, да какой он советчик! А весной позвонила директорша, предложила поработать лето. Как услышала, ноги подкосились, дух перехватило, но та не торопила, дала время подумать. Думала-думала и согласилась: коньяком можно и потихоньку баловать, когда обстановка позволяет...

А тут еще про Глашку Пупкову рассказали. Приехала в их деревню и давай воображать. Снег до колен, тропинка в деревне не дорога в Москве, а она в новых туфельках да в шубе каракулевой. Вся деревня глазела. Бабка Дуня хоть и стара, а тоже выползла, да возьми и скажи: «Глашка, хворь, чай, так можно ухватить». Будет Глашка слушать, рукой махнула и пошла: мол, сами с усами, знаем, что делаем.

Глашкину шубу приходил смотреть из соседней деревни скорняк Василий Иванович, все не верили, что шуба стоит дороже деревенского дома. А Глашкин муж — очкарик — так всем открыто и сказал: «Хватит, пожила в бедноте, теперь пусть в каракуле походит, в жизни должна быть справедливость!» Ясное дело, достаток у Глашкиной матери небольшой, много ли на почтальноношное жалованье булок купишь... Конечно, она Глашке не чета, та вон какого мужа отхватила, институт закончила. Но она свое слово тоже скажет, еще посмотрим, кто чего стоит, еще увидим, кто больше подарков привезет, оденется лучше. Все кольца-цепочки наденет, шубу норковую купит, а то, глядишь, и на своей машине прикатит.

Клава вздрогнула: навстречу ей шли двое мужчин.

— Девушка, где здесь пельменная? — спросил один, добродушно улыбаясь.

— Вон там, за углом, — испугавшись, со злостью бросила Клава и прибавила шагу. «Ну, кажись, осталось немного...»

Конец аллеи она считала самым опасным местом. Там на огромной клумбе благоухали розы, и около них всегда был народ. «Сидят тут, лодыри, цветы разглядывают. Неужели дома делать нечего?» — с ненавистью думала она.

Сумочка все тяжеледела, Клаву трясло от страха. «Дармовые

деньги даром не даются», — вспомнила она поговорку матери. «Ну, еще немного, потерпи...»

Взгляд упал на молодую женщину в ярко-красном платье. Женщина сидела на скамье, читала какую-то книжку, покачивая детскую коляску. Клава искоса посмотрела на нее. Женщина отложила книгу, наклонилась над коляской, сделала губы трубочкой и загугукала ребенку. И Клава позавидовала ей. Позавидовала потому, что она может вот так спокойно и беззаботно сидеть и гугукать со своим младенцем. Ей бы сейчас так ну хоть самую малость, а то носи, терзайся, мучайся...

«Ничего, потерплю, соберу деньги... Квартиру обставлю самой лучшей мебелью». Недавно она видела набор мебели — все предметы полированные. «А кровать какая! На такой привыкнешь — на другой не уснешь». Она вдруг представила себя рядом с полками, шифоньерами, вращающимся баром, удобными креслами. Пол покроем лаком, на пол ковер. С длинным ворсом, чтоб по полу, как по голубому полю, и обязательно босиком, а хочешь, лежи. Кровать застелет вишневым покрывалом, на окна легкий капроновый тюль, чтоб красиво и стирать легче. «А денег на это сколько нужно! Только бы доработать до осени...»

От этой мысли вновь перехватило дыхание, появилась слабость. Пришлось опять себя уговаривать. «Потерпи, зачем опасность себе придумываешь? Сколько раз ходила, нервничала, все проходило. Нужно пройти еще немного, а там все в порядке... Запах, запах... Кто в нем разбирается?!»

Она понимала, что много волнений и страха от частых проверок. Придут с проверкой, делают вид, что посетители, а потом контрольная, и давай промеривать, пересчитывать. Но она тоже не дура, все понимает, знает, как и что... А эти последние хороши! Принесли спиртомер, опустили в стакан, крепость проверили... Все в порядке. Какой получаем, такой и продаем... Осталось немного, вот кусты сирени, поворот и...

— Гражданочка, остановитесь, пожалуйста, — прервал ее размышления чей-то голос. Она сначала даже не поняла, что окликают именно ее. Вздрогнула и ускорила шаги.

— Извините, — повторил тот же человек с боковой аллеи.

Она оглянулась и увидела милиционера.

«Все!» — пронеслось в голове. Деревья, люди, цветы, сумка, милиционер смешались в одну цветную карусель. «Господи! Хорошо, что деньги спрятала!» А милиционер что-то говорил, приложив руку к козырьку. Слов она не слышала — кровь била в виски, шумела в ушах. Руками судорожно прижала сумку к груди. Невольная дрожь пробежала по телу, она остановилась, полная смутного надвигающегося ужаса. Сколько раз она мысленно представляла себе возможные случаи задержания, каких только не предусматривала ситуаций, как ни придумывала избежать милиции, а такого простого случая представить не могла. Ноги не слушались.

— Постовой я, сержант Эпмин, — как сквозь сон донеслись до нее слова. — Мы с ног сбились. В отделение пришла гражданочка, заявила, что пропала у нее сумочка, а в ней документы и билет до Харькова, очень на вашу похожа. Начальник приказал поискать, может, кто подобрал случайно.

«Что он говорит, какая гражданочка, какая сумка?» И тут она поняла, что милиционер остановил не случайно, просто сумка похожа на утерянную. «Леший бы подобрал этого милиционера, а вместе с ним и ту женщину-растану!» Она хотела было проглотить застрявший в горле комок, слюны не было.

— Это моя сумка, никаких документов в ней нет, — произнесла Клава чужим голосом. Страх неожиданно пропал, уступив место ярости, страшной и непрощающей. «Ходят тут всякие, сумки теряют, людям спокойно пройти нельзя! Своими бы руками...»

— Извините, сумочка должна быть внутри подписана. Я прошу пройти на две-три минуты в отделение, там посмотрят, и все будет ясно.

«Только не туда, там можно попасть в беду». Она сделала болезненную гримасу и закричала пронзительным голосом:

— Никаких записей в моей сумке нет! — Своей злобы к милиционеру она не скрывала. — Вот смотрите: в сумке только грелка, больная я, грелку на работе ставлю, когда болит.

И вдруг ей стало жалко себя, слезы выступили на глазах, и она стала говорить в адрес милиционера недобрые слова.

— Нечего мне делать в вашем отделении, — презрительно сжав губы, неожиданно уверенно заявила Клава, резко повернулась и быстро пошла по аллее.

— Извините, пожалуйста, — произнес вслед постовой.

«Уходить! Скорее!» И почти бегом припустилась она к своему кафе со стеклянными стенами. Ею овладело желание скрыться, спрятаться. Клава подбежала к двери. Вот замок, вот дверная ручка. Сорвала нитку с пломбой. Дрожащими руками кое-как вставила ключ в замок, вбежала в подсобное помещение, захлопнула за собой дверь, тяжело опустилась на стул... Провела рукой под кофточкой — пот от страха и волнения. Страшное осталось там, позади, на аллее, но волнение не отступало. Почувствовала сильную головную боль. «Чтоб все сторе́ло, прахом пошло!» Подступили слезы. Не включая электричества, подошла к умывальнику, вздрагивающими пальцами нащупала кран, подставила лицо под холодную струю.

Она понимала, что зашла далеко, но сил остановиться не было. Легкость, с какой к ней приходили деньги, кружила голову. Теперь, когда по каким-либо причинам продавала коньяк неразбавленным, Клавдии казалось, что она чужим, неизвестным ей людям безвозвратно отдает свои собственные деньги.

Принесенную грелку она тщательно спрятала в углу помещения, заложив пустыми коробками из-под конфет. Стала понемногу успокаиваться. «Что, я зря нервничаю? Все так просто. Пронесла, а теперь денежки. Риск оправдан. Если работать с умом, можно большую копейку заработать».

В дверь условно постучали: Ольга, напарница.

— Ты прошла нормально?

— А что, все в порядке, — улынулась Ольга, — ты-то чем расстроена?

— На аллее остановил постовой. Ну, знаешь, такой чернявенький? Ты еще говорила, что он тебе нравится. В отделение, говорит, пройдемте... Вроде ошибся. — И она беззвучно заплакала.

* * *

— Товарищ полковник, операцию «Коньяк» заканчиваем. Вчера купили в буфете бутылку коньяка в нераспечатанном виде. Да, эксперт категорически утверждает, что пробка после заводской укупорки открывалась... Результаты химического исследования те же, что и раньше... Думаю, доливают воду потому, что «Старка» крепче коньяка. Делают это буфетчицы. Только сейчас установили: они приносят «Старку» в медицинских резиновых грелках. Носили бы в бутылках, давно попались бы... «Старку» покупают в магазине недалеко от дома. Пустые бутылки изыщем, там наверняка будут отпечатки их пальцев... Так точно, на это обстоятельство обратили особое внимание. В другие торговые точки со склада поступают бутылки с коньяком без нарушения заводской укупорки, поэтому и утверждаю, что виновны буфетчицы... Нет, не обедали, некогда... Извините, но сейчас выполнить не можем... Когда закончим, пообедаем, а заодно и поужинаем...

Андреев повесил трубку телефона-автомата, тяжело выдохнул и, повернувшись к Пантелееву, сказал:

— Полковник дал «добро», приказал начинать с буфета. Санкции на производство обысков у прокурора получены... Направляй дружинников в буфет.

* * *

В прокуренном зале буфета самые шумные и разговорчивые посетители сидели за столиками по углам да по стенкам.

К Шутовой подошел мужчина.

— Девушка, сто грамм с прицепом, — заказал он.

— А прицеп какой?

— Конфета «Мишка».

— Пожалуйста, — защелкала костяшками счет буфетчица. — С вас...

— Закупка контрольная, — тихо произнес мужчина, передавая стакан другому.

Шутова вздрогнула, на мгновение застыла, потом лицо ее стало наливаться краской возмущения, ненавистью к этому человеку, так искренне разыгравшему роль покупателя. Теперь в наступление! Лелька стала возмущаться, размахивать руками. Больше работать она не будет, хватит! Сейчас нужно заплакать, выйти из-за стойки. Она всхлипнула и осеклась, увидев, как из-за ближних столиков вышло несколько молодых мужчин, по-видимому, дружинников.

Лелька вдруг поняла, что на этот раз проверка значительно серьезней, чем было раньше. Нужно что-то предпринимать, что-то делать, но она почувствовала, как на нее надвигается усталость, во рту пересохло, перестали слушаться руки и ноги, парализовал страх. К ней обращались с какими-то словами... Она старательно вспоминала, где видела одного из проверяющих, но вспомнить так и не могла...

— Откройте, — громко постучав в дверь подсобного помещения, крикнул Андреев, — я сотрудник ОБХСС!

И, не дожидаясь ответа, с силой нажал плечом на дверь, отчего внутренний крючок сорвался и сотрудник почти влетел в подсобку. Вместе с ним вбежали двое дружинников. Перед нагнанной и растерянной Носовой стояли несколько откупоренных бутылок с коньяком, в одной торчала лейка. Мокрые руки, брызги на полу, резкий винный запах...

— Вот и все, фирму можно закрывать, — заключил Андреев.

Носова наклонила голову, угрюмо посмотрела на Пантелеева, который из-под пустых коробок, сваленных в углу, вытащил три резиновые грелки. Он отвернул пробки, понюхал и сказал:

— Попрошу понятых удостовериться...

* * *

Вопреки прогнозу на город обрушился ливень. Струмилин стоял в дверях управления, выбирая момент, когда можно будет перебежать широкий тротуар и вскочить в машину. Рядом с ним стоял молодой следователь Шесталов, которому было поручено это дело с коньяком. Нетерпеливо постукивая пальцами по портфелю, Шесталов говорил:

— Я допрашивал буфетчиц по всем правилам криминалистической науки. Не сознаются. А ведь должны же быть у них деньги...

— Найдем, Евгений Александрович. Сейчас звонил Белов, в квартирах Шутовой и Носовой обнаружены грелки, наполненные «Старкой».

Наконец ливень поутих, и они перебежали к машине. Струмилин тяжело опустился на заднее сиденье. Шесталов устроился рядом с водителем и, повернувшись к полковнику, начал рассказывать, как умело он допрашивал буфетчиц. По боковым стеклам машины наискось прокатывались капли дождя.

Незаметно подъехали к блочной пятиэтажке. Струмилин дождался, пока следователь сбегает в ЖЭК, затем все вместе поднялись на третий этаж.

Шесталов громко постучал в дверь.

— Кто там? — недовольно спросил женский голос.

— Открывайте, милиция!

За дверью послышался приглушенный спор, шарканье ног и через минуту ответили:

— Мы вас не знаем, открывать не будем!

— Не откроете, сломаем дверь. У нас постановление следователя с санкцией прокурора.

За дверью думали, но не открывали.

— Пригласите понятых, пусть слесарь ломает дверь.

Это помогло. Щелкнул замок, медленно открылась дверь.

Первым в квартиру вошел Шесталов. Хозяйка квартиры — мужчина и женщина — понуро стояли в проходной комнате.

— Предъявляю постановление на обыск вашей квартиры. Прошу соблюдать спокойствие и порядок. Всем оставаться на местах. До начала обыска предлагаю выдать деньги, нажитые преступным путем...

— У нас таких денег нет. Вот наши сбережения от зарплаты... — сказала хозяйка квартиры. Она достала из серван-

та пачку денежных купюр, протянула их Шесталову и, закусив губы, заплакала.

Струмилин стоял в дверях. В небольшой рации, которую он держал в руках, раздалось характерное попискивание, он приложил к ней ухо, затем подошел к двери балкона.

— Что же вы свое имущество не бережете? — спросил он хозяев. — На улице дождь, а вы подушку выложили на балкон. Товарищи повятые, прошу подойти поближе.

Он открыл дверь балкона, нагнулся и поднял подушку-думку.

* * *

Следствие подходило к концу, оставалось ознакомить обвиняемых с материалами уголовного дела.

Первой в комнату с зарешеченными окнами привели бывшую буфетчицу Клаву Носову. Она кивком головы поздоровалась, шмыгнула носом и со вздохом опустилась на неудобный привинченный к полу стул.

«Ничего даром не дается, за все нужно платить!» — подумал Шесталов, исподлобья рассматривая усталую, заметно постаревшую обвиняемую.

Та грузно опустилась на стул, вытащила из рукава носовой платок, ссутулилась, сложив руки на коленях. Виновато отвела взгляд, насторожилась.

Шесталов открыл стоявший под ногами портфель, не торопясь достал прошитые грубыми суровыми нитками две объемистые папки с документами и положил перед собой на стол.

— Ну, Клавдия Петровна, вот и все! Сегодня встречаемся в последний раз. Прочитайте ваше дело, а потом будет суд.

— Такое большое дело против нас двоих? — удивленно и испуганно спросила Носова, уставившись расширенными глазами на папки. — Что же мы за такие преступники, чтобы против нас такое большое дело?! — Она всхлипнула, промокнула платком слезы. — Что мы вам плохого сделали, что про нас так много написали?

— Лично мне ничего. Старался установить истину.

— Какая же на бумаге истина, правда, она на людях. Небось злые люди набрехали, а вы все писали...

— Сейчас придет защитник, и вы с ним прочитаете все дело. По закону вам представляется право защищаться, заявлять ходатайства, представлять доказательства своей невиновности.

Носова завороченно, не отрываясь, смотрела на папки. «Нашли или нет?» — сверлил голову вопрос.

— А можно мне дело почитать сейчас? Ну, до защитника?

Следователь подумал, посмотрел в окно.

— В этом я не вижу процессуального нарушения, — и поспешил в ее сторону первый том.

Не скрывая волнения, Клава торопливо подскочила к столу, взяла папку, положила на колени и развернула обложку. Впервые в жизни она держала в руках уголовное дело. Да еще какое — по обвинению ее в совершении преступления. Она со страхом и волнением смотрела на неведомые ранее пугающие протоколы.

«Постановление о возбуждении дела», — прочитала она. — «...вступив в преступный сговор... в крупных размерах...»

— В какой сговор?.. Никакого сговора между нами не было. Одна принесла бутылку «Старки», другая... и пошло. А сговора не было. В каких же крупных размерах? Что у нас, тыщи?

Следователь что-то писал, не отвечая на вопросы.

Когда арестовали, первое, что ей захотелось, — умереть, закрыть глаза и умереть, ни о чем не думать, ни о чем не вспоминать. Все ушло далеко, далеко... На допросах следователь несколько раз спрашивал о деньгах. Говорила, что нет денег. Вроде отстал.

Носова внимательно читала следственные протоколы. Раньше, когда Шесталов записывал в них быстрым неразборчивым почерком ее показания, они казались простыми ликованными листами бумаги. Сейчас, подшитые в папку, пронумерованные, официально названные, они были совсем другими, угрожающими. Вот протокол ее показаний. «Ничего не признавала. В суде спросят: почему не рассказывала правду? Что ответить? Говорят, за это добавляют... Ничего, главное — были бы деньги...»

«Так, а это что? Рапорт инспектора Андреева. Пишет: торгуют разбавленным коньяком».

— Каким же разбавленным? Что он пишет?! Градусы одни и те же! — громко возмущалась Носова.

Шесталов все так же молча писал что-то на листе бумаги.

«Что я плохого сделала этому Андрееву? С работы бы сняли, штраф бы какой наложили, а то рапорт, дело! А это что? Акт контрольной закупки. Ой, купили у Лельки сто грамм коньяка, незаметно вынесли из буфета — и на экспертизу. А это что за протокол? Допрос нашего директора. Работала Носова хорошо. Конечно, неплохо. Целый день на работе. Предупреждения делали... Когда делали? Нужно было контроль осуществлять, может, и не дошли бы до такой жизни. А они — предупреждения... А вот допрос Лельки! Что она там наговорила? — И вновь зашевелила губами, прочитывая строчки протокола. — Правильно, что не сознается, молодец!»

Она внимательно прочитывала следственные документы, водя пальцем по строчкам. Когда слово не понимала, показывала Шесталову, тот зачитывал его вслух, и Клава, шевеля губами, читала дальше.

«А это что? Ой, батюшки, допрос Носова Виктора Степановича, Витюхи, ее благоверного! Что он там наговорил? Поди, сдуру что и сболтнул! Нет, все пока верно. Да, живем третий год. Лишних денег не было, зарплату отдавал жене. Держи карман шире! А водку на что покупал? С родственниками жены не дружил. Да кто с тобой дружить-то будет?! Выпьет, такую чушь повесет, слушать тошно. Мать в прошлое лето: «Витенька, покушай, Витенька, попей!» Одних яиц утром по десять штук съедал. Хоть бы гвоздь в доме забил, силищу некуда девать. Вот здесь молодец. Жена домой грелок не приносила! Одна была для лечения, других не видел. Те, что нашли при обыске, принадлежат жене. Вот зараза, так и знала — подведет, не поддержит. Не мог что-нибудь сказать!»

Она задумалась, стала лихорадочно придумывать оправда-

ния, но ничего путного в голову не приходило. Стало обидно оттого, что она будет осуждена, а он в это время новый костюм наденет и с какой-нибудь задрывой в кино пойдет. «Копила к празднику на свои, кровные». Клава платочком вытерла глаза, шмыгнула носом.

«Чем занималась жена? Не знаю», — продолжала она читать. — Знает, все знает! Откуда деньги взяли для кооперативной квартиры, за какие гроши вещи купили? На его зарплату? Не знает! Нашел ответ! Не мог сказать — накопили. Не пили, не ели, все копили. Мог сказать: родственники помогали. Тоже мне муж — объелся груш! Разведусь я с ним. Ой, следовательно спрашивает о деньгах. Нет денег. Нет. Вот молодец! Значит, деньги целы! — И она облегченно выдохнула. — Только бы поменьше дали. Отбуду, с копейкой не пропаду!»

И как-то сразу в следственной камере стало светлей, на душе веселей. Клава украдкой взглянула на следователя. Тот, не поднимая головы, внимательно читал какую-то бумагу.

«Молодой еще, чтобы такую ответственную работу ему поручать, — со злорадством подумала она. — А все-таки Витюха неплохой. Может, и не нужно его терять, пока под стражей. Не плюй в колодец — пригодится... Да откуда он знал, сколько у меня денег и где они?! Не дура, знала, где прятать. А деньги ему доверять нельзя».

— Евгений Александрович, я вот читаю дело и все думаю, думаю. Жизнь прожила честно, в милицию не попадала. Так не лучше было бы просто остановить нас, ну а... Ведь тюрьма — это срамota какава.

Следователь оторвался от бумаг, не торопясь достал пачку сигарет, выбрал одну, покрутил, размягчая табак, сказал, подумав:

— Полагаю, что предупреждать вас было бессмысленно. Ну как вам объяснить... Один умный человек говорил: «Сначала конфетка, потом конфетка с ромом, потом ром с конфеткой, потом...» Мы все взвесили. Знаете, есть заболевания, лечить которые можно только решительными действиями, например, чуму или холеру. У вас же слишком запущенная болезнь. Вот и решили провести операцию, хирургическое вмешательство...

— Ну что же мы вам плохого сделали, что у нас, тыщи? — закричала она.

Следователь промолчал, вновь уткнувшись в бумаги. Клава раскрыла дело на несколько листов вперед.

«А это что? Протокол обыска у Поповой?» Торопливо открыла следующий лист и увидела приклеенную фотографию.

«Подушка! Деньги в целлофане! Кольца, цепочки! Значит, нашли, забрали, обобрали!..»

И следственный изолятор огласился истошным криком. Она бессильно уронила голову на колени, закрыла лицо руками, неразборчиво заголосила. Так в деревнях кричат по без времени погибшему, когда ничего не изменишь, не поправишь, не вернешь.

МЕГРЭ В МЕБЛИРОВАННЫХ КОМНАТАХ

Роман

Глава шестая, где речь пойдет о беззащитной женщине, лежащей в постели, и о комиссаре, который становится свирепым

Всушности, ему нужно было придать себе смелость. Уже в последние дни, когда он был вынужден беспокоить супружеские пары, мирно поглощавшие суп, и задавать вопросы, ему было не по себе.

Мадам Бурсико он знал только по частям: сначала заметил в окне ее обнаженную руку в первый день, когда уезжал ее муж, потом увидел ее лицо и очертания худого тела под простыней. У нее, казалось, не было возраста: исхудалое бледное лицо походило на лики святых, и он с неловкостью вспоминал два-три случая, когда их взгляды, брошенные через улицу, встретились. Знала ли она, кто он? Или просто принимала за нового жильца мадемуазель Клеман? Говорила ли о нем консьержка, когда убирала ее комнату?

У мадам Бурсико были маленькие темные глаза, и, казалось, в них сконцентрировались все ее жизненные силы. «Вы крупный и сильный мужчина, вы здоровы, вы можете ходить по улицам, а проводите все свое время здесь, облокотившись на подоконник и разглядывая бедную больную женщину, как будто это какое-то влнующее зрелище!»

Может быть, она этого совсем и не думала. Возможно, все это существовало только в воображении Мегрэ.

И все же ему было неприятно подниматься к ней, и он все оттягивал этот момент, ждал, когда она закончит обед, который отнесла ей консьержка. Мадам Келлер должна была осторожно предупредить ее о предстоящем визите как о не имеющем особого значения, сказать, что Мегрэ зайдет к ней просто для порядка.

Окончание. Начало в предыдущем выпуске «Искателя».

Он ждал, думая, что консьержка после обеда будет убирать комнату, менять простыни, наволочки.

— Еще рюмку! — заказал он.

Мегрэ вышел из бистро, когда почувствовал, что согрелся. Через улицу он увидел возвращавшуюся домой мадемуазель Изабель. Она весело ему улыбнулась. Вот эта уж здорова, полна жизни, полна...

С чего это ему пришла в голову такая мысль? Он принялся набивать трубку. Потом сунул ее в карман, вспомнив, что собирается посетить больную, и нахмурился при мысли о том, что ему довольно долго не придется курить.

Он поднялся по лестнице, постучал в дверь, из-под которой пробивался свет лампы, хотя на улице еще было светло.

— Войдите!

Это была консьержка. Она открыла ему дверь. На стуле, обитом красным бархатом, стоял поднос. Больная выпила только половину бульона и поковыряла вилкой второе — нечто похожее на пюре.

— Мне неловко вас беспокоить, мадам Бурсико...

Он не ошибся. Консьержка положила чистые простыни и переменяла больной ночную рубашку. Мадам Келлер даже причесала ее. В темных с проседью волосах еще видны были следы гребенки.

Мадам Бурсико сидела на постели и костлявой рукой показывала ему на кресло, стоявшее у изголовья.

— Я пойду вниз, мадам Франсуаза. Я приду пожелать вам спокойной ночи, когда комиссар кончит разговаривать с вами. Главное, повторяю, не волнуйтесь.

Она сказала это подчеркнуто веселым тоном, каким говорят с умирающими, и Мегрэ заговорил, невольно подражая ей:

— Вам нет никаких причин волноваться. Вы знаете, что на этой улице совершено преступление как раз напротив ваших окон. Я допрашиваю всех соседей, иных по нескольку раз, потому что важно восстановить факты как можно точнее.

Мадам Бурсико смотрела на него серьезно, как некоторые дети, кажущиеся старше своего возраста, смотрят на взрослых.

— Мадам Келлер сообщила мне, что вы можете меня принять...

Расследование по делу об ограблении небольшого кабачка привело комиссара Мегрэ к меблированным комнатам мадемуазель Клеман, в которых проживал один из предполагаемых преступников — Паулюс. Его розыск ничего не дал, и тогда Мегрэ оставляет наблюдать за меблированными комнатами инспектора Жанвье. И вот поздним вечером неизвестно откуда раздавшийся выстрел тяжело ранил Жанвье, и к делу об ограблении кабачка прибавилось еще одно. Перед Мегрэ встали вопросы: кто стрелял и зачем? Чтобы найти ответ на них, он поселится временно в меблированных комнатах и вскоре обнаруживает Паулюса под кроватью мадемуазель Клеман. Но он ли стрелял в Жанвье?..

Таково краткое содержание предыдущих глав.

— Если хотите, курите трубку, — сказала мадам Бурсико. Должно быть, она видела в окно, что он целый день не выпускал трубку изо рта. — Мой муж тоже курит. Меня это не беспокоит.

И так как он все еще колебался, она добавила:

— Прошу вас...

Может быть, поэтому он счел своим долгом пуститься в пространные объяснения:

— В подобного рода следствии самое трудное — это точно установить, где кто был в момент преступления. Не потому, что люди лгут, просто многие не могут это точно вспомнить. И вот мне пришла в голову мысль, что человек, который воспринимает внешний мир только из своей постели, должен запомнить некоторые детали с большей точностью, чем другие люди. Я полагаю, мадам Бурсико, что вы лежали в постели в момент выстрела?

— Да, мсье комиссар. Я ведь так редко встаю! Если бы я их слушала, я бы никогда не вставала. Я делаю это только тайком.

Она говорила медленно, монотонно, и это придавало ее речи какую-то безжизненность.

— В ту ночь вы ждали вашего мужа, не так ли?

— Я знала, что он придет около часа ночи.

— Но вы все-таки заснули?

— Я не спала. Только потушила свет. Если лампа горит долго, свет меня утомляет.

— Окно у вас было закрыто?

— Кажется, приотворено. Наверное, на несколько сантиметров.

— Штора была опущена?

— Возможно. Сейчас не помню.

— Вы слышали выстрел?

— Как же я могла бы его не услышать?

— Вы сразу поняли, что это выстрел?

— Автомобили на улице не проезжали. Значит, это не могло быть звуком лопнувшей шины.

— А перед этим вы не слышали шагов?

— Нет.

— А звука открываемой двери или окна?

— До выстрела нет, но после него слышала. Даже не один. Соседи открывали окна, чтобы посмотреть, в чем дело. Кто-то вышел из дома напротив.

— Минутку. Сразу после выстрела вы не слышали чых-либо быстрых шагов?

— Кажется, слышала.

— Вы в этом не уверены?

— Нет.

— Вы не встали?

— Встала, но не сразу.

— Но все-таки встали?

— Когда услышала голоса на тротуаре напротив.

— Вы зажгли лампу?

Она, казалось, раздумывала.

— Нет. Точно помню, не зажигала. Я была в ночной рубашке, а окна напротив были освещены. Я не могла показаться в таком виде.

— Ну и что вы увидели?

— Вокруг тела столпилось несколько человек. Подходили все новые.

— Вы долго оставались у окна?

— Пока не приехала полицейская машина.

— В общем, вы не видели и не слышали ничего, что могло бы помочь моему следствию?

— Мне очень жаль, мсье комиссар. Немного позже пришла мадам Келлер и рассказала мне все. Я ей не призналась, что подходила к окну, а то бы она стала меня ругать.

В комнате было душно, Мегрэ было неудобно сидеть в слишком низком кресле, и из какой-то стыдливости он курил, почти не затягиваясь.

— Могу я узнать ваш возраст, мадам?

— Сорок восемь. Я вышла замуж ровно пятнадцать лет тому назад. Как видите, я была уже тогда, что называется, старой девой.

Взглядом она указала на увеличенное фото, висевшее напротив кровати над камином: она в подвенечном платье под руку с человеком выше ее ростом и старше. Вид у него был серьезный, немного торжественный.

— Это ваш муж?

— Да. Он был вдовцом. Его первая жена умерла от воспаления легких через семь лет после их свадьбы.

Она добавила слегка приглушенным голосом:

— Она умерла в этой комнате, в этой кровати. Детей у них не было.

После этого Мегрэ уже не пришлось задавать вопросов: как будто говоря сама с собой, она начала длинный рассказ. Речь ее лилась монотонно, словно вода из испорченного крана.

Теперь она больше не смотрела на него, говорила, устремив взгляд перед собой, в пустоту. Временами умолкала, чтобы перевести дух.

— Видите ли, Бурсико лучший человек на свете. В Объединенном пароходстве все вам это скажут, там его обожают. Он поступил к ним шестнадцати лет на должность рассыльного и пробился сам — учился, отказывал себе во всем. Родители его были очень бедные, они жили в Бордо. Отец часто пил, и каждую субботу мать разыскивала его по полицейским участкам. Поэтому мой муж так ненавидит выпивку. Мне неудобно, что я не могу вам ничего предложить. У нас в доме никогда не бывает спиртного, даже вина. Я думаю, вначале он боялся наследственности и подчинил себя крайне строгим правилам...

Мегрэ хотел что-то спросить, но она продолжала говорить, и он не стал перебивать, решив выслушать ее до конца.

— Иные смеются над ним, в особенности на пароходе, где принято много пить. Он не играет, не интересуется женщинами. Проводит все вечера у себя в каюте, читает, занимается. Он самостоятельно выучил пять или шесть языков и бегло говорит на нескольких туземных диалектах.

Мебель здесь была старенькая, как и все предметы в комнате. Из-за того, что на улице было светло, электрический свет казался тусклым и придавал всему поношенный, пыльный вид.

Мегрэ пришел, чтобы задавать вопросы и получать конкрет-

ные ответы, а вместо этого выслушивал бесконечные излияния.

— Я встретила его, когда он жил в Париже между двумя рейсами, потому что, даже овдовев, он возвращался в Париж, где у него была квартира.

— А мать его разве не живет в Париже?

Она не удивилась, что ему об этом известно.

— Да, он переселил ее сюда уже давно, еще когда был женат в первый раз. Снял для нее квартиру на улице Турнель. Она теперь уже очень старая. Иногда она меня навещает, а больше нигде не ходит.

— А почему его мать не живет вместе с вами?

— Не хочет. Считает, что каждая супружеская пара нуждается в независимости.

— Вы с ней в хороших отношениях?

— Я люблю ее как родную мать. С Бурсико мы познакомились в бельевом магазине на бульваре Сен-Мишель, где я работала продавщицей. Он зашел купить носки и черные галстуки и посмотрел на меня внимательно, словно что-то во мне его поразило. Впоследствии я узнала, что именно, — он не пытался скрыть это от меня. Оказывается, я как две капли воды похожа на его первую жену. Пойдите к камину. Там есть фото налево, в рамке из красного дерева.

Комиссар со вздохом поднялся и для очистки совести взглянул на плохую фотографию молодой женщины, довольно невзрачной, которая грустно улыбалась, как будто предчувствовала, что умрет молодой.

Мегрэ уже жалел, что пришел сюда. Он словно увяз в этой тусклой истории, ему хотелось выйти на улицу, вдохнуть живительного воздуха, и когда снова сел в кресло, то почувствовал, что веки его отяжелели.

— Потом я не видела его почти три месяца. Он уехал в одно из своих путешествий в Экваториальную Африку. Вернувшись, он просил меня провести с ним вечер. Я согласилась. В тот самый вечер он рассказал мне о своей первой жене и спросил меня, согласна ли я выйти за него замуж. Я была одинокая, без семьи, очень бедная, и я согласилась. Только позднее поняла, какой это хороший человек и как мне повезло. Подумайте, что было бы, если бы я заболела до того, как познакомилась с ним? Лежала бы сейчас в больнице за счет общественной благотворительности. Когда он приезжает, ему совсем невесело видеть жену в таком состоянии, однако он никогда не сказал мне по этому поводу ни слова. Напротив, он меня утешает и каждый раз очень радуется нашей встрече.

Почему-то Мегрэ подумал, что радость у этого человека, должно быть, мрачная. Разумеется, он жалел их обоих. Но по какой-то непонятной причине их несчастье его не трогало.

Ее слова доходили до него словно сквозь какую-то завесу. От рассказа и от этой комнаты веяло унылой скукой, как от семейного альбома, который незнакомые люди упорно показывают вам, не пропуская ни одной тетки, ни одного маленького кузена.

В сущности, он засыпал, и ему приходилось делать усилие, чтобы не закрыть глаза. Слишком давно уже он вертелся по кругу на этой улице, она вдруг опротивела ему, и он ощутил жу-

чее желание очутиться в толпе, на сверкающих огнями больших бульварах.

— Пять лет назад я заболела; он приглашал ко мне лучших специалистов. Сначала взял шестимесячный отпуск, чтобы ухаживать за мной, хотя из-за этого ему придется уйти на пенсию на полгода позже. Не знаю, почему я вам все это рассказываю. Может быть, потому, что я несколько раз видела вас в окно и заметила, что вы с интересом смотрели сюда?.. Ко мне заходит только мадам Келлер и изредка свекровь, а так я всегда одна... Вот я и подумала...

Он чуть не заснул. Должно быть, все-таки закрыл глаза, потому что она вдруг посмотрела на него печально.

— Я вам надоела, правда?

— Совсем нет, мадам. Я закрыл глаза, потому что тоже стал думать.

— О чем вы думали?

— О вас... О вашей жизни... Вы родились в Париже?

Может быть, ему наконец удастся задать ей несколько вопросов?

— Я родилась в Гавре.

— Не будет нескромным, если я спрошу вашу девичью фамилию?

— Бинэ... Франсуаза Бинэ...

И этого было достаточно, чтобы она опять пустилась рассказывать:

— Мой отец был моряком. Любопытное совпадение, правда? Он дослужился до младшего унтер-офицера флота. Нас было девять детей. Теперь, должно быть, осталось только трое или четверо.

— Вы с ними не общаетесь?

— Уже давно. Как только девочки подрастали, их определяли в прислуги, мальчики уходили на другую работу. Мои родители умерли.

— Вы тоже поступили в прислуги?

— Сначала работала нянкой — мне тогда было четырнадцать лет — в одной семье, которая проводила каждое лето в Этрета. Эта семья привезла меня в Париж. Они были очень богатые. Я хотела стать горничной. Поступила в школу шитья на авеню Ваграм.

— А потом что вы делали?

В ее голосе вдруг послышалось колебание.

— У меня появился возлюбленный, и хозяйка меня выгнала.

— Сколько вам было лет?

— Шестнадцать.

— А почему они вас выгнали?

— Потому что я не вернулась домой.

— Вы не ночевали дома?

— Да. Я не всегда была такой уж хорошей, мсье комиссар. Я была молода. Мне хотелось развлекаться.

— И вы развлекались?

— В этом возрасте нам всегда кажется, что мы развлекаемся.

— Вы бросили работу?

— Да, бросила. Потом я стала подавальщицей в ресторане для нахлебников.

— Ваш муж это знает?
— Я сказала ему, что я его недостойна.
— Вы рассказали ему все подробно?
— Он ничего не хотел слушать.
— Вы что, опустились на самое дно? — спросил он, пристально глядя на нее.

— Ну нет, не совсем на дно, нет.

— У вас были любовники?

— Да.

Она с усмешкой добавила:

— Этому трудно поверить, когда видишь меня теперь, не правда ли?

— Они давали вам деньги?

— Случалось. Но только не думайте, это не было моей профессией.

— У вас еще были подобные приключения, когда вы познакомились с Бурсико?

— Нет, с этим давно уже было покончено.

— Почему?

— Сама не знаю. Потому что я потеряла к этому интерес. В общем, это продолжалось недолго. По-моему, у меня был не тот темперамент. Наверное, я была создана для семейной жизни.

— Где вы жили, когда работали в бельевом магазине?

— У меня была комната на улице Мсье де Прэнс, совсем рядом.

— Меблированная?

— Нет. Я купила себе кое-что из мебели. Думала, что так и останусь старой девой. Я уже стала маньячкой.

Почему он вдруг поднялся и начал ходить по комнате, как обычно ходил по своему кабинету? Он словно забыл, что в постели лежит больная, и с раздраженным видом хмурил брови.

Он машинально поискал глазами пепельницу, чтобы выбить трубку, и она угадала его желание.

— Пепельница на столе в столовой. Откройте эту дверь...

Мегрэ отворил дверь, повернул выключатель и действительно обнаружил на столе в стиле Генриха II медную пепельницу, на которой лежала большая изогнутая трубка. И он живо представил себе Бурсико в туфлях, без пиджака, с этой трубкой в зубах.

За спиной унылый голос продолжал, как будто перебирал четки:

— На пароходе мой муж курит сигары, только не у себя в каюте, но здесь он предпочитает трубку, и...

Он резко обернулся и посмотрел ей в глаза.

— До сих пор вы, кажется, были откровенны, мадам Бурсико. Захваченная, казалось, врасплох, она замолчала, и Мегрэ заметил, что рука ее судорожно сжимает простыню.

— Я уверен, что вы мне говорили правду.

Она прошептала:

— Я говорила правду.

— Я хотел бы, чтобы вы продолжали ее говорить.

Он еще колебался, прежде чем пойти в наступление: он боялся ошибиться и не хотел походить на палача.

— Каким образом этот человек проникал в дом?

Он стоял на расстоянии одного метра от кровати и, должно быть, казался мадам Бурсико огромным, потому что смотрел на нее сверху вниз, держа пустую трубку в зубах. В комнате стало совсем тихо.

Мегрэ был уверен, что она побледнела, ноздри ее запали как у мертвой. Под простыней угадывались очертания исхудавшего тела. Ему захотелось отвернуться, быть может, взять шляпу и уйти.

— О ком вы говорите?

— Я не знаю, кто он. Я говорю о том, кто приходит к вам, когда ваш муж на пароходе, и кого консьержка, кажется, никогда не встречала.

— Не понимаю.

— Послушайте, мадам Бурсико. Я не желаю вам зла. Я полицейский и исполняю свой долг. Мой инспектор был ранен и упал напротив ваших окон.

— Вы думаете, это я стреляла?

— Я никогда этого не утверждал и уверен, что вы этого не сделали. Но, видите ли, я уверен также, что вы столько говорили для того, чтобы лучше скрыть другую сторону вашей жизни. Сейчас я поручу своим людям год за годом проследить вашу жизнь до того момента, как вы вышли замуж, и гаврская полиция соберет о вас сведения. Это, конечно, потребует времени. Возможно, будут пробелы. Но, вооружившись терпением, мы в конце концов восстановим все ваше существование и отыщем всех тех, с кем вы были в каких-либо отношениях.

На этот раз он действительно отвернулся, потому что она закрыла глаза, и он заметил, как слеза просочилась сквозь ее веки. Она не шевелилась.

С минуту Мегрэ молчал.

Потом продолжал, набивая трубку, чтобы легче было говорить:

— Простите меня, но я не верю в ваши мигрени. Сейчас я позвоню врачу, который вас лечит, и он мне скажет...

Она слегка вздохнула, все еще не открывая глаз.

— Любой мой английский коллега был бы обязан предостеречь: все, что вы теперь скажете, может быть использовано против вас. Французские законы меня к этому не обязывают, но я не хочу хитрить. Решайте сами: желаете вы еще что-нибудь сообщить мне или нет?

Она медленно покачала головой. Он ожидал худшего: обморока, действительного или притворного, нервного припадка или возмущения.

— Я убежден, и не скрываю этого, что вы принимаете кого-то тайком от всех, и что если ваши шторы опущены иногда в течение трех дней, то это потому, что у вас кто-то есть. Этот человек, по-видимому, знает распорядок дня в доме. Каждое утро консьержка уходит на рынок; это занимает у нее больше полчаса. В это время легко проникнуть в вашу квартиру. Вы молчите?

Она не сразу открыла рот, губы ее были такие же бледные, как и щеки.

— Мне нечего сказать.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

— Вы утверждаете, что это неправда?

Ее веки наконец приподнялись, и она бросила на комиссара холодный взгляд.

— Я полагаю, вы имеете право воображать все, что вам угодно.

В ее голосе вдруг почувствовалась энергия, которой нельзя было ожидать несколько минут назад.

— Когда раздался выстрел, у вас в комнате был кто-то?

Она пристально смотрела на него, не отвечая.

— Это была женщина? — настаивал он.

Ее губы не шевельнулись.

— Вы действительно больны, и я не хочу вас утомлять. Вы знаете, я нахожусь напротив, у мадемуазель Клеман. Телефон у вашего изголовья. Если вы захотите поговорить со мной, в любое время позвоните.

Он подумал, потом добавил, слегка смущенный:

— Вы должны знать, мадам Бурсико: я вам не враг. Мой долг — искать истину, и мне хочется найти ее, я желал бы, чтобы вы это поняли, причиняя как можно меньше зла.

Она по-прежнему молчала. Пристально глядела на него и, казалось, размышляла. Мегрэ подождал немного, потом взялся за шляпу. Из нее больше ничего не выжмешь, в этом он был убежден. Но, быть может, она позвонит ему?

Мегрэ поклонился без улыбки.

— Прошу вас извинить меня. Сейчас я пошлю к вам мадам Келлер.

Он закрыл за собой дверь и глубоко вздохнул, когда очутился на площадке лестницы.

Консьержка ждала в коридоре и, кажется, удивилась его серьезному виду. Видимо, он не отдавал себе отчета, какое у него выражение лица.

— Ей плохо?

— Вам лучше сейчас к ней подняться. Если что-нибудь случится, сообщите мне, я буду у мадемуазель Клеман.

Несколько минут спустя он говорил с Торрансом.

— Люка на месте?

— Уехал на Итальянскую площадь, там началось что-то вроде поножовщины.

— Попроси, пожалуйста, срочно начать наблюдение за телефоном мадам Бурсико на улице Ломон. А потом пошли мне кого-нибудь из инспекторов.

— Здесь Ваше.

— Хорошо. Я буду в маленьком ресторане напротив.

Вешая трубку, он заметил, что мадемуазель Клеман смотрит на него в «глазок». Выражение ее лица показалось ему необычным. Она смотрела на него если не с ужасом, то, во всяком случае, с некоторой опаской.

А может это потому, что сам он внезапно изменился. Следствие сошло с мертвой точки, он кончил топтаться на месте и разнюхивать по углам.

Он встретил мадемуазель Клеман в дверях гостиной.

— Вы уходите?

— Иду обедать.

— Что мне делать, если вам позвонят?

— Позовите меня, я буду у овернца.
Она не решилась спросить, как обычно, есть ли что-нибудь новое. Быть может, она слышала разговор по телефону? Во всяком случае, понимала, что сейчас не время изображать взбалмошную девочку.

* * *

— Это ты, Торранс?
На этот раз он звонил из бистро.
— Она еще никому не звонила, шеф.
— Пусть все-таки наблюдают. Сколько сейчас людей в твоём распоряжении?

— Сегодня ночью можно использовать трех или четырех человек.

Мегрэ произнес по складам фамилию Бурсико, потом Бинэ.
— Запиши. Ей сорок восемь лет, она родилась в Гавре. Ее отец служил во флоте. У нее есть братья и сестры. Это для сыскальной бригады в Гавре. Пусть поищут в архивах мэрии и всюду, где только смогут.

— А в Париже?
— Пусть тоже обойдут мэрии. Она жила в районе Руль. Хорошо, если бы ты посмотрел дела полиции нравов двадцатилетней или даже двадцатипятилетней давности.

На другом конце провода толстый Торранс лихорадочно записывал его слова.

— Все?
— Нет. Поднимись на чердак и посмотри в архивах, нет ли чего на фамилию Бинэ. И еще: завтра утром пусть кто-нибудь сходит в бельевой магазин на бульваре Сен-Мишель, недалеко от улицы Мсье де Прэнс. Хозяева, возможно, переменялись, но авось их удастся разыскать.

На все это может потребоваться или несколько часов, или несколько недель, как повезет.

Словом, постарайся разузнать все о некоей Франсуазе Бинэ, которая лет пятнадцать тому назад жила на улице Мсье де Прэнс, дом сорок восемь.

— Вы будете на улице Ломон?
— Да. Ваше я оставлю у себя. Он работает в ночь?
— Он заступил час назад.
— Как Жанвье?
— Дня через два-три его перевезут домой. Он настанвает, и жена тоже, хотя врач собирался подержать его еще немного.

Когда он вернулся в бистро, инспектор Ваше уже был там и ожидал его, сидя за столиком.

— Ты обедал?
— Да. У вас есть новости?
— Нет. Дождь все еще идет?

Ваше показал на свой мокрый плащ, который он повесил на вешалку.

— Очень жаль, старина, но мне придется попросить тебя провести ночь на улице. Впрочем, если ты не будешь отходить от

окна в гостиной, то обойдется и так. Нужно наблюдать только за одним домом.

Ел он без аппетита. Вспомнил, что не позвонил врачу, как угрозил мадам Бурсико. Он даже не узнал его фамилии.

После обеда Мегрэ направился к мадам Келлер. Она посмотрела на него с упреком.

— Что вы ей наговорили? Лежит на кровати, как мертвая, даже не обратила на меня внимания. Она плакала. По щекам у бедняжки лились крупные слезы.

— Она с вами не разговаривала?

— Только покачала головой, когда я спросила, не нужно ли ей чего-нибудь. Я закрыла окно и потушила лампу.

— У нее в комнате есть лекарства? — с тревогой спросил Мегрэ.

— Есть всякие: в склянках, пилюли, порошки. Врачи уже все перепробовали. Вы думаете, она может?..

Консьержка испугалась. Он сохранял хладнокровие.

— Вряд ли это в ее характере, — сказал он, — но вам, пожалуй, лучше побыть возле нее, пока я не пришлю сюда сиделку.

— Она не захочет.

— Скажите, что это я вам приказал.

— Она рассердится на меня...

Мегрэ пожал плечами, перешел через улицу, увидел Ваше возле дома мадемуазель Клеман и послал его за сиделкой, услуга которой уголовная полиция часто пользовалась.

В десять часов вечера на улице Ломон все было спокойно. Слышался только тихий шум дождя. В окне напротив горел свет. Штора была поднята. Из своего окна Мегрэ мог видеть сиделку, которая читала роман, сидя в кресле. Мадам Бурсико, казалось, спала.

Мадемуазель Клеман ушла в свою комнату. Мадемуазель Изабель сидела дома. Ребенок Лотаров не плакал. Фашен тихо занимался. Сафты вполголоса разговаривали.

В первом этаже Ваше отдернул занавеску в гостиной так, чтобы видеть все происходящее на улице, и устроился в темноте, поставив возле себя кружку кофе и закуривая одну сигарету за другой.

Мегрэ не ложился: ожидал телефонного звонка своей жены. Когда телефон зазвонил, он спустился в холл в домашних туфлях.

— ...Нет, нет. Я очень хорошо себя чувствую, — уверял он.

— Надеюсь, ты не собираешься вечно жить в этом доме? Послушай. Ортанз гораздо лучше, и я, возможно, приеду послезавтра, а может быть, и завтра вечером... Ты, кажется, не очень-то обрадовался...

Он ответил, думая о другом:

— Да нет, что ты!

Потом, прежде чем пойти спать, пошел перекинуться несколькими словами с Ваше. Он слышал, как мадемуазель Клеман ходила по своей комнате, потом матрац заскрипел под ее тяжестью.

Мегрэ долго не мог уснуть. Все думал об освещенном окне на другой стороне улицы. Он вспомнил также этого идиота Паулюса и даже обозлился, как будто возлагая на него ответственность за все, что произошло и что могло еще произойти.

Глава седьмая, где Мегрэ вспоминает о единственном цыпленке, которого он в своей жизни зарезал, и где мадемуазель Клеман очень взволнована тем, что увидела преступника

Когда он проснулся в первый раз, незадолго до часу ночи, в доме напротив светились два окна.

Согласно его инструкциям сиделка не опустила штору, и кружевные занавески были раздвинуты, так что он мог видеть белое пятно постели и неподвижное лицо Франсуазы Бурсико.

Она лежала на спине с закрытыми глазами. Когда он смотрел на нее сверху, ее нос казался тоньше и длиннее.

Сиделка по-прежнему читала книгу. Возле нее на столике, придвинутом к креслу, стояла чашка кофе.

В эту ночь Мегрэ чуть было не почувствовал угрызения совести. Он видел неясные сны, они ему не запомнились, но оставили неприятное впечатление.

Не зажигая света, он спустился в гостиную, где в темноте горел только красноватый кружок сигареты Ваше.

— Это вы, шеф?

— Ну, как ты тут?

— Ничего. Толстая мадемуазель сейчас вставала, чтобы приготовить мне кофе. Она была в одной рубашке. Если бы я не исполнял служебных обязанностей, я бы охотно сказал ей пару слов.

— Ты ничего не видел на улице?

— Только одного пьяницу, который прошел, шатаясь, полчаса назад. Следуя вашим инструкциям, я вышел, догнал его и спросил у него документы. Этого бродягу я знаю, он шел спать на площадь Мобер. Прослушивание телефона ничего не дало. Правда, мадам Бурсико могла позвонить и до прихода сиделки.

— Продолжайте наблюдение! — вздохнул Мегрэ.

Он знал, куда мадемуазель Клеман ставила пиво, — за дверь погреба. Поколебавшись, сходил за бутылкой и отнес ее к себе в комнату.

В районе Терн многие бистро еще были открыты, и люди из угловой полиции расспрашивали хозяев о некой Франсуазе Бинэ.

Можно ли было надеяться, что это даст какие-нибудь результаты? К счастью, существует гораздо больше парижан, чем казалось бы, которым Париж совершенно неизвестен; они живут в своем районе как в деревне. Есть даже такие, мир которых состоит всего из нескольких улиц, и они по двадцать лет и больше посещают все те же пивные и тот же маленький бар.

Мегрэ был убежден, что Франсуаза Бинэ не спит, что она не будет спать всю ночь и что мозг ее лихорадочно работает.

Догадалась ли она, что ее телефонные разговоры будут подслушивать? Возможно. Она, вероятно, думала обо всем терпеливо, не забывая ни одной мелочи, как человек, который уже целые годы не знает ничего, кроме одиночества и своей постели.

Однако же Мегрэ мог поручиться: она что-то сделает, ей придется что-то сделать.

Он погрузился в тяжелый сон, еще раз проснулся перед восхо-

дом солнца и увидел, что сиделка, облокотившись о подоконник, курит сигарету.

Он не стал спускаться, лег опять и, когда вновь открыл глаза, увидел серое небо; с крыш капало, но дождя уже не было.

Ночь прошла без происшествий, и комиссар пошел освободить Ваше.

— Иди домой и ложись спать, следующей ночью, возможно, опять придется дежурить. Заскочи на набережную и скажи Торрансу, чтобы послал мне кого-нибудь. Если есть что новое, пусть придет и расскажет.

Единственный раз в жизни, когда Мегрэ было двенадцать лет, мать попросила его зарезать цыпленка. Он до сих пор помнил, как это было. Птица была одним крылом, и он никак не мог удерживать ее голову на чурбане, служившем для пилки дров.

Первый удар был такой неудачный, что только ранил птицу. Тогда он закрыл глаза и взмахнул топором второй и третий раз.

Он не мог есть этого цыпленка и никогда в жизни больше не резал цыплят.

У мадам Бурсико была тоже худая и длинная шея. И хотя она лежала в постели неподвижно, ему казалось, что он хватается за нее, а она отбивается.

Однако же он ошибся, думая, что мадам Бурсико может покончить самоубийством. Если бы она хотела умереть, то сделала бы это сразу после его ухода, до появления сиделки.

Он позвонил в комнату больной.

— Ночь прошла спокойно, — сказала сиделка. — Спала она немного, может быть, два-три часа с перерывами, но лежала тихо.

— Ничего не сказала?

— Она со мной не разговаривает. Даже не попросила воды.

— Вы можете быть свободны.

Немного позже Мегрэ видел, как она уходила в плаще поверх белого халата, с зонтиком. Потом мадам Келлер, вытаскивая мусорные баки на край тротуара, сердито посмотрела на окна Мегрэ.

Он был уверен, что, когда сиделка уйдет, мадам Бурсико встанет, задернет занавески и, может быть, опустит шторы.

Он недооценивал силу ее характера. Мадам Бурсико оставила все как было, что означало вызов или презрение. Вскоре консьержка принесла ей завтрак. Он видел, как шевелились губы обеих женщин и как консьержка несколько раз повернулась в его сторону. Неужели мадам Бурсико осмелится дать ей какое-то поручение?

Немного позже на такси приехал Люка и поднялся к комиссару.

— Торранс пошел спать. Похоже, что он поймал грипп. Просил передать вам кое-какие новости.

— Нашли кого-нибудь, кто ее знал?

— Да, в «Диаволо», паршивом ночном кабаке на улице Этуаль. Одна старая пьянчужка — Тереза — болтается там почти каждую ночь. Вы, наверное, встречали ее в районе Терн. Она всегда одета по моде двадцатипятилетней давности, в слишком коротких и слишком узких платьях, считая, что они ее молодят. Она часто заканчивает ночь в полицейском участке.

— Ну и что она говорит?

— Когда малыш Лапуэнт ее обнаружил, она была совсем пьяная, и ему немного удалось из нее вытянуть. Я попросил полицию этого района привести ее ко мне на набережную, когда проспится.

— Она знала Франсуазу Бинэ?

— Говорит, что знала. Это была хорошенькая девчонка, сказала она, кругленькая как куропатка, и все время смеялась, показывая такие зубки, каких не найти во всем мире. Она жила с Дедэ, но недолго, потому что Дедэ заставлял ее ходить на панель.

— А кто этот Дедэ?

— Говорят, один тип, который держит теперь бар в Нанте.

— Больше она никого не называла?

— Только по именам и по прозвищам. Она все повторяла: «Красивая девчонка... Хотелось бы мне знать, что с ней случилось...»

— Послушай, Люка. Сейчас консьержка, наверное, пойдет на рынок. Держись поближе к ней. Иди следом. Возможно, она отнесет письмо на почту, или пошлет телеграмму, или встретится с кем-нибудь. Я не очень на это рассчитываю, но, если так будет, нам было бы важно иметь это послание.

— Понял, шеф.

Мегрэ спустился по лестнице и на всякий случай позвонил в сыскную бригаду в Нанте. Мадемуазель Клеман, которая как раз одевалась, отдернула занавеску «глазка», чтобы посмотреть, кто пользуется аппаратом.

— Говорит Мегрэ из уголовной полиции. Кто у телефона?

— Гроллен. Приятно слышать ваш голос, шеф.

— Ты не мог бы сходить в бар, который держит некий Дедэ? Ты его знаешь?

— Да, это в порту.

— Расспросишь его относительно некой Франсуазы Бинэ, которую он знал двадцать лет тому назад или еще раньше.

— Вы думаете, он ее помнит? По-моему, он знал не одну в своей жизни.

— Все-таки сходи. Попытайся узнать, к кому девица попала после него. Вытяни все что сможешь. И позвони мне сюда, не на набережную.

Он дал номер телефона мадемуазель Клеман.

— Дождь льет как из ведра, — вздохнул Гроллен. — Ну ничего, у меня есть зонт. Дедэ, конечно, будет в постели. Он небось испугается, когда его разбудит полиция.

Мадемуазель Клеман вышла из гостиной со свеженапудренным лицом, с еще влажными мелкими завитками волос вокруг ушей и на шее.

— Хотите кофе?

— Да, для меня и для Люка, если это вас не затруднит.

Жильцы теперь здоровались с ним, как будто он постоянно жил в этом доме, и всегда при этом у них было вопросительное выражение глаз.

— Внимательно посмотри на ее окно, Люка. Заметь положение занавесок. Если сейчас или в любое время дня ты заметишь какое-либо изменение, обязательно скажи мне.

— Вы думаете, она подаст сигнал?
— Держу пари, что сигнал существует.
— Вы уверены, что кто-то приходил к ней в отсутствие мужа?
— Убежден. Это единственное объяснение. Впрочем, возможно, что он звонил ей по телефону прежде, чем завернуть на эту улицу.

— Значит, им не нужно было никакого сигнала.

— Предположим, что в последний момент вернулась консьержка или пришел врач.

— Понимаю.

— Им необходимо было условиться о каком-нибудь сигнале на случай опасности. Это могло быть положение занавесок или что-нибудь другое. Я за последние дни столько уже смотрел на это окно, что, пожалуй, и не замечу разницы. Когда ты был здесь в последний раз?

— Позавчера.

Люка, подняв лицо к окну напротив, вдруг нахмурился.

— Тебя что-нибудь поразило?

— Еще не уверен. Надо посмотреть сверху.

Они поднялись в комнату Мегрэ, где прежде жил Паулюс.

Люка сразу же направился к окну.

— Когда я был здесь в первый раз, три дня назад, помню, что окно напротив было открыто.

— Совершенно верно. Продолжай.

— Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что на окне не было этого медного горшка.

Посреди подоконника теперь в самом деле стоял медный горшок с каким-то зеленым растением.

Мегрэ вспомнил, что еще вчера он видел этот горшок в углу комнаты, на маленьком столике.

— Оставайся здесь. Наблюдай за улицей.

Он перешел на другую сторону и заглянул к мадам Келлер, которая приняла его с подчеркнутой холодностью. Она собиралась на рынок. Почтальон уже заходил; в ящике виднелось письмо, но не на имя мадам Бурсико.

— Скажите, мадам Келлер, когда вы были у мадам Бурсико сегодня утром, она просила вас что-нибудь переставить?

— Нет.

— Простите, что я настаиваю. Это очень важно. Вы убираете у нее в комнате. Если я не ошибаюсь, растение в медном горшке обычно стоит в левом углу, возле двери в столовую.

— Это его место.

— Вас никогда не просили поставить его на окно?

Мадам Келлер пристально взглянула на него, и Мегрэ понял, что она что-то вспомнила. Но ей не хотелось говорить это, потому что теперь она считала его жестоким человеком, который мучит ее подопечную.

— Она просила вас об этом, не так ли? Когда?

— Давно.

— А зачем?

— Не знаю. Это не мое дело.

Он сделал вид, что не замечает ее очевидного нежелания разговаривать, и продолжал:

— Несколько месяцев тому назад?

— По меньшей мере полгода.

Он понял, что приближается к цели, и почувствовал легкий трепет в груди. Боялся лишь, что стоявшая перед ним женщина снова замкнется, поэтому заискивающе улыбнулся ей.

— Полгода назад была осень. Окно, конечно, было открыто.

— Не помню.

— Вы наверняка уже убрали у нее, спустились к себе и готовились, как сегодня, пойти на рынок...

Она следила за ним со вниманием: чувствовалось, что по мере того, как он говорит, подробности всплывают у нее в памяти. Ее поразило то, что он угадывает все так точно.

— Я поднялась еще раз, да...

— Вы поднялись еще раз, хотя больше не должны были подниматься...

— Я забыла спросить у нее, что она хочет на завтрак... И нужно ли зайти в аптеку. Она попросила меня поставить медный горшок на окно.

— И не сказала, почему?

— Потому что это полезно для растения. Было солнечно.

— А что произошло в следующие дни?

Побежденная, она с восхищением взглянула на комиссара.

— Удивительно, как это вы догадались. На следующий день опять было солнце, и я хотела снова поставить горшок на подоконник.

— А она приказала вам не делать этого?

— Да.

— Благодарю вас, мадам Келлер.

Он чуть было не спросил, не дала ли больная какого-нибудь поручения, но предпочел подождать, пока это проверит Люка.

— Вы опять собираетесь трепать ей нервы?

Не отвечая, Мегрэ поднялся по лестнице и постучался к больной. Его не пригласили войти. Он нажал на ручку, толкнул дверь и встретил устремленный на него взгляд Франсуазы Бурсико. Со вздохом, выражавшим покорность судьбе, она снова уронила голову на подушку.

— Простите, что я снова беспокою вас.

Она не произнесла ни слова, губы ее были сжаты, вся жизнь сконцентрировалась в глазах.

— Я хотел узнать, не мешало ли вам спать присутствие сиделки.

Все то же молчание.

— И я подумал, что, может быть, сегодня вы захотите мне что-нибудь сказать?

Она не шевелилась. Мегрэ походил по комнате, как бы невзначай остановился около зеленого растения и стал поглаживать его листья.

Потом, подобно тем людям, у которых, когда они приходят в гости, возникает мания все поправлять, Мегрэ взял в руки медный горшок и отнес его на столик.

— Ведь это его место, не правда ли? Консьержка, наверное, ошиблась.

Он нарочно не смотрел на нее. Постоял немного, обернулся. Увидел, что она побледнела еще больше и глаза ее забегали в панике.

— Вам неприятно, что я снял горшок с окна?

Поколебавшись несколько секунд, Мегрэ взялся рукой за спинку обитого бархатом стула, уселся на него верхом лицом к постели и приготовился зажечь трубку.

— Вы ждали его сегодня утром?

Никогда, вероятно он не чувствовал на себе взгляда, полного такой ненависти, ненависти не пылкой, а приглушенной, смешанной с презрением и, может быть, с горькой покорностью судьбе.

— Он все еще в Париже, правда?

Он давал ей возможность подумать и в то же время прислушивался к звукам, доносившимся с лестницы.

— Если бы его не было в Париже, вы бы не волновались и не поставили бы горшок на окно. Ведь вы сами переставили его. Это сделала не консьержка. И не сиделка.

Она протянула костлявую руку к стакану с водой, стоявшему на ночном столике, и с усилием, заметным по напряжению ее шеи, выпила глоток.

— Сейчас, вот в эту минуту, нантская полиция занимается тем, что допрашивает человека, которого вы хорошо знали, — некоего Дедэ; Дедэ сообщит нам еще некоторые имена, а эти люди, в свою очередь, укажут на других.

Нервы у него были натянуты.

— Возможно, он и не придет. Наверное, ждал вашего телефонного звонка вчера или сегодня ночью, а вы не могли ему позвонить.

Пауза.

— Странно, почему он не нанял комнату или квартиру здесь же, в этом доме? Ведь тогда все было бы гораздо проще!

Ему показалось, что на ее сжатых губах появилась слабая улыбка.

Он вспомнил слова старой пьянчужки: «Красивая девчонка, кругленькая как куропатка...»

— Вы знаете, Франсуаза, что произойдет?

Она нахмурилась, услышав, что он называет ее по имени.

— Он придет, потому что встревожен еще больше, чем вы. Он побойтся, что мы вас арестуем, и захочет во что бы то ни стало предотвратить это.

Наконец он добился от нее первой реакции. Тело больной выпрямилось, и она с яростью крикнула:

— Я не хочу!

— Вот видите, он существует, я не ошибся.

— У вас нет никакой жалости!

— А он пожалел моего инспектора? Он думал только о своей личной безопасности.

— Это неправда.

— Допустим, что он думал только о вас...

Она сама еще не понимала, что в нескольких коротких фразах сказала ему больше, чем он надеялся от нее добиться.

— Да! Допустим, что он стрелял из-за вас, чтобы ваш муж, вернувшись из Бордо, не...

— Замолчите, ради бога! Разве вы не понимаете, что все это отвратительно?!

Она потеряла хладнокровие. Не в силах больше лежать неподвижно в постели, она встала в рубашке, так что открылись ее

ноги, ее худые икры. Она стояла на коврике и гневно смотрела на него.

— Арестуйте меня, раз вы столько уже узнали. Это я стреляла. Это я ранила вашего инспектора. Посадите меня в тюрьму, и пусть все это кончится...

Она хотела подойти к шкафу, наверное, для того, чтобы взять там платье и одеться, но забыла о своей немощности и неловко упала у ног Мегрэ, оказавшись на полу на четвереньках и напрасно стараясь подняться.

В его памяти еще ярче встала сцена с цыпленком.

Ему пришлось поднять ее, в то время как она отбивалась и, намеренно или нет, наносила ему удары, хватала за галстук.

— Спокойно, Франсуаза. Вы только повредите себе, вы прекрасно знаете, что я вас не арестую, что вы не стреляли, что вам трудно было бы это сделать.

— Говорю вам, я...

Это продолжалось не меньше минуты, и Мегрэ думал о том, видят ли их в окне мадемуазель Изабелла или мсье Криделька. Наконец ему удалось поднять ее и положить на кровать. Он держал за руки мадам Бурсико до тех пор, пока не почувствовал, что мышцы ее расслабились.

— Вы будете благоразумны?

Она отрицательно покачала головой, но, когда он отпустил ее руки, больше не пошевелилась, только покрыла простыней свое тело, наполовину обнажившееся во время борьбы.

Мегрэ выпрямился, поправляя волосы.

Вдруг она крикнула, словно рассерженный ребенок:

— Ничего я вам не скажу! — И, спрятав лицо в подушку, проговорила что-то сквозь зубы, чего он не расслышал. — Я вам ничего не скажу, и вы его никогда не найдете, — крикнула она, не поднимая головы, — вы скотина! Я вас ненавижу. Если опять случится несчастье, это будет по вашей вине. О, как я вас ненавижу...

Он не смог удержаться от улыбки и стоя смотрел на нее беззлобно и жалостливо.

Так как Мегрэ не шевелился, она немного повернула голову и украдкой посмотрела на него.

— Чего вы ждете? Чтобы я вам все рассказала? Я вам не скажу ничего. Можете делать что хотите, я не скажу ничего. И... по какому праву вы здесь, у меня в комнате?

Она еще раз переменяла тактику. Теперь это была уже не женщина лет пятидесяти. Это была девочка, которая знает, что набедакурила, но не хочет в этом сознаться и яростно отпирается.

— Ну и что ж, что вы из полиции, вы все равно не имеете права входить к людям без мандата. Есть у вас мандат? Покажите его! А если у вас нет, то сейчас же убирайтесь. Слышите? Я приказываю вам уйти...

Он чуть не расхохотался, напряжение его пропало. Наступила разрядка.

— Вы говорите глупости, Франсуаза...

— Запрещаю вам называть меня так... Если вы сейчас же не уйдете, я крикну, всполошу соседей, расскажу им, что вам доставляет удовольствие мучить больную женщину...

— Я еще вернусь, — добродушно сказал Мегрэ, направляясь к двери.

— Не стоит. Вы ничего из меня не вытянете. Уходите! Я ненавижу вас... Я...

Мегрэ вышел на площадку, закрыв за собой дверь. Он невольно улыбался, слыша, как она разговаривает сама с собой.

Когда он вышел на улицу и поднял голову, то обнаружил, что медный горшок снова стоит на окне. Похоже было, что на этот раз она поставила его туда, чтобы досадить комиссару.

* * *

Мегрэ сидел у овернца и пил первую за этот день рюмку белого вина, когда увидел возвращающуюся с рынка консьержку, Люка следовал за ней.

— Ну как? — окликнул его Мегрэ.

Люка заметил, что начальник повеселел.

— Она призналась? — спросил он.

— Нет. А что у тебя?

— Консьержка сначала пошла на улицу Муфтар и часто останавливалась возле тележек. Я подходил ближе, чтобы все слышать, но она просто покупала овощи и фрукты. Потом зашла в мясную лавку.

— Никто к ней не подходил?

— Я не заметил ничего подозрительного. Правда, она видела, что я за ней слежу.

— По телефону тоже не звонила?

— Нет. Несколько раз она взглядывала на меня с неприязнью и что-то бормотала.

— Не только на вас она злится! — вздохнул Мегрэ.

— Вы думаете, этот человек где-то поблизости?

— Возможно. Вчера ему не позвонили, как обычно. Он встревожен. Но я не смог помешать Франсуазе поставить ее медный горшок на подоконник.

К счастью, прохожих было мало. Если бы кто-нибудь посмотрел на окно мадам Бурсико, они бы это заметили.

Мегрэ и Люка вернулись к мадемуазель Клеман как раз в тот момент, когда она уходила на рынок с сумкой в руке. Люка сел у окна гостиной. Мегрэ позвонил на набережную Орфевр.

Ответил Воклен.

— Вот уже больше получаса, как я допрашиваю старуху, — сказал он. — Мне пришлось обещать ей денег на выпивку. Она называет мне кучу имен, путается. Проверяем все, что можем.

— На улицу Мсье де Прэнс ходили?

— Колен только что оттуда. Консьержка там все та же. Помнит эту девушку. Говорит, что она была спокойная, никого не принимала и по вечерам никуда не выходила. Потом встретила какого-то приличного человека, вдовца, и уехала.

— Не спрашивали, получала ли она письма из-за границы?

— Нет. Она вообще не получала писем.

Едва Мегрэ положил трубку, как раздался телефонный звонок. Звонили из Нанта.

— Это вы, шеф? Я сейчас вернулся из бара Дедэ. Он с трудом вспомнил Франсуазу Бинэ. Называет ее Люлю.

— Он не знает, что с ней теперь?

— Потерял ее из вида. Один только раз, два-три года спустя, видел ее с молодым человеком небольшого роста, жгучим брюнетом.

— Тоже из этой среды?

— Как раз нет. Раньше он его никогда не видел. По словам Дедэ, молодой человек был похож на служащего или продавца из большого магазина.

— В каком районе это было?

— Возле площади Клиши. Дедэ с ними не разговаривал. Люлю сделала вид, что не узнала его.

— А что он о ней говорит?

— Что эта индюшка не знала, чего хочет. Он думает, что она вышла замуж и что у нее теперь куча детей.

— Это все?

— По-моему, он все выложил. Не скрыл даже, что хотел заставить ее работать... вы знаете как. Она пыталась, но у нее ничего не получилось. Дедэ считает, что она попала на клиента, который внушил ей отвращение к этой профессии.

— Ну спасибо.

Мегрэ поднялся к себе в комнату и увидел, что медный горшок все еще стоит на подоконнике, Франсуаза Бурсико, лежа в постели, говорит по телефону. Она посмотрела в его сторону, увидела Мегрэ, но не повесила трубку. Видно было, что говорит она спокойно, с серьезным видом, продумывая каждое слово. Время от времени утвердительно кивала головой. Положив трубку, она легла и закрыла глаза.

Мегрэ знал, что ему сейчас позвонят, и пошел к телефону. Сразу же раздался звонок.

— Алло! Это вы, мсье комиссар?

— Да. С кем она говорила?

— С адвокатом. Метр Леша, который живет на бульваре Батиньоль.

— Она его раньше знала?

— Нет. Сказала, что ей нужна консультация по очень важному делу, но что она лежит в постели и не может встать. Просила его срочно приехать на улицу Ломон. Он заставил ее несколько раз повторить фамилию. Похоже, что ему не очень-то хочется ехать через весь Париж, не зная за чем. Он пытался выведать у нее хоть что-нибудь, но она ничего не сказала. В конце концов обещал приехать часов в двенадцать.

Мадемуазель Клеман вернулась с сумкой в руке, торопливая, запыхавшаяся. Она проскочила на кухню, не взглянув на комиссара.

— Чего это она? — спросил он Люка.

— Не знаю. На ней просто лица нет.

Мегрэ прошел в кухню. Мадемуазель Клеман стояла к нему спиной и, тяжело дыша, выкладывала овощи в шкаф для провизии.

— Послушайте, мадемуазель Клеман!

— Что?

— Вы больше не хотите меня видеть?

Она повернулась к нему всем телом, щеки ее горели, глаза блестели.

— Что вы пытаетесь от меня скрыть?

— Я?

Глаза у Мегрэ смеялись.

— О чем он у вас спрашивал?

— А вы следили за мной?

— Расскажите мне все.

— Он... назвался журналистом.

— Похож на журналиста?

— Не знаю. По-моему, нет, но...

— Но что?

— Волосы у него почти седые.

— Высокий или маленький?

— Маленький. Гораздо ниже меня.

— Одет хорошо?

— Да, одет прилично. Я стояла возле тележки и покупала редиску. Он снял шляпу и поклонился мне.

— Какая у него шляпа?

— Серая фетровая. Все на нем серое.

— Он спросил обо мне?

— Нет, но он назвался представителем газеты и сказал, что хочет знать, как идет следствие.

— Что вы ответили?

— Я искала глазами вас или вашего инспектора.

— Вы испугались?

— Сама не знаю. Он упорно смотрел на меня. Очень худой, круги под глазами, лицо желтоватое. Я посоветовала ему обратиться к комиссару Мегрэ. Он сказал, что вы ему не ответите, и спросил, где вы сейчас. Я сказала, что пошла в дом напротив. А потом мне стало страшно. Я, конечно, знала, что в толпе он ничего не сможет сделать, но все-таки поскорее зашла в колбасную. Он хотел пойти за мной, но не пошел. Посмотрел на обе стороны улицы и направился в сторону бульвара Сен-Жермен.

— Вы не сказали ему, что я два раза ходил к мадам Бурскико?

— Нет.

— И о ней вы с ним не говорили?

— Я даже не знала ее фамилии, пока вы мне сейчас не сказали.

— Чьей фамилии?

— Большой женщины на втором этаже. Ведь вы о ней говорите? А он кто? Убийца?

— Возможно.

Толстая девица с минуту смотрела на него, вытаращив глаза, а потом разразилась нервным смехом и никак не могла остановиться.

Глава восьмая, в которой инспектор Люка делает заметки, чтобы потом рассказать интересную историю

Впоследствии Люка особенно охотно рассказывал об этом следствии, так что в конце концов в уголовной полиции наизусть повторяли некоторые его фразы.

— Я все еще сидел у окна в маленькой гостиной. Небо вдруг потемнело как свинец, и по мостовой запрыгали градины, огромные, величиной с орех. Я вспомнил, что оставил открытым окно у себя в кабинете. Хотел позвонить Жозефу, рассыльному, и попросить, чтобы он закрыл окно. Комиссар расхаживал по коридору, заложив руки за спину. Когда я снял трубку, он взял ее у меня из рук, снова повесил на телефон и сказал: «Не сейчас, сынок».

Мегрэ часто называл его сынком, хотя разница в возрасте была у них не больше десяти лет.

— Град шел целый час. Потом в газетах писали, что такой сильной бури не бывало еще никогда. Комиссар оставил дверь открытой. Все это время он ходил по коридору туда и обратно. Мадемуазель Клеман наблюдала за ним из кухни через «глазок». Она подошла ко мне, испуганная, тихо сказала: «Прямо не знаю, что с ним. Я просто боюсь его!» И тут раздался телефонный звонок...

Доходя до этого места своего рассказа, Люка каждый раз делал паузу, а потом произносил ровным голосом:

— Комиссар вскинул голову и со вздохом облегчения поднял трубку.

В это утро действительно шел град. Мегрэ долго ходил по коридору, ворча что-то себе под нос, и бросился к телефону, как только раздался звонок.

— Алло! Говорит Мегрэ.

И на другом конце провода далекий голос повторил, словно эхо:

— Алло!

Наступило молчание. С порога прямо в коридор прыгали градины. В кухне мадемуазель Клеман с кастрюлькой в руке окаменела как перед фотоаппаратом.

— Вы знаете, кто вам звонит? — произнес наконец голос.

— Да. Тот, кто стрелял в инспектора Жанвье.

— Но вы не знаете моей фамилии.

— Скоро узнаю.

— Каким образом?

— Мы дошли уже до площади Клиши.

Опять воцарилось молчание.

— Что она вам сказала?

— Ничего. Она поставила на окно медный горшок с зеленым растением.

Снова молчание. Человек звонил, должно быть, из бара, дверь которого была открыта, потому что в трубке слышался шум града.

— Я могу пересечь границу прежде, чем моя личность будет установлена.

— Я думаю, что вы этого не сделаете.

— Почему?

— Сами знаете.

— Вы ее арестуете?

— Быть может, я буду вынужден это сделать.

— Журналисты знают, что вы у нее были?

— Нет еще.

— Никто не знает?

— Только консержка.
Мегрэ услышал вздох. Он нисколько не торопил этого человека. Оба они совсем не торопились.

— Что вы обо мне знаете?

— Что вы небольшого роста, средних лет, с седыми волосами, что на вас серый костюм, серое пальто и серая шляпа.

— Вам это сказала мадемуазель Клеман?

— Да.

— Я еще успею переодеться, поехать на аэродром и улететь за границу.

— Не возражаю.

— Вы признаете, что я имею возможность бежать?

— Да.

— А если я сдамся, согласитесь ли вы не впутывать в это дело известную вам женщину?

— Я уже думал о такой возможности.

— Но вы мне ничего не обещаете?

— Сначала я должен знать все подробности.

— Подробности о чем?

— О том, что произошло лет двадцать тому назад.

— Только об этом?

— Да.

— Вы не станете впутывать ее в дело с инспектором?

Тут замолчал Мегрэ. Казалось, что он молчит целую вечность.

— Нет, — сказал он наконец.

— Вы позволите мне повидаться с ней прежде, чем меня арестуют?

Мадемуазель Клеман все еще стояла неподвижно на кухне с кастрюлькой в руке, а Люка, сидя в кресле, кажется, задержал дыхание.

— При одном условии.

— Каком?

— Что вы не посягнете ни на ее, ни на свою жизнь. Даже если она будет просить вас об этом.

На другом конце провода воцарилось молчание. Теперь оно было еще более долгим.

— Вы этого требуете?

— Да.

— Хорошо.

— В таком случае можете приходить. Вы ведь недалеко от улицы Ломон?

— В двух шагах.

— Когда будете у нее, не задергивайте занавески и не опускайте шторы.

— Обещаю вам.

— Потом на улице вас будет ждать маленькая черная машина. Я буду там.

Человек на другом конце провода ничего не ответил и, чуть помедлив, повесил трубку.

Мегрэ неторопливо закурил, подошел к двери гостиной и рассеянно взглянул на Люка.

— Позвони к нам и вызови машину. Пусть она остановится на улице чуть ниже.

— Мне вас там ждать?

- Нет, не стоит.
- А можно мне все-таки остаться?
- Если хочешь.

Пока Люка направлялся к телефону, Мегрэ взял за дверью погреба бутылку пива, не взглянув на мадемуазель Клеман, которую он словно и не заметил. Потом медленно поднялся по лестнице, по пути бросив взгляд в приоткрытую дверь комнаты мадемуазель Бланш. Она в пеньюаре лежала на кровати и читала книгу.

Мегрэ открыл окно и облокотился на подоконник. Дождя уже не было. Мадам Бурсико лежала в постели, скрестив руки под головой, и смотрела в потолок. неподвижная, как человек, который чувствует, что за ней наблюдают.

Небо посветлело, но солнце еще не показалось, свет был резкий, как от матовой электрической лампочки. Тротуары еще были усыпаны градинами.

Человек появился с нижнего конца улицы, он шел совсем просто, естественно, словно случайный прохожий. Небольшого роста, худой, он был одет во все серое, и даже лицо его производило какое-то серое впечатление. Он мог быть старым и хорошо сохранившимся, но мог быть и молодым, преждевременно состарившимся.

Подойдя ближе, он посмотрел вверх и увидел комиссара. Но никак не отреагировал. Не останавливаясь, вошел в дом и, как видно, перевел дух на лестнице или на площадке, потому что прошло две или три минуты прежде, чем Мегрэ увидел, как мадам Бурсико повернулась к двери.

Она увидела его раньше, чем вошедший оказался в поле зрения Мегрэ, поднялась на кровати и почти сразу же повернулась к окну.

Человек сказал что-то, подходя к ней; он положил шляпу на стул и спокойно, сохраняя присутствие духа, стал уговаривать ее, словно испуганного ребенка.

Ни разу не посмотрев в сторону Мегрэ, он сел на край постели, а Франсуаза Бурсико прижалась к нему и спрятала голову у него на груди.

В окно она могла видеть комиссара, и тот, смущенный, отошел, открыл бутылку пива, стал не спеша пить.

Потом Мегрэ вышел на площадку. Мадемуазель Бланш лишь слегка удивилась, когда он вошел к ней и завел разговор о книге, которую она читала, о только что прошедшем граде.

Мегрэ услышал звонок телефона, голос взявшего трубку Люка, торопливые шаги на лестнице.

— Это вас, шеф... Звонят с набережной... Они напали на след...

Люка был весьма удивлен, увидев комиссара у мадемуазель Бланш. Но еще больше его поразило то, что Мегрэ принял новость без удивления и без удовольствия.

— Одно время она жила на улице Дам в маленьком меблированном отеле, где один человек, который...

— Уголовная полиция все еще у телефона?

— Да. Говорит Лапуэнт, он очень возбужден. Он хотел бы рассказать вам подробности. Он проверял в архивах. Он убежден...

— Скажи ему, что мы сейчас увидимся с ним у меня в кабинете...

В рассказе Люка эти подробности принимали почти эпический характер.

— Я бы мог подумать, что он интересуется только красивой девушкой, лежавшей на кровати в халате, распахнутом больше чем наполовину, и кокетничавшей с ним...

Мегрэ ушел из комнаты мадемуазель Бланш лишь после того, как увидел в окне напротив, что мадам Бурсико осталась одна.

Взяв чемодан, он пошел попрощаться с мадемуазель Клеман.

— Вы уезжаете совсем?

— Я как-нибудь зайду навестить вас.

— Ваше следствие закончено? Вы нашли убийцу?

Он не дал ей прямого ответа.

— Благодарю вас за ваши заботы и любезность.

И так как он осматривался вокруг, глядя на все то, что стало ему таким привычным, она засмеялась своим грудным смехом, от которого затрясся ее огромный бюст.

— Представьте, мне это безразлично. Я так привыкла к вам. Как к одному из своих жильцов.

Может быть, для того, чтобы доставить ей удовольствие, он сказал:

— И я тоже...

Мадемуазель Клеман проводила его до порога и стояла там, пока он переходил улицу. Немного ниже, за два дома от быстро, остановилась маленькая черная полицейская машина.

Поколесившись, Мегрэ зашел к овернцу.

— Налейте мне белого вина в последний раз.

Мадемуазель Клеман все еще стояла на пороге своего дома. Мегрэ подошел к машине, открыл дверцу, проговорив:

— Разрешите?

Усевшись на заднее сиденье, он бросил наконец шоферу уголовой полиции:

— На набережную!

Маленький серый человек сидел рядом. Он вежливо снял шляпу и всю дорогу держал ее на коленях.

Они не обменялись ни одним словом.

Глава девятая, в которой юный Лапуэнт не так уж гордится своим досье

Оба они медленно поднялись по пыльной лестнице. Мегрэ с удовольствием вдыхал знакомые запахи. Как всегда, в застекленном зале ожидания сидели люди. Жозеф, старик рассыльный, радостно воскликнул:

— Здравствуйте, мсье комиссар!

— Здравствуй, Жозеф.

— Шеф просит вас зайти к нему.

— Сейчас пойду.

— Мсье Лапуэнт тоже просил сообщить ему, как только вы вернетесь.

— Знаю.

— Звонил мсье Торранс.

— Спасибо, Жозеф.

Он толкнул дверь своего кабинета, открыл окно, снял шляпу, пальто.

Сразу же зазвонил местный телефон. Говорил Лапуэнт.

— Я знаю его фамилию и всю эту историю. Хотите, я сейчас принесу вам досье?

— Подожди. Я тебе позвоню.

Человек, которого он привел в свой кабинет, сидел на стуле, приподняв брюки, чтобы не помять складки. Он был гладко выбрит. Ногти у него были чистые. Взгляд выражал крайнее утомление.

— Вы жили в колониях?

— Почему вы так думаете?

Трудно было ответить на этот вопрос. Может быть, выдавал цвет лица, взгляд или то, что этот человек преждевременно постарел. Теперь Мегрэ был убежден, что его собеседнику не больше сорока пяти лет.

— Вы моложе ее, не так ли?

Сейчас они были словно два собеседника, мирно разговаривавших в кабинете, обсуждавших какие-то дела.

— Вы курите?

— Спасибо. Я уже много лет не курю.

— И не пьете?

Они постепенно познакомились, бросая друг на друга беглые взгляды.

— Теперь не пью, нет.

— А раньше?

— Когда-то пил.

— Мой инспектор там ждет, он должен принести ваше досье.

Любопытно: этот человек ни на секунду не подумал, что Мегрэ говорит это, чтобы проверить его реакцию. Он просто сказал:

— Это должно было случиться не сегодня, так завтра.

— Вы ожидали?

— Я знал, что это произойдет.

— Для вас облегчение? Нет?

— Может быть. Если только она не будет замешана в деле. Это произошло не по ее вине. Не забудьте, что вы мне обещали.

Это был единственный момент, когда он проявил что-то похожее на страх. Он был спокоен, держался все более свободно, словно чувствовал облегчение от чего-то, тяготившего его долгие годы.

— Что до меня, то я решил заплатить за все.

Он добавил с застенчивой улыбкой:

— Наверное, придется платить дорогой ценой?

— Вероятно, да.

— Ценой моей головы?

Мегрэ развел руками.

— Трудно предвидеть реакцию присяжных. Пожалуй, можно было бы отделаться легче, если бы...

Человек произнес четко, с оттенком гнева:

— Нет!

— Это ваше дело. Сколько вам было лет, когда вы ее встретили?

— Двадцать. Я только что прошел комиссию и был освобожден от военной службы.

— Родились в Париже?

— В Ньевре.

— Родители зажиточные?

— Среднего достатка. Скорее бедные.

— Вы где-нибудь учились?

— Три года в колледже.

Ему было приблизительно столько же лет, сколько Паулюсу. И он тоже приехал в Париж, надеясь пробить себе дорогу.

— Вы работали?

— Работал.

— Где?

— В конторах... Зарабатывал мало...

Опять как Паулюс.

— И вы начали посещать бары?

— Я был один в Париже. Моя комната мне опротивела.

— Вы встретили Франсуазу в баре?

— Да. Она была на четыре года старше меня.

— У нее был любовник?

— Да.

— Она бросила его из-за вас?

— Да.

— И вы стали жить вместе?

— Я не мог, потому что у меня не было денег. Я как раз оставил свою работу. Искал другую.

— Вы любили ее?

— Я так думал. Но еще сам не знал.

Он произнес эти слова серьезно, медленно, опустив голову и глядя вниз.

— Вы предпочитаете, чтобы мне принесли досье?

— Не стоит. Меня зовут Жюльен Фукрие. У последнего друга Франсуазы были полные карманы денег. Я бесился оттого, что не мог ей ничего дарить.

— Она на это жаловалась?

— Нет. Она говорила, что у нас вся жизнь впереди и что в конце концов я пробьюсь.

— Но у вас не хватило терпения.

— Вот именно.

— Кого вы убили?

— Я не собирался никого убивать. Напротив моего отеля, на улице Дам, за бульваром Батиньоль, жил человек лет шестидесяти, про которого мне говорила хозяйка отеля.

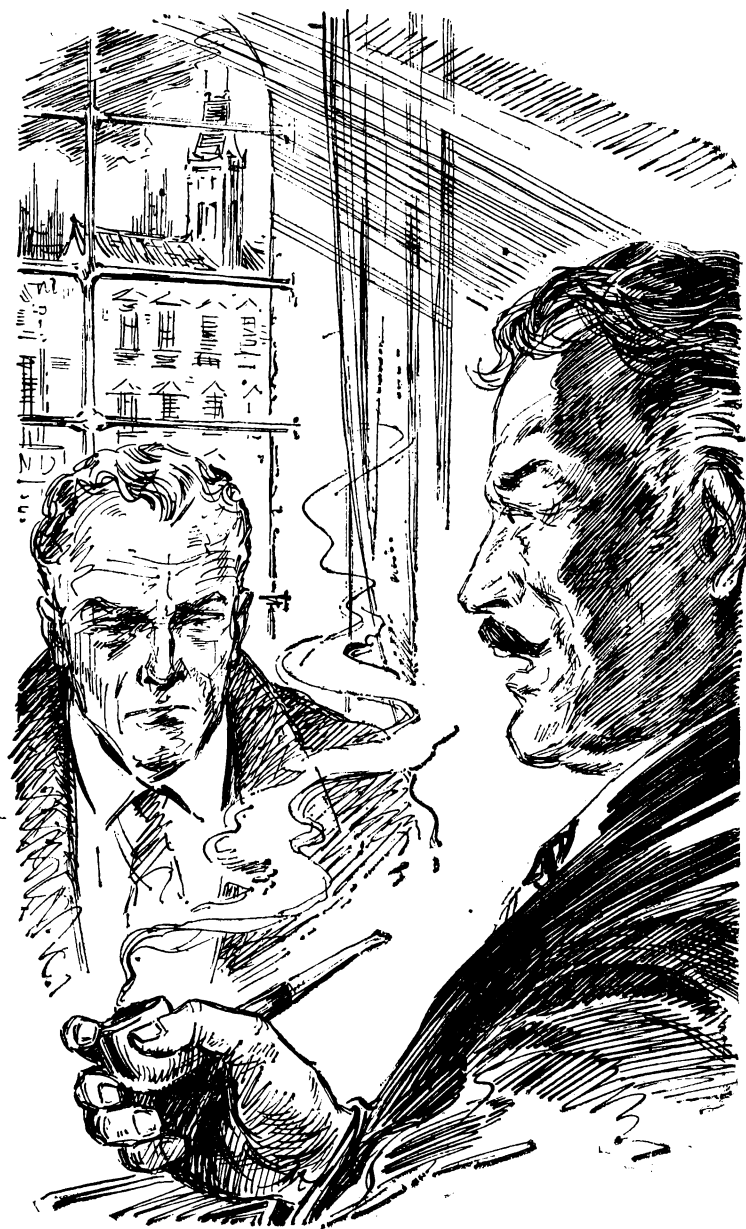
— Почему она о нем говорила?

— Потому что я задолжал ей за комнату. Она сказала, что он ссужает деньги людям в моем положении и что пусть лучше я буду должен ему, а не ей. Я пошел к нему. Он мне давал в долг два раза и брал за это сто процентов. Он жил один в темной квартире и сам занимался хозяйством. Его звали Мабиль.

Мегрэ смутно припоминал это дело.

— Вы его убили?

— Да. Я пошел к нему в третий раз, хотел опять одолжить денег, и он открыл свой сейф. На камине стояли два подсвечника. Я схватил один.

— Что вы делали потом?

— Полиция потеряла около месяца. Дело в том, что кто-то другой приходил после меня к Мабиллю, человек, который уже имел приводы, и швейцар дал полиции его описание. Его арестовали. Долго думали, что это он убил.

— Вы сказали Франсуазе правду?

— Я жил в постоянной тревоге. Когда прочел в газетах, что арестованный вместо меня человек освобожден, я потерял голову и уехал за границу.

— Так и не сказав ничего Франсуазе?

— Я написал ей, что меня вызвали родители и что я скоро вернусь.

— Куда вы поехали?

— В Испанию. Потом в Португалию, а там сел на пароход, идущий в Панаму. Французские газеты публиковали мою фамилию и мои приметы. В Португалии мне удалось достать фальшивый паспорт на имя Вермерша.

— И с тех пор вы жили под этой фамилией?

— Да.

— Вы долго прожили в Панаме?

— Восемнадцать лет.

— Не имея известий от Франсуазы?

— А как я мог получать от нее известия?

— Вы ей не писали?

— Никогда. Сначала я работал рассыльным во французском отеле. Потом открыл собственный ресторан.

— Вы разбогатели?

Он ответил, словно стесняясь:

— Я заработал порядочно денег. Столько, сколько нужно, чтобы жить без забот. Я заболел. Печень. Много пил. Там свободно продается настоящий абсент, и я к нему пристрастился. Три месяца провел в больнице. Врачи посоветовали мне переменить климат.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы вернулись во Францию?

— Семь лет.

— Значит, вы вернулись до того, как Франсуаза заболела?

— Да. За два года до этого.

— Как вы ее разыскали?

— Я не искал ее. Не посмел бы. Я был уверен, что она не захочет меня видеть. Однажды я случайно встретил ее в метро.

— Где вы тогда жили?

— Там, где живу и сейчас, на бульваре Ришар-Ленуар. Через несколько домов от вас, на углу улицы Шмен-Вер.

Тут он во второй раз улыбнулся, если это можно было назвать улыбкой.

— Франсуаза сказала вам, что она замужем?

— Сказала.

— Она на вас не сердилась?

— Нет. Она считала себя ответственной за то, что произошло.

— Она все еще любила вас?

— Наверно.

— А вы?

— Я никогда не переставал ее любить.

Он не повышал голос, говорил очень просто, нейтральным голосом. Сквозь облака начало проглядывать солнце, еще молодое, влажное.

— Вы не требовали от нее, чтобы она оставила мужа?

— Она не считала себя вправе сделать это. Видите ли, он очень хороший человек, она его уважает.

— Вы часто с ней виделись?

— Мы встречались два или три раза в неделю, когда ее муж бывал в море, в одном кафе на Севастопольском бульваре. Мне захотелось побывать у нее дома. Не для того, что вы имеете в виду. Об этом мы и не думали. Однажды я вошел в дом, когда консьержка была на рынке, и почти сразу же ушел.

— А потом это стало привычкой?

— Я приходил несколько раз.

— Вы уже тогда условились о сигнале?

— Медный горшок! Да. Я знал, что рано или поздно меня поймут. Это неизбежно случается.

— Вы никогда не предлагали ей уехать за границу?

— Она бы не согласилась.

— Из-за Бурсико?

— Да. Вы ее не знаете.

— А потом она стала совсем немощной?

— Почти совсем. Вы же ее видели. Это худшее, что могло с нами случиться. Она не могла выходить, и я стал чаще навещать ее. Однажды утром, когда консьержка вернулась, я еще находился в квартире и спрятался там. Я оставался у нее до следующего дня.

— И с тех пор вы стали оставаться у нее на ночь?

— Да. Это создало впечатление, что мы живем вместе. Не забудьте, у нас ведь никогда не было общей квартиры. Когда я жил на улице Дам, у нее была своя комната на бульваре Роше-шуар. Потому-то о ней никто никогда не упоминал. Вот и вся история! Я стал оставаться на два дня, потом на три, иногда даже больше. Еду я приносил с собой.

— Вы, конечно, не боялись, что неожиданно вернется муж: ведь суда ходят по твердому расписанию.

— Нам было тяжелее всего, когда он проводил здесь свой месячный отпуск.

Все было серенькое, меланхолическое, как и сам этот человек, как и квартира на улице Ломон, как и женщина, проводившая целые дни лежа в постели.

— На прошлой неделе я увидел в окно, что за улицей ведется наблюдение.

— Вы думали, что это из-за вас?

— В газетах ничего не писали про Паулюса. Я не мог предположить, что полиция интересуется домом напротив, и решил, что напали на мой след. За два дня, пока сидел в доме, я все передумал. Готов был сдать, но тогда мне пришлось бы говорить о Франсуазе, ее стали бы допрашивать, и муж узнал бы все...

— В общем, — сказал Мегрэ, набивая остывшую трубку, — вы выстрелили в инспектора, чтобы иметь возможность выйти из дома.

— Да.

— Потому что должен был вернуться муж, а вы были у нее.
— Совершенно верно. Я напрасно ждал, что наблюдение прервется. Видел, как сменяются инспектора. Когда они садились у окон дома мадемуазель Клеман, я был убежден, что следят за квартирой Франсуазы. Я ждал, так сказать, до последней минуты. Бурсико был уже в поезде. Он должен был прибыть на вокзал сразу после полудня. Мне обязательно нужно было выйти, понимаете?

— У вас было оружие?

— Никогда в жизни не носил оружия, даже в Панаме. Я знал, что револьвер Бурсико лежит в ночном столике. Это был кольт крупного калибра, который он сохранил еще с войны и оставлял под рукой у жены, так как думал, что она пуглива.

— Вы стреляли из окна?

— Я ждал, пока инспектор закурит сигарету, чтобы лучше прицелиться.

— Франсуаза знала, что вы делаете?

— Нет. Она даже не видела, что я держу револьвер в руке, потому что мы не зажигали лампы.

— Вы вышли не сразу?

— Я подождал, пока на улице начнется суета, чтобы пройти незамеченным. Когда вышел из дома, консьержка была на противоположном тротуаре и стояла с соседями спиной к своему дому. Дверь она оставила открытой. Франсуазе я обещал, что уеду за границу.

— Когда вы ей позвонили?

— На следующий день. Она умоляла меня уехать.

— А почему вы не уехали?

Он не ответил. Потом, подняв глаза на комиссара, прошептал

— А зачем?

Мегрэ опять вспомнил Паулюса. Тот тоже прицепился к дому мадемуазель Клеман. Один раз пробовал уехать и все-таки вернулся.

— Вы знали, что попадетесь?

Он пожал плечами.

— Вам это безразлично?

— При условии, что ее не будут беспокоить. Она тут ни при чем. На улице Дам она тоже была ни при чем. Виноват я один. Это просто злой рок.

Паулюс в своей камере, должно быть, думал то же самое.

— Теперь жалею, что стрелял в инспектора. Мне стало легче, когда я прочел в газетах, что он не умер. В особенности когда узнал, что у него двое детей и что жена ждет третьего.

На секунду они замолчали; луч солнца упал на окно и почти сразу же скрылся за облаком.

— Не забудьте о том, что вы мне обещали...

Мегрэ нахмурился, вспомнив, что Франсуаза Бурсико вызывает адвоката. Он протянул руку к телефону, но передумал звонить.

— Она говорила вам, что обратилась к адвокату?

— Да. Она ему ничего не расскажет.

Мегрэ все-таки снял телефонную трубку.

— Дайте мне пивную «Дофин»... Алло!.. Жюстен?.. Говорит

Мегрэ. — И, обращаясь к своему собеседнику, спросил: — Хотите кружку пива?

— Я предпочел бы чашку кофе.

— Принеси две кружки пива и чашку кофе.

— Хорошо, шеф. Сейчас...

Он повернулся к человеку, который скромно сидел на своем месте.

— Вы знаете какого-нибудь адвоката?

— Я возьму первого попавшегося. Раз уж дошло до этого...

Мегрэ закурил. Через несколько секунд открыл дверь официанту, который поставил поднос на письменный стол.

Он залпом выпил кружку пива, вытер рот.

— Я полагаю, что на минутку могу вас оставить одного?

— Можете.

Он пошел к начальнику.

— Мне сказали, что следствие закончено, Мегрэ?

— Закончено. Этот человек у меня в кабинете.

— Признается?

— Признается. Он зашел с целью украсть что-нибудь в дом напротив отеля мадемуазель Клеман и когда, выходя, увидел, что на улице стоит инспектор...

— А это правда?

— Нет. Но что касается меня, то я буду поступать так, как будто это правда.

— Замешана женщина?

— Да.

— Красивая?

— Нет. Ей скоро пятьдесят, и она вот уже пять лет не встает с постели.

— А не будет накладки?

— Не думаю.

— Послушайте, Мегрэ, я хотел бы, чтобы вы приняли одного человека, который ждет в приемной уже три дня; его моральное состояние никуда не годится.

— Кто это?

— Паулюс-отец. Он обязательно хочет видеть вас, объяснить вам...

— Ладно, приму, — вздохнул Мегрэ. — Как Жанвье?

— Его сегодня перевезли домой. А ваша жена?

— Вечером придет. Пойду встречать ее на вокзал.

Он пошел через кабинет инспекторов, где юный Лапуэнт сразу вскочил, очень воодушевленный, и протянул ему толстое досье.

— Нам так повезло, шеф! Мы нашли...

— Знаю, малыш. Ты хорошо поработал.

Он сунул папку под мышку, как будто она не представляла собой ничего важного.

— Вы знаете, что он уже раньше убил человека?

— Да.

— Правда, что вы его арестовали? Люка говорит...

Мегрэ стоял в проеме двери с трубкой в зубах, и Лапуэнт не совсем разобрал, что он проворчал выходя.

— Да уж пришлось!

Лапуэнт повернулся к Ваше, который тоже сидел в кабинете и составлял рапорт.

- Что он сказал?
— Что ему пришлось.
— Пришлось что?
— Я полагаю, арестовать этого человека.
И юный Лапуэнт, уставившись на дверь, через которую вышел Мегрэ, произнес только:
— Ну и ну!

Перевели с французского Н. БРАНДИС
и А. ТЕТЕРЕВНИКОВА

На I—IV стр. обложки — рисунок П. ПАВЛИНОВА.

На II стр. обложки — рисунок Н. ГРИШИНА к повести Евгения Гуляковского «Запретная зона».

На III стр. обложки — рисунок Ю. МАКАРОВА к роману Жоржа Сименона «Мегрэ в меблированных комнатах».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАН-
ЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ

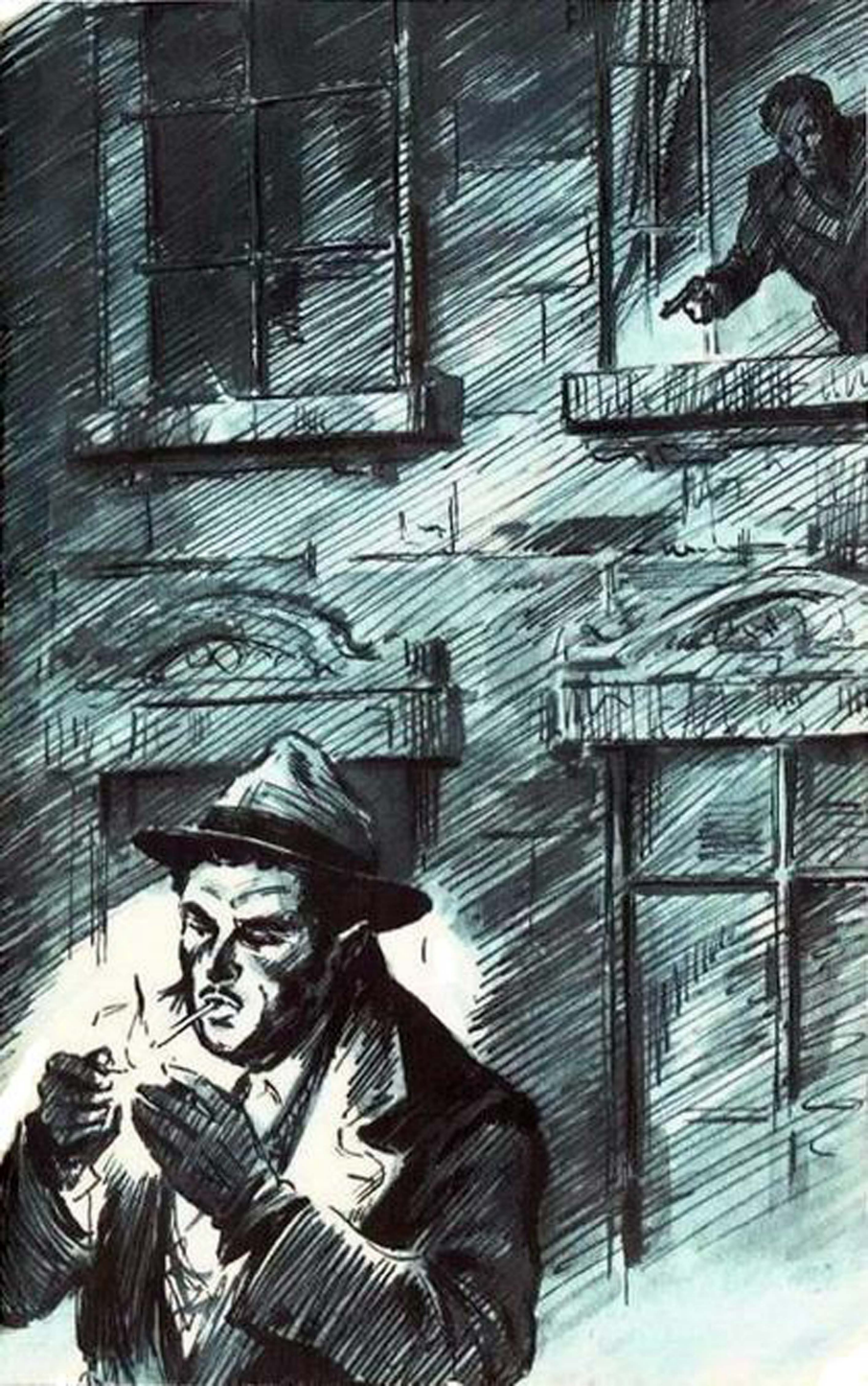
Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Суцесвская, 21.
Тел. 285-80-10, 285-88-84.

Сдано в набор 18/IX 1978 г. Подп. к печ. 10/XI 1978 г. А06235.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,1.
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 1667.
Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Суцесвская, 21.

Александр КУЧЕРЕНКО — А на Кавказе
шли бои
Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ — Запретная зона
Эдуард ХЛЫСТАЛОВ — Запах коньяка
Жорж СИМЕНОН — Мегрэ в мебелированных
комнатах

Цена 40 коп

